

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 33

ВОСКРЕСЕНИЕ

ЧЕРНОВЫЕ РЕДАКЦИИ
И ВАРИАНТЫ

Весь Толстой в один клик

Лев Толстой

**Полное собрание сочинений.
Том 33. Воскресение. Черновые
редакции и варианты**

«Библиотечный фонд»

1889-1899

Толстой Л. Н.

Полное собрание сочинений. Том 33. Воскресение. Черновые редакции и варианты / Л. Н. Толстой — «Библиотечный фонд», 1889-1899 — (Весь Толстой в один клик)

© Толстой Л. Н., 1889-1899

© Библиотечный фонд, 1889-1899

Содержание

Лев Николаевич	6
Предисловие к электронному изданию	7
ВОСКРЕСЕНИЕ	10
ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕМУ ТОМУ.	11
РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ.	12
ВОСКРЕСЕНИЕ	14
** [ПЕРВАЯ НЕЗАКОНЧЕННАЯ РЕДАКЦИЯ	14
«ВОСКРЕСЕНИЯ».]	
**[НАЧАЛО ВТОРОЙ НЕЗАКОНЧЕННОЙ РЕДАКЦИИ	25
«ВОСКРЕСЕНИЯ»].	
**[ПЕРВАЯ ЗАКОНЧЕННАЯ РЕДАКЦИЯ	28
«ВОСКРЕСЕНИЯ».]	
2.	32
6.81	41
7.	46
<8>6.	48
8.	57
7.	65
[ВАРИАНТЫ ОТДЕЛЬНЫХ РЕДАКЦИЙ]	77
2-я РЕДАКЦИЯ.	77
** № 1 (рук. № 9).	77
* № 2 (рук. № 6).	80
* № 3 (рук. № 8).	80
* № 4 (рук. № 6).	81
* № 5 (рук. № 7).	81
* № 6 (рук. № 8).	82
* № 7 (рук. № 7).	82
* № 8 (рук. № 8).	82
* № 9 (рук. № 11).	83
* № 10 (рук. № 6).	83
* № 11 (рук. № 11).	83
* № 12 (рук. № 8).	83
* № 13 (рук. № 8).	84
* № 14 (рук. № 11).	84
* № 15 (рук. № 11).	85
* № 16 (рук. № 11).	85
* № 17 (рук. № 7).	85
* № 18 (рук. № 7).	86
* № 19 (рук. № 8).	86
* № 20 (рук. № 11).	86
* № 21 (рук. № 11).	87
* № 22 (рук. № 11).	87
* № 23 (рук. № 7).	87
* № 24 (рук. № 8).	88
* № 25 (рук. № 8).	88
* № 26 (рук. № 8).	89

* № 27 (рук. № 11).	89
* № 28 (рук. № 11).	89
* № 29 (рук. № 11).	89
* № 30 (рук. № 8).	90
* № 31 (рук. № 8).	90
* № 32 (рук. № 8).	90
* № 33 (рук. № 8).	91
* № 34 (рук. № 8).	91
* № 35 (рук. № 8).	92
* № 36 (рук. № 8).	93
* № 37 (рук. № 8).	93
* № 38 (рук. № 8).	94
* № 39 (рук. № 8).	94
* № 40 (рук. № 8).	95
* № 41 (рук. № 8).	95
* № 42 (рук. № 8).	96
* № 43 (рук. № 11).	97
* № 44 (рук. № 8).	102
* № 45 (рук. № 8).	102
* № 46 (рук. № 11).	102
* № 47 (рук. № 11).	105
3-я РЕДАКЦИЯ	105
* № 48 (рук. № 14).	105
* № 49 (рук. № 14).	106
* № 50 (рук. № 19).	106
* № 51 (рук. № 19).	106
** № 52 (рук. № 14).	106
* № 53 (рук. № 19).	108
* № 54 (рук. № 14).	108
* № 55 (рук. № 20).	109
** № 56 (рук. № 15).	109
Конец ознакомительного фрагмента.	111

**Лев Николаевич
Толстой**
Полное собрание сочинений. Том 33
Воскресение. Черновые редакции и варианты

Государственное издательство
«Художественная литература»
Москва – 1935

Электронное издание осуществлено компаниями [ABBYY](#) и [WEXLER](#) в рамках краудсорсингового проекта [«Весь Толстой в один клик»](#)

Организаторы проекта:

[Государственный музей Л. Н. Толстого](#)

[Музей-усадьба «Ясная Поляна»](#)

[Компания ABBYY](#)

Подготовлено на основе электронной копии 33-го тома Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной [Российской государственной библиотекой](#)

Электронное издание 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого доступно на портале www.tolstoy.ru

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928—1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и *координации* Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры *тома и отдельные произведения* публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

L É O N T O L S T O Ï

O E U V R E S C O M P L È T E S

SOUS LA RÉDACTION GÉNÉRALE
de V. TCHERTKOFF

AVEC LA COLLABORATION DU COMITÉ DE RÉDACTION:
K. CHOUMOR-TROTSKY, N. GOUDZY, N. GOUSSEFF, A. GROUSINSKY,
N. PIKSANOFF, N. RODIONOFF, P. SAKOULINE, V. SRESNEVSKY,
A. TOLSTAÏA et M. TSLAVLOVSKY

SANCTIONNÉE PAR LA COMMISSION DE RÉDACTION D'ÉTAT:
V. BONTCH-BROUKÉVITCH, J. LOUPPOL
et M. SAVÉLJEFF

PREMIÈRE SÉRIE
O E U V R E S

T O M E
33

É D I T I O N D' É T A T
M O S C O U — 1 9 3 5

Л. Н. Т О Л С Т О Й

П О Л Н О Е С О Б Р А Н И Е С О Ч И Н Е Н И Й

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
В. Г. ЧЕРТКОВА

ПРИ УЧАСТИИ РЕДАКТОРСКОГО КОМПЛЕТА В СОСТАВЕ
А. Е. ГРУЗИНСКОГО, Н. К. ГУДЗИЯ, Н. П. ГУСЕВА, Н. К. ПИКСАНОВА,
Н. С. РОДИОНОВА, П. Н. САКУЛИЦА, В. П. СРЕЗНЕВСКОГО,
А. Л. ТОЛСТОЙ, М. А. ЦЯВЛОВСКОГО И К. С. ШОХОР-ТРОЦКОГО

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ
В СОСТАВЕ: В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧА, Н. К. ЛУППОЛА
И М. А. САВЕЛЬЕВА

СЕРИЯ ПЕРВАЯ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Т О М
33

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА — 1985

Перепечатка разрешается безвозмездно.

—

Reproduction libre pour tous les pays.

ВОСКРЕСЕНИЕ

РЕДАКТОР
Н. К. ГУДЗИЙ

Л. Н. ТОЛСТОЙ
1898 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕМУ ТОМУ.

Своеобразие работы Толстого над «Воскресением» по сравнению с работой его над другими произведениями заключается в том, что она в очень большой степени протекала не только в стадии первоначального писания романа и подготовки его к печати, но почти в той же мере количественно и качественно — и в период чтения корректур набранной в типографии рукописи.

Многokrатно исправлявшийся, коренным образом перерабатывавшийся и дополнявшийся текст романа до сдачи его в печать (явление обычное у Толстого почти для всего, что он писал) в процессе работы над корректурами не только значительно пополнился новыми главами, часто по много раз переделывавшимися, но и подвергся в большей своей части новым, весьма существенным переработкам.

В результате такого упорного и напряженного труда над «Воскресением» оно прошло через шесть основных редакций, в пределах которых мы имеем значительное количество вариантов, из которых печатаются все наиболее существенные.

Публикуемые в настоящем томе черновые редакции романа уже были в самое недавнее время опубликованы; что же касается вариантов отдельных редакций, то они в огромном большинстве публикуются впервые.

Значительную помощь в переписке рукописного и корректурного материала редактору оказал М. В. Булыгин. Указатель собственных имен составлен В. С. Мишиным.

Н. Гудзий.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ.

Тексты произведений, *печатавшихся при жизни* Толстого, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква, и начертаний до-гrotовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга («брычка», «цаловать»).

При воспроизведении текстов, *не печатавшихся при жизни* Толстого (произведения, окончательно не отделанные, неоконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого», «тетенька» и «тетинька»).

Слова, не написанные явно по рассеянности, вводятся в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это ударение не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

На месте слов, неудобных в печати, ставится в двойных прямых скобках цифра, обозначающая число пропущенных редактором слов: [[1]].

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к^{ый}» вместо «который» и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова, в процессе беглого письма, для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводится.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 *неразобр.*] или: [2 *неразобр.*], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках; но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске, и одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое печатается курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации соблюдаются следующие правила: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении «многоточий» Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: *Абзац редактора*.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [ ] скобках.

Пометки: *, **, ***, **** в оглавлении томов, на шмуц-титулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Толстого, *** – что не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и **** – что печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

ВОСКРЕСЕНИЕ

*, ** ЧЕРНОВЫЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ (1889—1890, 1895—1896, 1898—1899)

** [ПЕРВАЯ НЕЗАКОНЧЕННАЯ РЕДАКЦИЯ «ВОСКРЕСЕНИЯ».]

26 Декабря 89. Я[сная] Поляна].

Это было весной, ранней весной,¹ въ страстную пятницу. Марья Ивановна и Катерина Ивановна Юшкины² (старая³ фамилія), старыя богатыя⁴ дѣвицы, жившія въ своемъ имѣніицѣ подъ губернскимъ городомъ, были неожиданно обрадованы пріѣздомъ племянника Валерьяна Юшкина,⁵ только что поступившаго въ стрѣлковый батальонъ Императорской фамиліи (это было въ началѣ Севастопольской войны). Валерьянъ Юшкинъ былъ единственный сынъ Павла Иванныча Юшкина, умершаго вдовцомъ два года тому назадъ. Ему было 25 лѣтъ. Онъ 4 года тому назадъ кончилъ курсъ въ университетѣ и съ тѣхъ поръ, въ особенности по смерти отца, когда онъ получилъ въ руки имѣніе, жилъ, наслаждаясь всѣми прелестями жизни богатого, независимаго молодаго человѣка высшаго круга. Наслажденія его жизни были не въ петербургскомъ, а въ московскомъ духѣ: увеселенія его были не балы большого свѣта, не французенки и актрисы, а охота, лошади, тройки, цыгане; главное — цыгане, пѣніе которыхъ онъ безъ памяти любилъ и предпочиталъ всякой другой музыкѣ.

Валерьяна любили не однѣ его тетуски, его любили всѣ, кто только сходилъ съ нимъ. Любили его, во 1-хъ, за его красоту. Онъ былъ выдающейся красоты, и не грубой, пошлой, а тонкой, мягкой; во 2-хъ, любили его за его непосредственность. Въ немъ никогда не было никакихъ колебаній: чтò онъ любилъ, то любилъ, чего не любилъ, не любилъ. Впрочемъ, если онъ не любилъ чего, то онъ просто удалялся отъ нелюбимаго и никогда ничего и никого не бранилъ. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, такъ искренно увлекающихся, что даже эгоизмъ ихъ увлеченій невольно притягиваетъ людей. Такъ всѣ любили Валерьяна. Тетуски же его, въ особенности старшая Марья Ивановна, души въ немъ не чаяла. Марья Ивановна знала несомнѣнно чутьемъ своего добраго сердца, что Валерьянъ, несмотря на то, что дѣла его уже были запутаны и что Марья Ивановна съ сестрой оставляли ему свое порядочное имѣніице, что соображенія о наслѣдствѣ не имѣли никакого значенія для Валерьяна, скорѣе стѣсняли его, а что онъ⁶ прямо сердцемъ любилъ тетокъ, въ особенности Марью Ивановну. Марья Ивановна была старшая и годами, и умомъ, и характеромъ и тихая, кроткая. Катерина Ивановна была только ея спутникомъ. Валерьянъ любилъ бывать у тетокъ и бывалъ часто, во первыхъ, потому, что у него было имѣніице рядомъ съ ними, а во 2-хъ, потому, что около нихъ были чудныя лѣсъ мѣста, и онъ всегда заходилъ къ нимъ съ псовой охотой.

---

¹ Так было написано с самого начала. Затем весной, ранней весной зачеркнуто и вместо этого написано: поздней осенью. Потом поздней осенью зачеркнуто и восстановлено первоначальное чтение.

² Вначале было: Марья Ивановна Юшкова, затем добавлено: и Катерина Ивановна и Юшкова исправлено на Юшкины.

³ Зачеркнуто: русская

⁴ Исправлено из: старая, богатая

⁵ Зачеркнуто: стрѣлковаго офицера

⁶ В подлиннике: а онъ что

Стоянка была чудесная, всего въ волю, все прекрасно, какъ бываетъ у старыхъ дѣвицъ.⁷ Любили и ласкали его такъ, что самъ не замѣчалъ, отъ чего ему всегда становилось особенно радостно въ этой любовной атмосферѣ. Въ послѣднюю осень къ прелести его пребыванія у тетокъ прибавилось еще то, что 14-лѣтняя воспитанница Марьи Ивановны Катюша выросла, выравнилась и стала хоть не красавицей, но очень, очень привлекательной, оригинально привлекательной дѣвушкой, и Валерьянъ въ послѣдній свой пріѣздъ не упускалъ случая встрѣтить въ коридорѣ Катюшу, поцѣловать и прижать ее.

«Милая дѣвочка! – говорилъ онъ самъ себѣ, послѣ того какъ поцѣловалъ ее въ коридорѣ и она вырвалась отъ него. – Милая дѣвочка. Что-то такое чистенькое, главное, свѣженькое, именно бутончикъ розовый», говорилъ онъ самъ себѣ, покачивая головой и улыбаясь. Сначала онъ нечаянно встрѣчалъ ее, потомъ уже придумывалъ случаи, гдѣ бы опять наединѣ встрѣтиться съ ней. Встрѣчаться было легко. Катюша была на положеніи прислуги и постоянно чистенькая, веселенькая, румяная, очень румяная, въ своемъ фартучкѣ и розовомъ платицѣ, – онъ особенно помнилъ розовое платье, – бѣгала по дому. Такъ это было въ послѣдній пріѣздъ осенью, во время котораго онъ раза три поцѣловалъ ее.

Подѣзжая теперь въ своемъ новомъ мундирѣ стрѣлковаго полка къ усадьбѣ тетокъ, Валерьянъ съ удовольствіемъ думалъ о томъ, какъ увидитъ Катюшу, какъ она блеснетъ на него своими черными глазами, какъ онъ встрѣтитъ ее тайно въ коридорѣ... Славная была дѣвочка, не испортилась ли, не подурнѣла ли?

Тетушки были тѣже, только еще, казалось, радостнѣе, чѣмъ обыкновенно, встрѣтили Валерьяна. Да и нельзя было иначе. Во первыхъ, потому, что если былъ недостатокъ у Воли, то только одинъ: то, что онъ болтался и не служилъ. Теперь же онъ поступилъ на службу, и на службу въ самый аристократическій полкъ, а во 2-хъ, вѣдь онъ ѣхалъ на войну, онъ могъ быть раненъ, убитъ. Какъ ни страшно было за него, но это было хорошо, такъ надо, такъ дѣлалъ и его отецъ въ 12 году. Въ 3-хъ, когда онъ вошелъ въ своемъ полукафтанѣ съ галунами и высокихъ сапогахъ, онъ былъ такъ красивъ, что нельзя было не влюбиться въ него.

Встрѣча была радостная, веселая, но случилось, что въ то время, какъ онъ пріѣхалъ, Катюша стирала въ кухнѣ. Перецѣловавъ тетокъ, онъ рассказывалъ имъ про себя, и ему было хорошо, но чего-то не доставало. Гдѣ Катюша? Не испортилась ли? Не прогнали ли? Вѣдь на такую дѣвочку охотниковъ много. А жалко бы. Ему хотѣлось спросить, но совѣстно было, и потому онъ нѣтъ-нѣтъ оглядывался на дверь.

– Катюша! – закричала Марья Ивановна.

«А, она тутъ; ну и прекрасно».

И вотъ слышались поскрипывающіе башмачки и легкая молодая походка, и Катюша вошла все въ томъ же мытомъ и поблѣднѣвшемъ съ тѣхъ поръ розовомъ платьѣ и бѣломъ фартучкѣ. Нѣтъ, она не испортилась. Не только не испортилась, но была еще милѣе, еще румянѣе, еще свѣжѣе. Она покраснѣла, увидавъ Валерьяна, и поклонилась ему.

– Подай кофе.

– Сейчасъ, я готовлю.

Ничего, казалось, не случилось особеннаго⁸ ни утромъ, когда на удивительно чистомъ подносикѣ, покрытомъ удивительно чистой салфеткой, Катюша подала ему удивительно душистый кофе и зарумяненные сдобные крендельки, ни тогда, когда Катерина Ивановна велѣла ей поставить это поскорѣй и принести кипяченыхъ сливокъ; ничего не случилось и тогда, когда она за обѣдомъ принесла наливку и по приказанію Катерины Ивановны подошла къ нему и своимъ нѣжнымъ груднымъ голоскомъ спросила: «прикажете?» Ничего не случилось. Но всякій разъ, какъ они взглядывали другъ на друга, удерживали улыбку и краснѣли, передавая другъ

---

⁷ Зачеркнуто: А тетушки

⁸ В подлиннике: особенно

другу все большую и большую стыдливость. Ничего не случилось, казалось, а сдѣлалось то, что они почувствовали себя до такой степени связанными, что эту первую ночь не могли выгнать отъ себя мысли другъ о другѣ. Они, очевидно, любили другъ друга, желали другъ друга и не знали этаго. Валерьянъ никогда не думалъ о томъ, что онъ красивъ и что женщины могутъ любить его; онъ не думалъ этого, но обращался съ женщинами какъ будто былъ увѣренъ, что онѣ не могутъ не любить его. Катюша – та и совсѣмъ не позволяла себѣ думать о томъ, что она нравится ему и что она сама любить его. Видъ его слишкомъ волновалъ ее, и потому она не позволяла себѣ думать этаго.

Но на другой день, когда они встрѣтились въ коридорѣ, онъ хотѣлъ по прежнему поцѣловать ее, но она отстранялась,⁹ покраснѣла до слезъ и сказала такимъ жалкимъ, беспомощнымъ голосомъ: «не надо, Валерьянъ Николаевичъ», что онъ самъ почувствовалъ, что не надо, что между ними что то сильнѣе того, вслѣдствіи чего можно цѣловаться въ коридорахъ.

Валерьянъ хотѣлъ пробыть только день, но кончилось тѣмъ, что онъ пробылъ 5 дней и исполнилъ желаніе тетушекъ – встрѣтилъ съ ними пасху. И въ эти дни случилось съ нимъ и съ Катюшей то, что должно было случиться, но чего Валерьянъ вовсе не желалъ и не ожидалъ. Когда же это случилось, онъ понялъ, что это не могло быть иначе, и ни радовался, ни огорчился этому.

Съ перваго же дня Валерьянъ почувствовалъ себя совсѣмъ влюбленнымъ въ нее. Голубинькое полосатое платьице, повязанное чистѣйшимъ бѣлымъ фартучкомъ, обтягивающимъ стройный, чуть развивающійся станъ съ длинными красивыми руками, гладко-гладко причесанные чернорусые волосы съ большой косой, небольшіе, но необыкновенно черные и блестящіе глаза, румянецъ во всю щеку, безпрестанно затоплявшій ей лицо, главное же, на всемъ существѣ печать чистоты, невинности, изъ-за которыхъ пробивается охватившая уже все существо ея любовь къ нему, плѣняли его все больше и больше. Такая женщина въ эти два дня казалась ему самой той единственной женщиной, которую онъ могъ любить, и онъ полюбилъ ее на эти дни всѣми силами своей души. Онъ зналъ, что ему надо ѣхать и что не зачѣмъ теперь оставаться на день, два, три, недѣлю даже у тетокъ, – ничего изъ этого не могло выйти; но онъ не разсуждалъ и оставался, потому что не могъ уѣхать.¹⁰

Въ заутреню тетушки, отслушавъ всенощную дома, не поѣхали въ церковь;¹¹ но Катюша поѣхала съ Матреной Павловной и старой горничной – они повезли святить куличи. Валерьянъ остался было тоже дома; но когда онъ увидалъ, что Катюша уѣхала, онъ тоже вдругъ рѣшилъ, что поѣдетъ. Марья Ивановна засуетилась.

– Зачѣмъ ты не сказалъ, мы бы большія сани велѣли запречь.

– Да вы не беспокойтесь, тетушка. Теперь и на колесахъ и на саняхъ хуже. Вы не беспокойтесь, я съ Парфеномъ (кучеръ) устрою. Я верхомъ поѣду.

Такъ Валерьянъ и сдѣлалъ. Онъ пріѣхалъ къ началу заутрени. Только-только онъ успѣлъ продрагаться впередъ къ амвону, какъ изъ алтаря вышелъ священникъ съ тройной свѣчей и запѣлъ «Христосъ воскресе». Все было празднично, весело, но лучше всего была маленькая, гладко причесанная головка Катюши съ розовымъ бантикомъ. На ней было бѣлое платьице и голубой поясъ. И Валерьяну все время было удивительно, какъ это всѣ не понимаютъ, что она царица, что она лучше, важнѣе всѣхъ. Она видѣла его, не оглядываясь на него. Онъ видѣлъ это, когда близко мимо нее проходилъ въ алтарь. Ему нечего было сказать ей, но онъ придумалъ и сказалъ, проходя мимо нея: «Тетушка сказала, что она будетъ разгавливаться послѣ поздней

⁹ Зачеркнуто: но когда онъ обнялъ и протянулъ къ ней губы, она помиловала его и убѣжала.

¹⁰ Зач.: Церковь была въ верстѣ отъ дома, а съ утра въ великую субботу начались разговоры о томъ, какъ ѣхать тетушкамъ: въ саняхъ или въ пролеткѣ. Рѣшено было въ саняхъ. Валерьянъ <сопровождалъ ихъ> оставался дома.

¹¹ Зач: и Валерьянъ остался.

обѣдни». Молодая кровь залила все милое лицо, и черные глазки, смѣясь и радуясь, взглянули на Валерьяна.

– Слушаю-сь, – только сказала она.

Послѣ ранней обѣдни и христосованія съ священникомъ началось взаимное христосованье.¹² Валерьянъ шелъ въ своемъ мундирѣ, постукивая новыми лаковыми сапогами по каменнымъ плитамъ, мимо. Онъ шелъ къ священнику на промежутокъ[?] между ранней и поздней. Народъ разступался передъ нимъ и кланялся. Онъ шелъ и чувствовалъ себя отъ безсонной ли ночи, отъ праздника ли, отъ любви ли къ Катюшѣ особенно возбужденнымъ и счастливымъ. Кто узнавалъ его, кто спрашивалъ: «кто это?» На выходѣ изъ церкви среди нищихъ, которымъ Валерьянъ раздалъ денегъ, онъ увидалъ Катюшу съ Матреной Павловной. Они стояли съ бока крыльца и что то увязывали. Солнце ужъ встало и ярко свѣтило по лужамъ и снѣгу. Пестрый народъ присѣлъ на могилкахъ. Старикъ кондитеръ Марьи Ивановны остановилъ его, похристосовался, и его жена старушка, и дали ему яйцо. Тутъ же подошелъ молодой мужикъ, очевидно найдя, что лестно похристосоваться съ офицеромъ бариномъ.

– Христось воскресъ? – сказалъ онъ и, придвинувшись къ Валерьяну такъ, что сильно запахло сукномъ мужицкимъ и дегтемъ, три раза поцѣловалъ Валерьяна въ самую середину губъ своими крѣпкими, свѣжими губами. Въ ту самую минуту, какъ онъ поцѣловался съ этимъ мужикомъ и бралъ отъ него темновыкрашенное яйцо, Валерьянъ взглянулъ на Катюшу и встрѣтился съ ней глазами. Она опять покраснѣла и что то стала говорить Матренѣ Павловнѣ. «Да отчего же нѣтъ?» – подумалъ Валерьянъ и направился къ ней.

– Христось воскресъ, Матрена Павловна? – сказалъ онъ.

– Воистинѣ, – отвѣчала Матрена Павловна, обтирая ротъ платочкомъ. – Чтожъ, все кончили?

Минутку онъ поколебался; потомъ самъ вспыхнулъ и въ ту же минуту приблизился къ Катюшѣ.

– Христось воскресъ, Катюша? – сказалъ онъ.

– Воистинѣ воскресъ, – сказала она и, вытянувъ шею, подвинулась къ нему, блестя своими, какъ мокрая смородина, блестящими черными глазами.

Они поцѣловались два раза, и она какъ будто не хотѣла больше.

– Чтожъ? – сказалъ онъ.

Она вспыхнула и поцѣловала 3-й разъ.

– Вы не пойдете къ священнику? – спросилъ Валерьянъ.

– Нѣтъ, мы здѣсь, Валерьянъ Николаевичъ, посидимъ, – сказала она, тяжело, радостно вздыхая и глядя ему прямо, прямо въ глаза своими кроткими дѣвственными, любящими глазами.

Бываетъ въ сношеніяхъ съ любимымъ человѣкомъ одна минута, одно положеніе, въ которомъ особенно и лучше и дороже всего представляется этотъ человѣкъ. Такой минутой была эта для Валерьяна. Когда онъ вспоминалъ Катюшу, то изъ всѣхъ положеній, въ которыхъ онъ видѣлъ ее, эта минута застилала всѣ другія. Черная гладкая головка, бѣлое платье съ складками, такъ дѣвственно охватывающее ея стройный станъ, и эти нѣжные глаза, и этотъ румянецъ, и на всемъ ея существѣ двѣ главныя черты – чистоты, дѣвственности и любви не только къ нему, но любви ко всѣмъ, къ людямъ, – любовь благоволенія.

Валерьянъ отстоялъ и позднюю обѣдню и вернулся домой, какъ поѣхалъ, одинъ верхомъ.

Въ этотъ день вечеромъ Валерьянъ встрѣтилъ Катюшу въ коридорѣ и остановилъ ее. Она засмѣялась и хотѣла убождать, но онъ обнялъ ее и протянулъ къ ней губы. Она, не дожидаясь

---

¹² *Зачеркнуто:* Катюша, получивъ свои завязанные въ салфетки куличи, что то еще увязывала съ Матреной Павловной, стоя у окна въ придѣлѣ.

его, сама поцѣловала его и убѣжала¹³. Въ этотъ день рано легли спать, и Валерьянъ больше не видалъ Катюшу.

На другой день¹⁴ случилось, что къ тетушкамъ пріѣхали гости, которыхъ надо было помѣстить въ комнату, занятую Валерьяномъ, и Катюша пошла убирать эту комнату. Валерьянъ вошелъ въ комнату, когда она была одна въ ней. Они улыбнулись другъ другу. Онъ подошелъ къ ней и почувствовалъ, что надо дѣлать что то. Дѣлать надо было то, чтобы обнять ее. И онъ обнялъ ее; губы ихъ слились въ поцѣлуй. «Но потомъ что?» спрашивалъ онъ себя. Еще что то надо дѣлать. И онъ сталъ дѣлать, сталъ прижимать ее къ себѣ. И новое, страшно сильное чувство овладѣло имъ, и онъ чувствовалъ, что овладѣваетъ и ею. Онъ понялъ, какое это было чувство. Онъ, не выпуская ее изъ своихъ объятій, посадилъ ее на постель, но, услыжавъ шумъ въ коридорѣ, сказалъ:

– Я приду къ тебѣ ночью. Ты вѣдь одна.

– Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, ни за что, – говорила она, но только устами.

Матрена Павловна вошла въ комнату и, замѣтивъ ихъ лица, насупилась и выслала Катюшу.

– Я сама сдѣлаю.

Валерьянъ видѣлъ по выраженію лица Матрены Павловны, что онъ дѣлаетъ нехорошо, да онъ и такъ зналъ это, но чувство, новое чувство, выпроставшееся изъ за прежняго чувства любви, овладѣло имъ. Онъ не боялся этаго чувства, онъ зналъ, что надо дѣлать для удовлетворенія этаго чувства, и не считалъ дурнымъ то, что надо было дѣлать, и отдался этому чувству воображеніемъ, и чувство овладѣло имъ. Весь день онъ былъ не свой. Онъ чувствовалъ, что совершается что-то важное и что онъ ужъ не властенъ надъ собой. Онъ цѣлый день и вечеръ искалъ случая встрѣтить ее одну; но, очевидно, и она сама избѣгала его и Матрена Павловна старалась не выпускать ее изъ вида. Но вотъ наступила ночь, всѣ разошлись спать. Валерьянъ зналъ, что Матрена Павловна въ спальнѣ у тетокъ и Катюша въ дѣвичьей одна. Онъ вышелъ на дворъ. На дворѣ было тепло, и бѣлый туманъ, какъ облако, наполнялъ весь воздухъ. Шагая черезъ лужи по оледенѣвшему снѣгу, Валерьянъ обѣжалъ къ окну дѣвичьей. Катюша сидѣла у стола и смотрѣла передъ собой въ задумчивости, не шевелясь; потомъ она улыбнулась и покачала, какъ бы на свое воспоминаніе, укоризненно головой.

Онъ стоялъ и смотрѣлъ на нее и невольно слушалъ страшные звуки, которые доносились съ рѣки, текшей въ 100 шагахъ передъ домомъ. Тамъ, на рѣкѣ, въ туманѣ, шла неустанная тихая работа, ломало ледъ, то сопѣло что-то, то трещало, то осыпалось, то звѣнѣло – ломало ледъ. Онъ стоялъ, стоялъ, любуясь ей. Странное чувство жалости къ ней западало къ нему въ сердце, глядя на ея задумчивое, мучимое внутренней работой лицо. Онъ начиналъ жалѣть ее и боялся этой жалости. И чтобы скорѣе заглушить эту жалость другими чувствами вождельнія къ ней, онъ стукнулъ въ окно. Она вздрогнула, какъ подпрыгнула, ужась изобразился на ея лицѣ. Она придвинула свое лицо къ стеклу – выраженіе ужаса не оставляло ее, не оставило даже и тогда, когда она узнала его. Она улыбнулась только, когда онъ улыбнулся ей, улыбнулась, только какъ бы покоряясь ему. Онъ махалъ, звалъ, а она помотала головой, что нѣтъ, не выйдетъ. Онъ хотѣлъ уговаривать, но вошла Матрена Павловна, и Валерьянъ ушелъ. Долго онъ ходилъ въ туманѣ, слушая ледъ, и колебался, уйти или опять подойти. Онъ подошелъ: она сидѣла одна у стола и думала. Она взглянула въ окно, онъ стукнулъ. Она выбѣжала. Онъ обнялъ ее, и опять поцѣлуй и опять сознательное съ его стороны разжиганіе страсти, поглощавшее, затаптывавшее прежнее чистое чувство. Они стояли за угломъ на сухонькомъ мѣстѣ, и онъ, не видя времени, томился неудовлетвореннымъ желаніемъ и больше и больше заражалъ ее.

Матрена Павловна вышла на крыльцо и крикнула. Онъ убѣжалъ. Она вернулась.

---

¹³ Зачеркнуто: Все это было ничего. Но

¹⁴ Зач.: онъ встрѣтилъ ее опять въ коридорѣ, и новое чувство, низкое чувство похоти къ ней

Въ эту же ночь онъ подкрался къ ея двери рядомъ съ комнатою Марьи Ивановны. Онъ слышалъ, какъ Марья Ивановна молилась Богу и, стараясь ступать такъ, чтобы не скрипѣли половицы, подкрался къ ея двери и зашепталъ. Она не спала, вскочила, стала уговаривать его уйти.

— На что похоже? Ну можно ли, слышать тетинька, — говорили ея уста, а взглядъ, который онъ видѣлъ въ пріотворенную дверь, говорилъ: «милый, милый, ты знаешь, вѣдь я вся твоя». И это только понималъ Валерьянъ и просилъ отворить.

Она отворила. Онъ зналъ, несомнѣнно зналъ, что онъ дѣлаетъ дурно, но онъ зналъ тоже, что именно такъ всѣ дѣлаютъ и такъ надо дѣлать. Онъ схватилъ ее, какъ она была, въ чистой, но жесткой, суровой рубашкѣ съ обнаженными руками, поднялъ и понесъ. Она почувствовала прикосновеніе этихъ какъ бы каменныхъ напряженныхъ мускуловъ, поднимающихъ ея руки, и почувствовала, что она не въ силахъ бороться.

— Ахъ, не надо, пустите, — говорила она и сама прижималась къ нему.....

Да, было стыдно, и гадко, и грязно. Куда дѣвалась та чистота весенняго снѣга, которая была на ней?

—

Пробывъ 5 дней, онъ уѣхалъ. Онъ уѣзжалъ вечеромъ. Поѣздъ Николаевской дороги отходилъ со станціи, которая была въ 15 верстахъ отъ имѣнья Марьи Ивановны, въ 4 часа утра. Валерьянъ провелъ съ ней всю прошедшую ночь, но днемъ онъ не видѣлся съ ней наединѣ и не простился съ нею. Онъ успѣлъ только сунуть ей въ пакетъ 25 рублей. Онъ радъ былъ тому, что нельзя было видѣть ея. Что бы онъ могъ сказать ей? Оставаться больше нельзя было. Жить вмѣстѣ нельзя. Разстаться надо же. «Ну чтожъ, останется объ ней пріятное воспоминаніе», — такъ думалъ онъ. Послѣ¹⁵ вечерняго чая онъ уѣхалъ. Дорога была¹⁶ дурная, лѣсомъ по водѣ, и кромѣ того дулъ сильный холодный вѣтеръ. Погода была одна изъ тѣхъ апрѣльскихъ, когда все стояло и стало подсыхать, но завернули опять холода. Дорогой на лошадахъ онъ, разумѣется, не могъ не думать о ней.¹⁷ Влюбленности не было той, которую онъ испытывалъ до обладанія ею, но было пріятное воспоминаніе. Особенно пріятное потому, что онъ зналъ, что это считается очень пріятнымъ. О томъ, что съ ней будетъ, онъ совсѣмъ не думалъ. Ему не надо было отгонять мысли о ней. Съ свойственнымъ молодости вообще и ему въ особенности эгоизмомъ,¹⁸ ихъ не было. Онъ совсѣмъ не думалъ о ней; онъ думалъ только о себѣ. Онъ зналъ, что это всегда такъ дѣлается, и былъ совершенно спокоенъ и думалъ о походѣ, который предстоялъ, о товарищахъ¹⁹ и о ней, о пріятныхъ минутахъ съ нею. Онъ пріѣхалъ²⁰ только во время,²¹ взялъ билетъ 1-го класса и тутъ же встрѣтилъ товарища и разговорился съ нимъ.

Между тѣмъ тетушки говорили о немъ²² и такъ восхищались имъ, что не могли даже горевать. Въ серединѣ разговора Екатерина Ивановна съ тѣмъ особеннымъ интересомъ старыхъ дѣвъ къ амурнымъ исторіямъ, сдѣлала намекъ на то, что не было ли чегонибудь между Волей и Катюшей.

— Я что-то слышала, не буду утверждать, но мнѣ вчера ночью показалось.

---

¹⁵ *Зачеркнуто:* ранняя обѣда

¹⁶ *Зач.*: ужасная

¹⁷ *Зачеркнуто:* Но онъ отгонялъ эти мысли. Разумѣется, что то казалось ему нехорошо по отношенію ея, но какже быть, вѣдь это всегда такъ дѣлается.

¹⁸ *В подлиннике:* эгоизму

¹⁹ *Зачеркнуто:* которые должны были съѣхаться съ нимъ на этомъ самомъ поѣздѣ,

²⁰ *Зач.*: не

²¹ *Зач.*: но слишкомъ рано и долго ждалъ,

²² *Зач.*: и еще о томъ, что Катюша <куда то пропала> сказала — больна и ушла лежать.

Марья Ивановна сказала, что не может быть иначе, что Катюша должна влюбиться въ такого красавца, если онъ обратилъ на нее вниманіе, но что Воля этого не сдѣлаетъ. Подумавъ же, прибавила:

– Впрочемъ, отчегожъ, тутъ съ его стороны естественно. Съ ея стороны было бы непростительно, ей надо бы помнить, что она всѣмъ обязана намъ, – и т. д.²³

Крѣпостное право еще не было уничтожено, и обѣ старушки воспитывались въ крѣпостномъ правѣ. Имъ въ голову не могло придти то, чтобы Катюша, незаконная дочь бывшей горничной, взятая къ господамъ, воспитанная, любимая, ласкаемая своими барынями, чтобы она могла на минуту забыть свою благодарность, все то, чѣмъ она обязана старымъ барышнямъ, чтобы она могла забыть это и увлечься чѣмъ нибудь, хоть бы любовью къ Волѣ. Ей надо было помнить, что она должна своей службой отблагодарить барышень, а больше ничего она не должна была чувствовать.

Когда вечеромъ Катюша пришла раздѣвать Марью Ивановну, Марья Ивановна посмотрѣла на нее, на ея синеу подъ глазами, нахмурила густые брови, сжала челюсти, лишенные зубовъ, отчего лицо ея сдѣлалось особенно страшнымъ – Воля никогда не видалъ такого лица ея – и сказала:

– Смотри, Катюша, помни, чѣмъ ты обязана мнѣ и сестрѣ. Вѣдь у тебя кромѣ насъ никого нѣтъ. Береги себя.

Катюша промолчала, но поняла. Поняла и то, что было уже поздно совѣтовать, поздно и слушаться этихъ совѣтовъ.

Когда барышни раздѣлись и Катюша вернулась въ свою комнату и стала раздѣваться, чтобы лечь, она вдругъ вспомнила все, вспомнила то, что она потеряла все то, что ей велѣли не одни барышни, а что ей Богъ велѣлъ беречь, потеряла то, чего не воротишь; вспомнила о немъ, о его глазахъ, улыбкѣ и забыла жалѣть то, что потеряла. Но онъ, гдѣ онъ? И живо вспомнивъ его и понявъ то, что онъ уѣхалъ и она больше не увидитъ его, она ужаснулась. Думая о немъ, руки ея сами собой раздѣвали ее. Она подошла къ постели своей съ штучнымъ одѣяломъ и подушкой въ синей наволочкѣ и хотѣла, какъ всегда, стать на молитву передъ образомъ Николая Чудотворца, благословеніемъ Катерины Ивановны. И вдругъ ее всю передернуло, она вспомнила его ласки. «Какъ я буду молиться? Такая. Не могу. И спать не могу». Она все таки вскочила въ постель и закрылась съ головой, но она не могла заснуть. Долго она томилась, лежа съ головой подъ одѣяломъ, повторяя въ воображеніи своемъ всѣ слова его, жесты, но, перебравъ все по нѣскольку разъ воображеніемъ, она живо представила себѣ то, что его нѣтъ теперь здѣсь и не будетъ больше. И никогда она не увидитъ его. Она вспомнила, какъ онъ простился съ ней въ присутствіи тетокъ, какъ съ чужой, съ горничной.

– Нѣтъ, чтоже это, – вскрикнула она. – Чтоже это онъ со мной сдѣлалъ? Какъ я останусь безъ него такая? Что онъ со мной сдѣлалъ? Милый,²⁴ милый, за что ты бросилъ меня?

---

²³ *Зач.*: Катюша же между тѣмъ была не въ своей комнатѣ, а была въ лѣсу, въ томъ лѣсу за 2 версты отъ дома, черезъ который проходила желѣзная дорога. Зачѣмъ она пошла туда, она не знала. Какъ только уѣхалъ Валерьянъ, она не могла оставаться дома, она накинула на голову ковровый платокъ и побѣжала по дорогѣ на станцію за нимъ. Но въ первой лошинѣ же она попала въ воду почти выше колѣнъ. «Нѣтъ, я не могу».

²⁴ *Зачеркнуто*: Не могу, не могу, не могу. Что хотятъ они, а я уѣду за нимъ. – Она вскочила и стала одѣваться. «Да, поѣздъ отходитъ въ 4 часа. Онъ на станціи будетъ сидѣть всю ночь. Ну, и приду къ нему, – Она вспомнила, какъ она съ барышнями ѣздила въ Москву и сидѣла на этой станціи. – Приду туда, онъ тамъ, отзову къ сторонкѣ, скажу: возьмите меня. А то уѣду». Она одѣлась. Она потихоньку вышла на переднее крыльцо и пошла по дорогѣ. Она не поспѣла къ поѣзду. Не доходя трехъ верстъ до станціи, поѣздъ пересѣкъ проселочную дорогу, по которой она шла. «Да, это тотъ самый поѣздъ. И онъ уѣхалъ на немъ, и я осталась одна. Не можетъ быть? За что же? Какже жить? Вернуться къ Марѣ Ивановнѣ? Что я ей скажу? Что она скажетъ? Его не будетъ. Онъ съ своей красотой и веселостью будетъ тамъ гдѣ то, я здѣсь всю жизнь буду жарить, толочь кофе, перестирывать рукавички, взбивать перины. Да .... А если такъ, такъ подъ поѣздъ лечь. Да, лечь». И она побѣжала къ путю. Поѣздъ скрылся въ выемкѣ и долженъ былъ выйти. «Раздавить!» Онъ шелъ. «Лягу подъ поѣздъ. Лечь подъ поѣздъ, какъ тутъ и все кончено. А душу погубить навѣки. Въ адъ. Къ дьяволамъ. Нѣтъ, нѣтъ, не хочу». И она побѣжала прочь и, закинувъ руки наголову, изгибаясь, завопила: «За что, за что?» Вѣтеръ, подхватывая, уносилъ ея звуки и шуршалъ и гнулъ мелкіе кусты, карявые березы и елочки. Паровозъ съ огнями выбрался изъ выемки, за нимъ темный вагонъ, за нимъ освѣщенные окна одно

Она вскочила на постели и долго сидѣла, ожидая, что чтонибудь случится такое, что объяснить. И она сидѣла, прислушиваясь къ звукамъ ночи. Въ комнаткѣ было душно, за стѣной тикали часы, возилась собачка и храпѣла спавшая съ ней Дементьевна, добрая ключница. За стѣной послышался толчекъ въ дверь и скрипъ половицы. Сердце остановилось у Катюши. Это онъ. Но нѣтъ, онъ не могъ быть. Его не было. Это была Сюетка. Она лаяла и просилась выпустить. Катюша рада была случаю выдти. Она накинула ковровый платокъ, надѣла калоши на босыя ноги и, вмѣсто того чтобы только выпустить Сюетку, сама съ нею вышла на крыльцо. Сюетка съ лаемъ побѣжала по тающему снѣгу. А Катюша, прислонившись къ притолкѣ, стояла и слушала... Со всѣхъ сторонъ слышались странные ночные звуки. Прежде всего былъ слышенъ звукъ вѣтра, свистѣвшаго въ голыхъ вѣткахъ березъ. Вѣтеръ былъ сзади, и ей было тихо. Потомъ слышался хрускъ снѣга подъ Сюеткой, потомъ журчали ручьи, падали капли съ крышъ, и странные звуки какой-то молчаливой борьбы, возни слышались снизу, съ рѣки. Но вотъ послышался свистъ далекаго поѣзда. Станція была за 15 верстъ, а поѣздъ, тотъ самый, на которомъ ѣхалъ онъ, проходилъ тутъ близко, сейчасъ въ лѣсу, за садомъ. «Да, это онъ, онъ ѣдетъ; ѣдетъ и не знаетъ, что я тутъ».

— Ну, иди, иди, — крикнула она на Сюетку и выпустила ее въ домъ, а сама осталась, какъ стояла, слушая поѣздъ. Вѣтеръ гудѣлъ, рѣка дулась и трещала въ туманѣ.

— Все кончено, все кончено, — говорила она. — Это онъ ѣдетъ. Онъ, онъ! Хотя бы взглянуть на него.

И она побѣжала черезъ садъ за калитку на стоявшій крупными кристалами снѣгъ въ то мелколѣсье, черезъ которое проходила дорога. Вѣтеръ подталкивалъ ее сзади и подхватывалъ ея легкую одежду, но она не чувствовала холода. Только что она дошла до края откоса, и поѣздъ съ своими тремя глазами показался изъ-за выемки. Онъ засвистѣлъ, какъ ей показалось, увидавъ ее, но вѣтеръ подхватилъ тотчасъ же и дымъ и звукъ и отнесъ ихъ. И вотъ беззвучно выдвинулся паровозъ, за нимъ темный вагонъ, и одно за другимъ побѣжали свѣтящіеся окна. Разобрать ничего нельзя было; но она знала, что онъ былъ тутъ, и жадно смотрѣла на смѣняющіеся тѣни пассажировъ и кондукторовъ и не видала. Вотъ проскользнулъ послѣдній вагонъ съ кондукторомъ, и тамъ, гдѣ пролетѣли вагоны съ окнами, остались опять тѣ же мелкія деревца, гнушіеся отъ вѣтра, полянки снѣга, сырость, темнота и тѣ же внизу напряженные звуки рѣки. Нѣсколько времени слышались еще звуки, свѣтились огни и пахло дымомъ, но вотъ все затихло.

— За что, за что? — завопила она и, чтобы выразить самой себѣ свое отчаяніе, неестественно поднявъ и изогнувъ надъ головой руки, съ воплемъ побѣжала назадъ домой напротивъ вѣтра, подхватившаго звуки ея словъ и тотчасъ же уносившаго ихъ.

—

Въ ярко освѣщенномъ вагонѣ 1-го класса разбитъ былъ ломберный столъ, на сидѣнны была доска, на ней бутылки и стаканы, а за столикомъ сидѣли, снявъ мундиры, 3 офицера, и румяный красивый Валерьянъ, держа карты въ одной рукѣ, а въ другой стаканъ, весело провозглашалъ свою масть.²⁵

— Однако какъ темно, гадко на дворѣ, — сказалъ онъ, выглянувъ въ окно.

На другой день Катюша встала въ свое время, и жизнь ея пошла, казалось, попрежнему. Но ничего не было похожего на прежнюю. Не было въ ней невинности, не было спокойствія, а былъ страхъ и ожиданіе всего самаго ужаснаго. Чего она боялась, то и случилось. Она забеременела. Никто не зналъ этого. Одна старая горничная догадывалась. И Катюша боялась ее.

за другимъ мелькали передъ ней. И вагоны грохотали по рельсамъ и закрывались дымомъ, который тотчасъ подхватывалъ и относилъ вѣтеръ. «За что? За что? — вопила она, морщась и изгибаясь. — А онъ тамъ!» вскрикнула она и стала глядѣть. Но окно за окномъ быстро пролетѣли всѣ, и она никого не видала. Если бы она могла видѣть, то она видѣла бы вотъ что.

²⁵ *Зачеркнуто:* Одна старая ключница увидела возвращавшуюся Катюшу. Она все поняла, пожалѣла Катюшу и скрыла ея отсутствіе. Катюша вернулась ночью и легла, такъ что она сдѣлалась вправду больна.

Никто не зналъ, но Катюша знала, и эта мысль приводила ее въ отчаяніе. Она стала скучна, плохо работала, все читала и выучила наизусть «Подъ вечеръ осенью ненастной» и не могла произносить безъ слезъ. Мало того, что мысль о ея положеніи приводила ее въ отчаяніе, ея положеніе физически усиливало мрачность ея мыслей. Ходъ ея мыслей былъ такой: онъ полюбилъ меня, я полюбила его, но по ихнему, по господскому, это не считается, мы не люди. Онъ полюбилъ и уѣхалъ, забылъ, а я погибай съ ребенкомъ. Да не довольно, что погибай съ ребенкомъ, рожай безъ помощи, не зная, куда его дѣтъ, чѣмъ кормиться, но еще рожать то не смѣй. Если родишь – пропала. А не родить нельзя. Онъ растеть и родится. А имъ ни почемъ. Зачѣмъ я скучна, блѣдна, не весела? Марья Ивановнѣ не весело смотрѣть на меня.

Катюша негодовала на господъ, но не на него. Онъ не виноватъ, онъ любилъ. Съ каждымъ днемъ она становилась мрачнѣе и непокорнѣе. За невставленные свѣчи она нагубила Марья Ивановнѣ. Она сказала:

– Вы думаете, что отъ того, что вы воспитали меня, то можете изъ меня жилы мотать. Я все таки чувствую. Я человѣкъ. Сюжетка дороже меня.

Марья Ивановна затряслась отъ злости и выгнала ее. Когда она уѣзжала, Марья Ивановна узнала ея исторію съ племянникомъ. И это еще болѣе разсердило ее. Она заподозрила Катюшу въ желаніи выйти замужъ за Валерьяна. Катюшу взяли сосѣдніе помѣщики въ горничныя. Помѣщикъ-хозяинъ, человѣкъ 50 лѣтъ, вошелъ съ ней въ связь. Когда черезъ 6 мѣсяцевъ наступили роды, она увѣрила его, что это его ребенокъ, родившійся до срока, и ее отослали въ городъ. Послѣ родовъ она вернулась къ нему, вошла въ связь съ лакеемъ. И ее выгнали.

–

Стрѣлки Императорской фамиліи не были въ дѣлѣ. Когда они дошли, война кончилась. Они только прошлись туда и назадъ. Много веселаго, новаго пережили молодые люди въ этомъ походѣ. Вездѣ ихъ встрѣчали, чествовали, вездѣ ухаживали за ними. Многіе изъ статской молодежи, перейдя на военную службу, продолжали эту военную службу. Но Валерьянъ не остался. Какъ только кончилась война, онъ вышелъ въ отставку и поѣхалъ въ Москву, а потомъ въ деревню.²⁶ Приѣхавъ въ деревню, онъ тотчасъ же поѣхалъ къ теткамъ. Поэтическое воспоминаніе о Катюшѣ привлекало его. Но Катюши уже не было у тетокъ. На ея мѣстѣ была Варвара вдова, толстая, здоровая женщина, которую тетки преобразили по своему въ субретку, надѣвъ на нее фартучекъ и приучивъ ее къ той же чистотѣ. Былъ тотъ же кофе, тѣ же сливки, та же отдѣлка всѣхъ мелочей жизни, но Катюши не было. Когда Валерьянъ спросилъ о ней, Катерина Ивановна начала было рассказывать, сожалѣя о ней, но Марья Ивановна строго перебила ее и, хмурия свои густыя черныя брови, коротко сказала:

– Разстались. Дурно повела себя.

И взглянувъ на Валерьяна, отвернулась отъ него. Валерьянъ понималъ, что его участіе въ дурномъ поведеніи ея было извѣстно и что тетки обвиняли ее, а не его,²⁷ и ему стало ужасно жалко и стыдно. Онъ вечеромъ вошелъ въ комнату къ Катеринѣ Ивановнѣ, гдѣ она дѣлала пасьяны послѣ обѣда. Она думала, что онъ хочетъ погадать, но онъ сталъ спрашивать ее о Катюшѣ. Онъ признался во всемъ тетушкѣ и, спрашивая ее,²⁸ постоянно повторялъ:

– Тетинька! Вѣдь я мерзко поступилъ? Подло. Вѣдь это подло?

Все, что рассказала о Катюшѣ добрая Катерина Ивановна, о томъ, какъ она скучала, какъ читала Пушкина, стала разсѣянна, какъ читала «Подъ вечеръ осенью ненастной», ужасно волновало его. На него жалко и страшно было смотрѣть, когда онъ съ жалкимъ выраженіемъ лица переспрашивалъ по нѣскольку разъ, какъ все было, особенно то, что мучало его:

²⁶ Зачеркнуто: Къ теткамъ онъ попалъ только черезъ 1 1/2 года. Катюши уже не было у нихъ.

²⁷ Зач.: Ему было жалко и ее и то, что онъ не увидитъ ее. Но онъ живо не представилъ себѣ всего того, что именно было и могло быть, и забыть о Катюшѣ.

²⁸ В подлиннике: его.

– Такъ и сидѣла молча въ слезахъ? Такъ и сидѣла и читала? Тетинька, вѣдь я мерзавецъ. Правда, это гадость? Да вѣдь надо поправить.

Когда онъ узналъ, что она была беременна, не было конца его распросамъ.

– Да нѣтъ, не можетъ быть? Вѣдь это гадость. Да гдѣ же онъ, ребенокъ? И почему вы думаете, что это отъ меня?

– Да Авдотья говорила.

– Ma tante,²⁹ надо его взять, найти. А главное ее.

Но когда тетка сказала, что она совсѣмъ испортилась (по сплетнямъ деревенскимъ все было извѣстно у тетушекъ), Валерьянъ сталъ успокаиваться. «Да, но все таки гадко съ моей стороны. А какая милая, какая простая была», думалъ онъ.

Такъ онъ поѣхалъ, ничего не предпринявъ. И такъ съ тѣхъ поръ жизнь и его и ея пошли совершенно отдѣльно и независимо другъ отъ друга.³⁰ Онъ сначала попробовалъ служить, отдаться честолюбію, но это было не по характеру, онъ рѣшительно не могъ притворяться, поддѣлываться и тотчасъ же вышелъ. Онъ поѣхалъ за границу, въ Парижъ, попробовалъ наслажденія самыя утонченныя, чувственныя. Это тоже было ему не по характеру и оттолкнуло его.³¹ Онъ вернулся въ Россію, въ деревню. Конецъ лѣта и осень проводилъ онъ на охотѣ, зиму въ Петербургѣ, Москвѣ или за границей. Не говоря объ удовольствіяхъ матеріальныхъ, чистоты, изящества помѣщеній, одежды, экипажей, пищи и питья, куренья, къ которымъ онъ привыкъ какъ къ необходимымъ условіямъ жизни, удовольствіями главными его были чтеніе художественныхъ произведеній, которыя онъ очень вѣрно и тонко чувствовалъ, и музыка, въ особенности пѣніе – женское пѣніе, особенно сильно дѣйствовавшее на него.

Въ отношеніяхъ съ женщинами Валерьянъ былъ сравнительно съ своими сверстниками³² чистъ. Онъ никогда не имѣлъ сношеній съ женщинами, въ которыхъ не былъ влюбленъ.³³ Но влюблялся онъ очень легко. И не считалъ дурнымъ³⁴ перемѣнять предметы любви.³⁵ Онъ не женился не потому, что считалъ не нужнымъ жениться, но только потому, что такъ случилось. Отталкивала его условность свѣтскихъ отношеній и лживость ихъ. Лгать и притворяться онъ не могъ. Больше же всего помѣшала ему жениться его связь съ замужней женщиной, отъ которой онъ послѣ перваго же года хотѣлъ и не могъ избавиться. Тетки обѣ умерли. Валерьянъ наслѣдовалъ отъ нихъ и сталъ еще богаче. Такъ прошло 12 лѣтъ. Ему было 36 лѣтъ, въ бородѣ и на вискахъ показались сѣдые волосы, и начинало становиться скучно, начинало становиться ясно, что лучшаго отъ жизни ничего не будетъ, а хорошаго ничего и не было.

Зиму 1883 г. Валерьянъ жилъ въ Петербургѣ, куда былъ переведенъ на службу мужъ Вѣры.

На другой день послѣ Крещенья Валерьянъ, выйдя въ свой кабинетъ къ кофею, нашель по обыкновенію на столѣ письма и, наливъ чашку, сталъ читать ихъ.

Вѣра писала, что ждетъ его нынче въ 7-мъ часу, сейчасъ послѣ обѣда. Купецъ писалъ о продажѣ лѣса, и казенная бумага, повѣстка, объявляла, что онъ назначенъ на сессію окружнаго суда отъ 18 до 31.

²⁹ [Тетушка,]

³⁰ *Зачеркнуто*: Такъ прошло 12 лѣтъ. Валерьянъ жилъ, какъ живутъ богатые, праздные люди. Онъ не женился, хотя и собирался нѣсколько разъ, и даже не завелъ постоянной связи.

³¹ *Зач.*: Осталось у него въ жизни эстетическія радости: охота, искусство, музыка, чтеніе, хорошее кушанье, вино, женщины и карты, какъ препровожденіе времени. Но все это уже пріѣдалось. Ему было 36 лѣтъ, начинали показываться сѣдые волосы, и начинало становиться грустно за то, что изъ жизни ничего не вышло да и не можетъ выдти. Въ серединѣ зимы 1883 года онъ былъ назначенъ присяжнымъ.

³² *Зач.*: особенно

³³ *Зачеркнуто*: Отношенія съ проститутками были ему противны.

³⁴ *Зач.*: измѣнить женщинѣ.

³⁵ *Зач.*: Отъ этаго онъ и не женился.

– Странно! перспектива быть двѣ недѣли присяжнымъ (онъ уже былъ два раза), несмотря на лишенія, связанныя съ этимъ, пріятна была ему. Пріятно было и перемѣна условій жизни и видная дѣятельность (его оба раза избирали старшиной), пріятно было и избавиться отъ Вѣры. Связь эта давно ужъ мучала его. Мучала подлость обмана по отношенію добраго, довѣрчиваго мужа, мучала, главное, потому, что не любилося уже. И отношенія были фальшивыя.

Онъ написалъ расписку и послалъ въ полицію. Утромъ почиталъ славный романъ новый, поругалъ его и погулялъ. На гуляньи зашелъ въ книжный магазинъ и взялъ новую книгу. На Невскомъ встрѣтилъ знакомаго товарища Прокурора, спросилъ о дѣлахъ сессіи, на которую онъ назначенъ, и узналъ, что дѣлъ особенно интересныхъ нѣтъ, только одно о похищеніи въ банкѣ. Обѣдать онъ пошелъ къ кузинѣ и тотчасъ послѣ обѣда къ Вѣрѣ. Вѣра была одна и страшно возбуждена. Она чувственно была раздражена и отъ того сдѣлала сцену. Онъ разсердился и³⁶ сказалъ, что имъ лучше порвать все. Она стала упрекать его. Онъ зналъ, что упрекать его не въ чемъ. И начала и вела связь она. Онъ разсердился, взбѣсился и, наговоривъ ей непріятностей, убѣжалъ.

Дома онъ, радуясь разрыву, написалъ письмо, утверждающее разрывъ, и послалъ ей. Она отвѣчала. Онъ разорвалъ ея письмо, рѣшивъ, что отвѣчать нечего и что надо кончить. – Тутъ же съ нимъ сдѣлался сильный гриппъ, онъ одинъ просидѣлъ недѣлю дома. Только несносный Бекичевъ, все и всѣхъ знающій, заходилъ къ нему да кузина съ племянницами. Но ему было не скучно. У него была прекрасная книга, и онъ читалъ.

17 онъ вышелъ прогуляться, а 18 поѣхалъ въ Окружный судъ.

—

Въ 9 часовъ онъ былъ въ зданіи Окружнаго Суда. Его проводили въ помѣщеніе уголовного суда. Въ швейцарской уже былъ народъ: купецъ длиннополый, сѣдой, курчавый, съ очень маленькими глазами, чиновникъ съ гербовыми пуговицами и краснымъ лицомъ. Вышелъ непріятно, ненатурально учтивый судебный приставъ, спросилъ фамиліи, справился съ списками и отмѣтилъ. «Пожалуйте. У насъ хорошо, аккуратно», какъ будто говорилъ онъ.

Купецъ потиралъ руки, чиновникъ обдергивалъ фракъ за лацканы, точно они всѣ собирались что то дѣлать. Вошли всѣ въ залу. Зала огромная, возвышеніе, столъ съ зеленымъ сукномъ подъ портретомъ, лавки, диваны дубовые въ три ряда, на право за ними одинокое кресло прокурора. На лѣво лавка передъ дверью для обвиняемыхъ, подъ ней лавки, стулья для адвокатовъ. Загородка, какъ въ манежѣ, съ проходомъ раздѣляетъ залу, по сю сторону лавки, лавки, лавки, напомнившія Валерьяну аудиторію и университетъ.

³⁶ Зач.: ходя по комнатѣ,

****[НАЧАЛО ВТОРОЙ НЕЗАКОНЧЕННОЙ РЕДАКЦИИ «ВОСКРЕСЕНИЯ»].**

ВОСКРЕСЕНИЕ.

Юанна XI. 25, 26.

Я есмь воскресение и жизнь..

Князю Аркадію Неклюдову было ужь 28 лѣтъ, но все еще не установился, какъ говорили про него. Онъ не только не избралъ никакой дѣятельности, но хуже этаго: пробовалъ многое и ни на чемъ не останавливался. Онъ³⁷ вышелъ изъ университета не кончивъ курса, потому что рѣшилъ, что въ университетѣ ничему не научишься и что выучиваніе лекцій о предметахъ, которые не рѣшены, и пересказываніе этаго на экзаменахъ не только бесполезно, но унижительно. Рѣшилъ онъ это при приготовленіи къ экзамену изъ политической экономіи. Предметы эти интересовали его, и онъ читалъ Прогрессъ и бѣдность Джорджа и Рёскина Fors Clavigera и Grown of wild olive, и тутъ ему надо было, какъ несомнѣнныя истины, заучивать и пересказывать на экзаменахъ тѣ подраздѣленія и опредѣленія, которыя, по его мнѣнію, по крайней мѣрѣ были совершенно и несомнѣнно опровергнуты этими обоими писателями. Если онъ не имѣлъ такихъ несомнѣнныхъ доказательствъ произвольности и случайности тѣхъ опредѣленій и научныхъ подраздѣлѣній, которыя преподавались ему подъ видомъ философіи теоріи права и самыхъ различныхъ правъ, то онъ чувствовалъ, что и въ этихъ областяхъ тоже самое: подъ видомъ непогрѣшимой науки передаются элукубраціи извѣстныхъ и большею частью очень недалекихъ господъ ученыхъ. Оставалась исторія этихъ наукъ и исторія права, но исторія безъ освѣщенія, безъ цѣли подтвержденія извѣстныхъ истинъ еще скучнѣе самыхъ элукубрацій посредственныхъ ученыхъ. Все это онъ почувствовалъ всѣмъ существомъ своимъ и вышелъ изъ 3-го курса затѣмъ, главное, чтобы не дѣлать то, что называется заниматься наукой, т. е. учить и твердить все то, что дѣлаютъ посредственные ученые извѣстной узкой спеціальности самаго послѣдняго времени, а образовать себя, т. е. понять все то, что поняли о законахъ міра и, главное, жизни человѣческой самые геніальные люди. Родителей у него не было. Отецъ умеръ, когда ему былъ годъ, мать умерла, когда онъ былъ на первомъ курсѣ. Смерть эта – мать умерла на его рукахъ, и они нѣжно любили другъ друга – была тѣмъ значительнымъ событіемъ его жизни, которое заставило его проникнуть на извѣстную глубину чувства и мысли, по которой онъ впослѣдствіи мѣрилъ все другое. Все, что не доходило до этой глубины, представлялось ему не важнымъ. И такой представлялась ему и университетская наука, и служба, и карьера, которой хотѣла для него его мать. Послѣ матери онъ остался одинъ съ среднимъ состояніемъ, которое увеличилось еще въ послѣднее время наслѣдствомъ, полученнымъ отъ тетки, сестры отца, которая его ласкала и любила и была единственнымъ близкимъ ему человѣкомъ. Послѣ выхода изъ университета онъ поѣхалъ въ деревню, занялся хозяйствомъ, но, увидавъ свое незнаніе, поступилъ было въ сельскохозяиственное высшее училище, но тотчасъ же вышелъ еще болѣе разочарованный, чѣмъ университетомъ. Потомъ онъ ѣздилъ за границу, потомъ, по совѣту дяди, попробовалъ служить въ земствѣ, но тоже скоро вышелъ, потомъ занялся музыкой – скрипкой, которую онъ всегда страстно любилъ. Но и это не дало ему такого дѣла, которому бы онъ могъ отдаться.³⁸

---

³⁷ *Зачеркнуто:* пробовалъ служить. Это была его первая попытка дѣятельности послѣ окончанія курса.

³⁸ *Зачеркнуто:* Одна надежда найти установку составила у него въ женитьбѣ. И съ этой цѣлью онъ жилъ съ осени 76-го года въ Москвѣ, видаясь съ родными, знакомыми и даже посѣщая вечера и балы. 28 ноября онъ, по обыкновенію, выходя въ

Во всѣхъ дѣлахъ, которыя онъ дѣлалъ, онъ никакъ не совпадалъ съ большинствомъ. И это было ему тяжело. Онъ часто упрекалъ себя за это, но никакъ не могъ подогнуть себя подъ общія требованія. Въ университетѣ, напримѣръ, онъ занимался или слишкомъ много или совсѣмъ не занимался. Тоже было и въ хозяйствѣ, и въ земствѣ, и въ музыкѣ. Какъ будто на посредственность онъ не соглашался, а на особенное, выдающееся у него не хватало силы. Но и сказать, что у него не хватало силы, нельзя было сказать, потому что онъ ни на что еще не тратилъ всю свою силу, а какъ будто приберегалъ ее на случай, когда она ему понадобится или когда онъ захочетъ выпустить весь зарядъ энергіи, который былъ въ немъ.

Кромѣ того, ему трудно было и отдаться какому нибудь дѣлу, потому что онъ не укладывался въ существующія рамки жизни. Во всѣхъ дѣлахъ ему надо было прокладывать новыя пути жизни. А это было трудно, и онъ не былъ еще готовъ къ этому.

Такъ, занимаясь уголовнымъ правомъ, которымъ онъ увлекся, онъ, перечитавъ все, что могъ, пришелъ не только къ теоріи исправленія, а прямо къ отрицанію права употреблять насиліе послѣ преступленія. И началъ было писать объ этомъ сочиненіе, но бросилъ. Въ земствѣ онъ подалъ проэктъ совершенно неожиданный о расширеніи компетенціи, который опротестовалъ губернаторъ и, рѣшивъ, что этого нельзя, вышелъ. Въ хозяйствѣ онъ хотѣлъ устроить артель рабочихъ, участниковъ въ прибыли, и это началось только въ зародышѣ и оборвалось. Начинать онъ тоже писать – не романъ, но исторію своего душевнаго развитія и тоже не свелъ концы. Онъ былъ оригиналенъ во всемъ, какъ говорили про него. Онъ же думалъ про себя, что онъ во всемъ неудачникъ.

Въ вопросѣ половомъ онъ, пока не успѣлъ жениться, стремился къ чистотѣ, но не осиливалъ и падалъ: разъ это было съ товарищами въ дурномъ домѣ, разъ въ деревнѣ у тетки съ горничной,³⁹ потомъ опять нѣсколько разъ въ дурныхъ домахъ и въ случайныхъ встрѣчахъ.

Послѣ каждого такого паденія онъ мучался раскаяніемъ и на долго укрѣплялся въ воздержной жизни. Въ религіозномъ отношеніи онъ былъ совершенно⁴⁰ равнодушенъ. Дѣтская вѣра его еще въ гимназіи разрушилась, и съ тѣхъ поръ онъ обходился безъ всякой вѣры, но не рѣшалъ вопроса ни въ ту, ни въ другую сторону, т. е. не отрицалъ Бога и отношенія человека къ Нему и не утверждалъ его. Онъ предоставлялъ себѣ какъ будто просторъ рѣшить этотъ вопросъ тогда, когда онъ наступитъ, наилучшимъ образомъ. Пока же онъ не касался этой области ни такъ, ни иначе. Мать его огорчалась его равнодушіемъ къ вѣрѣ – тѣмъ, что онъ не говѣлъ послѣдніе 8 лѣтъ, но даже и изъ любви къ матери онъ не могъ дѣлать для виду, не вѣря, то, что онъ считалъ выраженіемъ самой важной стороны человѣческой жизни.

Въ 76-мъ году Неклюдовъ зиму проводилъ въ Москвѣ. Онъ пріѣхалъ осенью по дѣламъ и отъ скуки и затѣялъ продолжать свое сочиненіе изъ уголовного права и вмѣстѣ съ тѣмъ смутно предчувствовалъ близость женитьбы и приглядывался къ знакомымъ дѣвушкамъ. Но ни то, ни другое не удавалось: сочиненіе запуталось и потеряло привлекательность, рѣшиться жениться онъ не могъ ни на одной изъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ видѣлся. Но уѣзжать не зачѣмъ и некуда было изъ Москвы. Квартира была взята. И онъ жилъ не только скучая, но приходя понемногу въ отчаяніе отъ пустоты жизни. Изъ близкихъ людей у него въ Москвѣ было два человека: одинъ молодой профессоръ химіи, другой совершенно противоположный ему, кутила адъютантъ. Онъ друженъ былъ съ нимъ съ дѣтства и потому общался съ нимъ. Семейство было только одно: двоюродная сестра, замужемъ за богатымъ празднымъ дворяниномъ, охотникомъ и хозяиномъ.

столовую, нашелъ на столѣ газету и письма. Въ числѣ писемъ была повѣстка о назначеніи его присяжнымъ въ Окружный судъ на сессію съ 3-го по 22 декабря. *Противъ зачеркнутыхъ строкъ на поляхъ написано:* Въ религіозномъ отношеніи индифферентъ, но не рѣшая вопроса, предоставляет себѣ рѣшить, когда онъ наступитъ. Съ матерью была борьба.

³⁹ *Зачеркнуто:* и послѣднее время съ крестьянкой. *Слово:* крестьянкой усиленно зачеркнуто.

⁴⁰ *Зач.*: индифферентъ

28-го Ноября, вставъ утромъ, онъ нашелъ на своемъ столѣ письма и телеграммы и одну повѣстку о томъ, что онъ назначенъ присяжнымъ въ судъ на сессію отъ 3 до 22 Декабря. Такъ ему было скучно и пусто, что онъ обрадовался этой повѣсткѣ. По крайней мѣрѣ было дѣло, которое надо дѣлать и въ которомъ можно быть полезнымъ навѣрное.⁴¹

Въ послѣднее время, живя въ Москвѣ, онъ былъ въ самомъ дурномъ духѣ. Онъ переживалъ ту обычную, переживаемую такъ или иначе каждымъ человѣкомъ нашего времени и нашего круга внутреннюю борьбу: зачѣмъ я живу? Что мнѣ дѣлать? Какъ употребить мою жизнь? Отвѣтъ, даваемый исповѣдуемой всѣми его окружающими религіей, не удовлетворялъ его, своего отвѣта не было, и была тоска, и надо было какъ нибудь заглушить ее. Онъ пробовалъ это. Приѣзжалъ его пріятель изъ Саратова – Предводитель. Они вмѣстѣ ужинали, пили и даже поехали къ женщинамъ. Но не только не стало легче, но было еще скучнѣе. Все было нелѣпо. И въ этой нелѣпости были виноваты всѣ, только не онъ. Онъ всего хотѣлъ хорошаго: хотѣлъ и равенства людей, и богатства всѣхъ, и нравственности всѣхъ, а все шло на выворотъ. И нельзя было ни сжиться съ этой нелѣпостью, нельзя было и жить среди нея.

Въ такомъ настроеніи онъ 3-го Апрѣля поѣхалъ въ Окружный судъ.

---

⁴¹ *Зачеркнуто:* 3-го Декабря въ 1/2 11 онъ входилъ въ судъ.

****[ПЕРВАЯ ЗАКОНЧЕННАЯ РЕДАКЦИЯ «ВОСКРЕСЕНИЯ».]**

ВОСКРЕСЕНИЕ.

Юанна XI 25—26

Я есмь воскресение и жизнь.

«Что это такая нынче корреспонденція», подумалъ Дмитрій Нехлюдовъ, выйдя изъ своей спальни въ столовую и разбирая письма и бумаги, лежавшія въ столовой на накрытомъ бѣлой скатертью столѣ рядомъ съ его приборомъ пахучаго кофея съ калачемъ, сухарями и кипячеными сливками.

— Заспалися, батюшка, тутъ человѣкъ дожидается, — сказала изъ другой двери вышедшая растолстѣвшая его нянюшка Прасковья Михайловна.

— Сейчасъ, няня, сейчасъ, — отвѣчалъ виновато Нехлюдовъ, поспѣшно разбирая письма — Отъ Кармалиныхъ человѣкъ? — сказалъ онъ, взявъ въ руки⁴² красивымъ знакомымъ почеркомъ написанное письмо на толстой сѣрой бумагѣ, чуть пахнувшей чѣмъ то пріятнымъ. — Зачѣмъ же дожидается?

— Отвѣта ждуть. Я уже ее чаемъ попоила,⁴³ — отвѣтила няня, покачивая головой и щуря глазъ.

Письмо было отъ Алины Кармалиной,⁴⁴ съ которой у Нехлюдова установились въ последнее время такія отношенія, при которыхъ недостаетъ только слова для того, чтобы только дружески знакомые вдругъ стали женихомъ и невѣстой и мужемъ и женою.

Знакомы и дружны были семьи Кармалиныхъ и Нехлюдовыхъ уже давно — дружны были матери и дѣти, когда-то были на ты и играли вмѣстѣ, т. е. такъ, какъ могли играть вмѣстѣ мальчикъ 14 лѣтъ съ 8-лѣтней дѣвочкой. Потомъ они жили въ различныхъ городахъ и рѣдко видѣлись. Только въ нынѣшнемъ 18..⁴⁵ году они опять сблизились. Кармалины, какъ всегда, жили въ Москвѣ, а Нехлюдова мать провела этотъ послѣдній годъ своей жизни тоже въ Москвѣ. Сынъ жилъ съ нею. Тутъ то во время болѣзни и смерти матери и послѣ нея и установились между Дмитріемъ Нехлюдовымъ и Алиной Кармалиной эти предшествующіе обыкновенно браку близкія и тонкія отношенія. Мать Нехлюдова желала этаго, также и Кармалины. Больше же всѣхъ желала этого Алина. Она говорила себѣ, что она никого такъ не любила, какъ Дмитрія Нехлюдова,⁴⁶ и, если бы была мущина, уже давно сдѣлала-бы ему предложеніе. Началось это для нея съ того, что она взялась за то, чтобы во что бы то ни стало ар[p]rivoiser, niveler,⁴⁷ какъ она выражалась, и исправить Нехлюдова, исправить не въ томъ смыслѣ, чтобы освободить его отъ пороковъ, — она, напротивъ, считала его слишкомъ добродѣтельнымъ, — но снять съ него его странности, наросты, крайности, удержавъ его хорошее, снять съ него лишнее, нарушающее изящество и гармонію. И она своей легкой рукой усердно принялась за это дѣло и не успѣла оглянуться, какъ въ процессѣ этаго занятія она влюбилась въ него такъ наивно и опредѣленно,

---

⁴² *Зачеркнуто:* письмо, красивый почеркъ котораго онъ узналъ, какъ что то родное и пріятное.

⁴³ *Зач.*: Отъ кого же больше?

⁴⁴ *Зач.*: красивой, изящной 28-лѣтней дѣвушки,

⁴⁵ *Зачеркнуто:* 188...

⁴⁶ *В подлиннике:* Нехлюда

⁴⁷ [приручить, выравнивать,

что ей, дѣвушкѣ,⁴⁸ отказавшей 4 прекрасныя партіи и рѣшившей не выходить замужъ и вполнѣ отдаться искусству – музыкѣ, которую она дѣйствительно любила и въ которой была необыкновенно способной, – такъ влюбилась, что ей, 28 лѣтней дѣвушкѣ, страшно становилось за себя, страшно за то, что онъ не полюбитъ ее такъ, какъ она полюбила его.⁴⁹

Со времени смерти матери его прошло уже 3 мѣсяца. Потеря эта, которая для него была очень чувствительна, не могла быть причиной его молчанія. Онъ, очевидно, дорожилъ отношені[ями] съ нею, но не высказывалъ. И это мучало ее. Онъ же не высказывалъ по двумъ кажущимся противорѣчивымъ причинамъ. 1-я то, что онъ не настолько любилъ ее, чтобы рѣшиться связать свою свободу, 2-я то, что онъ, 34-лѣтній человѣкъ, съ далеко нечистымъ прошедшимъ, и человѣкъ, до этихъ лѣтъ ничѣмъ не проявившій себя, ничего не сдѣлавшій, считалъ себя вполнѣ недостойнымъ такой чистой, изящной и даровитой дѣвушки. Онъ не рѣшался сдѣлать предложенія и потому, что колебался еще въ душѣ, и потому, что боялся, что ему откажутъ.

– Сейчасъ, сейчасъ отвѣчу, няня, – сказалъ Нехлюдовъ, читая письмо.

В письмѣ было сказано: «Исполняя взятую на себя обязанность вашей памяти, напоминаю вамъ, что вы нынче, 22 Апрѣля, должны быть въ судѣ присяжнымъ и потому не можете никакъ ѣхать съ нами и Колосовымъ въ Третьяковскую галерею, какъ вы, съ свойственнымъ вамъ легкомысліемъ, вчера обѣщали; à moins que vous ne soyez disposé à payer les 300 roubles, comme amende⁵⁰ за то, что не явитесь во время. Я вспомнила это вчера, какъ только вы ушли».

«Ахъ! и то правда. А я совсѣмъ забылъ», вспомнилъ Нехлюдовъ. И улыбаясь прочелъ еще разъ записку, вспоминая все то, о чемъ были въ ней намеки. «Точно, нынче 22, и надо ѣхать въ судъ. Какъ это я забылъ». Онъ всталъ, подошелъ къ письменному столу, вынулъ ящикъ, въ которомъ въ беспорядкѣ валялись бумаги, папиросные мундштуки, фотографіи, и, порывшись въ немъ, нашелъ повѣстку. Дѣйствительно, онъ былъ назначенъ присяжнымъ на 22, нынче. Онъ взглянулъ на бронзовые часы – было $\frac{1}{4}$ 10. Въ повѣсткѣ же сказано, чтобы быть въ судѣ въ 10.

Вернувшись къ столу, на которомъ былъ накрытъ кофей, онъ налилъ себѣ полчашки кофе, добавилъ кипяченымъ молокомъ и, опустивъ калачъ, началъ читать другое письмо. Другое письмо было заграничное: изъ Афонскаго монастыря къ благодѣтелю съ просьбой пожертвовать. Онъ съ досадой бросилъ это письмо и взялся за третье. Третье было изъ Рязани, и почеркъ былъ незнакомый, писарскій и малограмотный. Письмо было отъ Рязанскаго купца, предлагавшаго на слѣдующій срокъ взять въ аренду его землю, 800 десятинъ Раненбургскаго уѣзда, которая уже 5 лѣтъ находилась въ арендѣ у этого купца.

«Нехлюдовъ жилъ въ Москвѣ и жилъ на большой роскошной квартирѣ съ нянюшкой⁵¹ и двумя прислугами: поваромъ и буфетнымъ мужикомъ, только потому, что онъ жилъ такъ при матери. Но роскошная и праздная жизнь эта въ Москвѣ была совсѣмъ не по его вкусамъ. Но въ первое время послѣ смерти матери онъ ничего не предпринималъ, а потомъ онъ не успѣлъ оглянуться, какъ жизнь эта стала ему привычной, и у него установились съ семействомъ Кармалиныхъ тѣ тонкія и напряженныя отношенія, которыя удерживали его теперь въ Москвѣ. Сначала Кармалины утѣшали его. Ему даже пріятно было, какъ они преувеличивали представленіе о его горѣ, но ему нельзя было отказываться отъ тѣхъ чувствъ, которыя ему приписывали. Потомъ эти утѣшенія такъ сблизили его съ ними,⁵² что онъ чувствовалъ себя уже теперь чѣмъ то связаннымъ съ ними и не могъ прекратить этихъ отношеній и уѣхать изъ Москвы. А между тѣмъ онъ много разъ говорилъ себѣ, что только жизнь матери заставляла его жить такъ, какъ

⁴⁸ *Зач.*: разъ несчастно влюбленной и потомъ

⁴⁹ *Зач.*: и не сдѣлаетъ ей предложенія.

⁵⁰ [если, впрочем, вы не намерены уплатить триста рублей штрафа]

⁵¹ *Зачеркнуто*: Прасковьей Михайловной, выхившей его, и первое время ничего не предпринималъ, потому что смерть эта была для него большимъ и тяжелымъ горемъ,

⁵² *Зач.*: и особенно съ 28-лѣтней дочерью Кармалиныхъ Алиной, очень утонченной, изящной и привлекательной дѣвушкой, съ которой у него установились какія то особенныя, скрыто любовныя, очень сдержанныя и поэтическія отношенія.

онъ жилъ, но что когда ее не будетъ, онъ измѣнитъ всю свою жизнь. Но вотъ она уже три мѣсяца умерла, а онъ жилъ по прежнему. У него ужъ давно были планы на совсѣмъ другую дѣятельность и жизнь, чѣмъ та, которую онъ велъ теперь. <Какъ ни больно ему было признаваться себѣ въ этомъ, жизнь матери, съ которой его связывала самая нѣжная любовь, была ему препятствіемъ для осуществленія⁵³ этихъ плановъ. Мать имѣла очень опредѣленный идеалъ того положенія, котораго она желала ему.> Онъ долженъ былъ, по понятіямъ матери, жить въ кругу своего исключительнаго, всѣхъ другъ друга знающаго высшаго русскаго общества, среди котораго онъ былъ рожденъ: долженъ былъ имѣть для этаго тѣ средства, которыя онъ имѣлъ, именно около 10 тысячъ дохода, долженъ былъ служить и современемъ занять видное, почетное мѣсто на службѣ, долженъ былъ во всемъ, въ своихъ привычкахъ, одеждѣ, манерахъ, способѣ выраженія выдѣляться изъ толпы, быть *distingué*⁵⁴ и вмѣстѣ не долженъ былъ ничѣмъ выдѣляться: ни убѣжденіями, ни вѣрованіями, ни одеждой, ни говоромъ отъ людей своего круга; главное, долженъ былъ въ томъ же исключительномъ кругу жениться и имѣть такую же семью. Онъ же желалъ совсѣмъ другаго. Съ самыхъ первыхъ лѣтъ юности, съ университета, сынъ сталъ нападать на исключительность свѣта и, какъ реакція противъ стремленій матери, сдѣлался, какъ говорила покойница Елена Ивановна, совершенно краснымъ, сближался съ товарищами, фамиліи которыхъ Нехлюдова никогда не могла помнить и которые въ гостинной разваливались и ковыряли въ носу пальцами, а за обѣдомъ или садились слишкомъ далеко, или клали локти на столъ и держали какимъ то необыкновеннымъ манеромъ вилки и ножи запуская себѣ въ ротъ по самые черенки. Но это бы все ничего, но въ это время Дмитрій Нехлюдовъ прочелъ сочиненіе Henry George «Social problems», потомъ его «Progress and poverty» и рѣшилъ что George правъ, что и владѣніе землей есть преступленіе, что владѣть землей также вредно, какъ владѣть рабами, и рѣшилъ, что надо отказаться отъ владѣнія землей. Во многомъ Елена Ивановна уступала⁵⁵ сыну, во многомъ уступалъ и онъ. Мать уступила въ томъ, что позволила ему вытти изъ университета, изъ котораго онъ рѣшилъ вытти, убѣдившись, что въ немъ преподаютъ не то, что истинно, а то, что соотвѣтствуетъ нашему положенію вещей, – и поѣхать за границу; въ томъ же, что сынъ хотѣлъ отдать свое небольшое доставшееся отъ отца имѣнье крестьянамъ, сынъ долженъ былъ уступить матери и не дѣлать этого распоряженія до совершеннолѣтія.

За границей, куда Нехлюдовъ поѣхалъ для укрѣпленія себя въ своихъ мысляхъ о преступности землевладѣнія, онъ⁵⁶ нашелъ тамъ тоже, что и въ Россіи: совершенное замалчиваніе, какъ ему казалось, самага кореннаго вопроса и неумныя разсужденія о 8-мичасовомъ днѣ, страхованіи рабочихъ и тому подобныхъ мѣрахъ, не могущихъ измѣнить положенія рабочаго народа. Разочаровавшись въ надеждѣ получить подкрѣпленіе своимъ мыслямъ въ Европѣ, онъ хотѣлъ ѣхать въ Америку, но мать упросила его остаться. Тогда Нехлюдовъ заявилъ, что онъ займется философіей въ Гейдельбергѣ. Но профессорская философія не заняла его, и онъ уѣхалъ⁵⁷ въ Россію и, къ огорченію матери, уѣхалъ къ тетушкамъ и хотѣлъ поселиться у нихъ, чтобы писать свое сочиненіе. Въ это время мать выписала его къ себѣ въ Петербургъ. Здѣсь Нехлюдовъ сошелся съ товарищемъ дѣтства гр. Надбокомъ, кончившимъ уже курсъ и посту-

⁵³ Зачеркнуто: самыхъ дорогихъ ему жизненныхъ

⁵⁴ [благовоспитаннымъ человекомъ]

⁵⁵ Зач.: она уступила тому, что онъ не служилъ, даже не кончилъ курса въ университетѣ, уступила тому, что онъ не ѣздилъ въ свѣтъ, не занимался хозяйствомъ, но не могла уступить тому, что онъ хотѣлъ отдать свою землю крестьянамъ, что хотѣлъ жениться на крестьянкѣ, что прямо отрицалъ тѣ вѣрованія, которыя она считала священными. Въ послѣднее время ея болѣзни – тяжелой болѣзни рака груди – онъ какъ будто оставилъ всѣ свои ей столь чуждые и противные планы и не тревожилъ ее разногласіемъ съ ней по всѣмъ вопросамъ, которые раздѣляли ихъ, а жилъ съ ней въ Москвѣ, дѣлая то, что она хотѣла. Въ числѣ этихъ желаній ея было его сближеніе съ Кармалиными. И онъ не успѣлъ оглянуться, какъ сближеніе это сдѣлалось уже для него самага утѣшеніемъ и потребностью.

⁵⁶ В подлинникѣ описка: но

⁵⁷ Зачеркнуто: въ Парижъ и оттуда въ Алжиръ и въ Египетъ, совершенно оставивъ свои

пившимъ въ гвардейскій полкъ, и съ нимъ вмѣстѣ и его друзьями, забывъ всѣ свои планы пропаганды и воздержной жизни, весь отдался увеселеніямъ молодости.

Мать смотрѣла на его петербургскую жизнь не только сквозь пальцы, но даже съ сочувствіемъ. «Il faut que jeunesse se passe, he is sowing his wild oats»,⁵⁸ говорила она и, чуть чуть поддерживая его въ расходахъ, все таки платила его долги и давала ему денегъ.

Но онъ самъ былъ недоволенъ собой, и, узнавъ ужъ радость жизни для духовной цѣли, онъ не могъ уже удовлетвориться этимъ петербургскимъ весельемъ.

Тутъ подошла Турецкая кампанія, и несмотря на противодѣйствіе матери, онъ поступилъ въ полкъ и поѣхалъ на войну. На войнѣ онъ прослужилъ до конца кампаніи, потомъ прожилъ еще годъ въ Петербургѣ, перейдя въ гвардейскій полкъ. Здѣсь онъ увлекся игрой, проигралъ все имѣнье отца и вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ имѣнье матери, гдѣ, благодаря своему цензу, поступилъ въ земство.

<А между тѣмъ вотъ уже три мѣсяца, какъ не было на свѣтѣ матери, онъ былъ свободенъ, но не пользовался этой свободой, а продолжалъ жить въ Москвѣ на роскошной квартирѣ матери съ дорогой прислугой, и, несмотря на то, что ничто не держало его въ Москвѣ и не мѣшало теперь осуществленію его плановъ, онъ продолжалъ жить въ Москвѣ и ничего не предпринималъ.

Письмо отъ арендатора напомнило ему это.

Ему стало какъ будто чего то совѣстно. <Но это чувство продолжалось недолго.> Онъ постарался вспомнить, отчего ему совѣстно. И вспомнилъ, что онъ давно когда то рѣшилъ, что собственность земли есть въ наше время такое же незаконное дѣло, какимъ была собственность людей, и что онъ когда то рѣшилъ посвятить свою жизнь разъясненію этой незаконности и что поэтому самъ, разумѣется, никогда не будетъ владѣть землею. Все это было очень давно. Но онъ никогда не отказывался отъ этой мысли и не былъ испытываемъ ею до тѣхъ поръ, пока жила мать и давала ему деньги. Но вотъ пришло время самому рѣшить вопросъ, и онъ видѣлъ, что онъ не въ состояніи рѣшить его такъ, какъ онъ хотѣлъ прежде. И отъ этаго ему было совѣстно.

Мысли, когда то бывшія столь близкими ему, такъ волновавшія его, казались теперь отдаленными, чуждыми. Все, что онъ думалъ прежде о незаконности, преступности владѣнія землей, онъ думалъ и теперь, не могъ не думать этого, потому что ему стоило только вспомнить всѣ ясные доводы разума противъ владѣнія землей, которые онъ зналъ, для того чтобы не сомнѣваться въ истинности этого положенія, но это теперь были только выводы разума, а не то горячее чувство негодованія противъ нарушенія свободы людей и желанія всѣмъ людямъ выяснить эту истину. Отъ того ли это происходило, что теперь не было болѣе препятствій для осуществленія своей мысли и сейчасъ надо было дѣйствовать, а онъ не былъ готовъ и не хотѣлось, отъ того ли, что онъ былъ, какъ и все это послѣднее время, въ упадкѣ духа, – онъ чувствовалъ, что его личные интересы и мысли о женитьбѣ на Алинѣ и прелесть отношеній съ ней, какъ паутиной, такъ опутали его, что, получивъ это письмо арендатора, онъ только вспомнилъ свои планы, но не подумалъ о необходимости приведенія ихъ сейчасъ же въ исполненіе.>

«Купецъ проситъ меня возобновить контрактъ на землю, т. е. на рабство, въ которое я могу отдать ему крестьянъ трехъ деревень. Это правда. Да но.... <надо еще обдумать это – сказать онъ себѣ. – Не могу я отдать свое состояніе и жениться на ея состояніи>. Да и потомъ, и что хуже всего, ему смутно представились тѣ самые аргументы, которые онъ самъ когда то опровергалъ съ такимъ жаромъ: нельзя одному идти противъ всего существующаго порядка. Безполезная жертва, даже вредная, можетъ быть. «Но нѣтъ, нѣтъ, – сказалъ онъ себѣ съ свойственной ему съ самимъ собой добросовѣстностью, – лгать не хочу. Но теперь не могу рѣшить.> Вотъ окончу сессію присяжничества, окончу такъ или иначе вопросъ съ Алиной». И при этой мысли сладкое волненіе поднялось въ его душѣ. Онъ вспомнилъ ее всю, ея слова и взялъ записку ея и

---

⁵⁸ [«Нужно, чтобы молодость брала свое, ему надо перебеситься».]

еще разъ улыбаясь перечель ее. «Да, да, кончу это такъ или иначе. О если бы такъ, а не иначе.... и тогда поѣду въ деревню и обдумаю и разрѣшу».

<Способъ, которымъ онъ прежде, еще при жизни матери, предполагалъ разрѣшить земельный вопросъ и общій и, главное, личной собственности на свою землю, – передавъ ее крестьянамъ ближайшихъ селеній, тѣхъ, которые могли пользоваться ею, передавъ ее крестьянамъ за плату равную рентѣ земли. Плату эту крестьяне должны были вносить въ общую кассу и деньги эти употребить по рѣшенію выборныхъ отъ общества крестьянъ на общія общественныя нужды: подати, школу, дороги, племенной скотъ, вообще все то, что могло быть нужно для всѣхъ членовъ общества.>⁵⁹

Совѣстно ему было вотъ отъ чего: еще изъ университета, который онъ бросилъ съ 3-го курса, потому что, прочтя въ то время «Прогрессъ и бѣдность» Генри Джорджа и встрѣтивъ въ университетѣ недобросовѣстныя критики этого ученія и замалчиванія его, онъ рѣшилъ посвятить свою жизнь на распространеніе этого ученія. Для распространенія же его считалъ необходимымъ устроить свою жизнь такъ, чтобы она не противорѣчила его проповѣди. И вотъ этотъ то проэктъ онъ хотѣлъ и не могъ осуществить въ продолженіи 14 лѣтъ. Разумѣется, не одна мать препятствовала этому, но увлеченія молодости и различныя событія жизни. Теперь же, когда осуществленіе было возможно, оно уже не влекло его по прежнему и не казалось уже столь настоятельно необходимымъ.

Онъ чувствовалъ себя до такой степени тонкими нитями, но твердо затянутымъ въ свои отношенія съ Алиной, что все остальное становилось въ зависимость отъ этихъ отношеній. Отдать Рязанскую землю мужикамъ, надо отдать и Нижегородскую и Самарскую и остаться ни съ чѣмъ. Все это хорошо было тогда, прежде, когда я былъ одинъ, довольствовался малымъ и могъ зарабатывать что мнѣ нужно, но теперь, другое дѣло: не могу я отдать свои имѣнія и, женившись, пользоваться ея состояніемъ. Я долженъ ее убѣдить.... Да и потомъ: такъ ли это? Все надо обдумать. А пока оставить какъ есть. Письмо арендатора онъ оставилъ безъ отвѣта. На записочку же Кармалиныхъ онъ отвѣтилъ, что благодарить за напоминаніе. Онъ точно забылъ и постарается придти вечеромъ. Отдавъ записку, онъ поспѣшно одѣлся и поѣхалъ въ судъ.

2.

Въ повѣсткѣ было сказано, чтобы въ 10 быть въ зданіи суда, и въ четверть 11 го Нехлюдовъ слѣзъ съ извозчика на большомъ мошеномъ дворѣ суда съ асфальтовыми тротуарами, ведущими въ двери зданія. Люди разнаго вида: господа, купцы, крестьяне взадъ и впередъ, больше впередъ, двигались по тротуару, по лѣстницѣ и встрѣчались въ дверяхъ и огромныхъ коридорахъ. Сторожа въ своихъ мундирахъ съ зелеными воротниками тоже поспѣшно сновали по коридорамъ, исполняя порученія судейскихъ и направляя посѣтителей.

Нехлюдовъ спросилъ у одного изъ нихъ, гдѣ сессія суда.

– Какого вамъ? – съ упрекомъ за неправильность вопроса спросилъ сторожъ. – Есть и судебная палата, есть окружный⁶⁰ съ присяжными, есть гражданское, уголовное отдѣленіе.

– Окружный съ присяжными.

– Такъ бы и сказали. Сюда, 4-я дверь налѣво.

Нехлюдовъ пошелъ къ указанной двери. Не доходя ея, другой сторожъ спросилъ Нехлюдова, не присяжный ли онъ, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, указалъ ему въ развѣтвленіи коридора комнату присяжныхъ. Въ двери комнаты стояло двое людей – оба безъ шляпъ или шапокъ въ рукахъ: одинъ высокій, толстый, добродушный, плѣшивый купецъ, другой съ чер-

⁵⁹ Взятое здѣсь в лапаны скобки отчеркнуто сбоку чертой с пометкой: пр[опустить]

⁶⁰ В подлиннике: съ окружн.

ной бородкой и щетинистыми волосами, одѣтый какъ купеческій прикащикъ, молодець, очевидно еврейскаго происхожденія.

– Вы присяжный, нашъ братъ? – спросилъ купецъ.

– Да, присяжный.

– И я тоже, – сказала Еврей.

– Ну, вмѣстѣ придется служить. Что же дѣлать, послужить надо, – сказалъ купецъ.

Нехлюдовъ вошелъ въ комнату. Въ ней было ужъ человѣкъ 15 присяжныхъ. Всѣ только пришли и не садясь ходили, разглядывая другъ друга и знакомясь. Вслѣдъ за Нехлюдовымъ вошелъ въ мундиръ и въ рпсе-pez судебный приставъ, худой, съ длинной шеей и походкой на бокъ въ связи съ выставляемой губой⁶¹ и, обратившись къ присяжнымъ, сказалъ:

– Вотъ съ, господа, сдѣлайте одолженіе, къ вашимъ услугамъ помѣщеніе это. И сторожъ вотъ Окуневъ, кому что нужно.

Отвѣтивъ на нѣкоторые вопросы, которые ему сдѣлали присяжные, приставъ досталъ изъ кармана листъ бумаги и сталъ перекликать присяжныхъ:

– Статскій совѣтникъ И[ванъ] И[вановичъ] Никиф[оровъ].

Никто не откликнулся.

– Отставной полковникъ Иванъ Семеновичъ Иван[овъ].

– Здѣсь.

– Купецъ второй гильдіи Петръ Дубосаровъ.

– Здѣсь, – проговорилъ басъ.

– Бывшій студентъ князь Дмитрій Нехлюдовъ.

– Здѣсь, – отвѣтилъ Нехлюдовъ.

Отмѣтивъ не явившихся, приставъ ушелъ. Присяжные, кто познакомившись, а кто такъ только, догадываясь, кто кто, разговаривали между собой о предстоящихъ дѣлахъ. Два дѣла, какъ говорилъ одинъ, очевидно все знающій присяжный, были важныя: одно о злоупотребленіяхъ въ банкѣ и мошенничествѣ, другое о крестьянахъ, за сопротивленіе властямъ. Все знающій присяжный⁶² говорилъ съ особымъ удовольствіемъ о судѣ какъ о хорошо знакомомъ ему дѣлѣ, называя имена судей, прокурора, знаменитыхъ адвокатовъ,⁶³ которые будутъ участвовать въ процессѣ о мошенничествѣ, и безпрестанно употреблялъ техническія слова: судоговореніе, кассация, по статьѣ 1088 по совокупности преступленія и т. п. Большинство слушало его съ уваженіемъ. Нехлюдовъ былъ занятъ своими мыслями, вертѣвшимися преимущественно около Алины Кармалиной. Нынѣшняя записка, простая, дружеская, съ упоминаніемъ о томъ, что она взяла на себя обязанность быть его памятью, и приглашеніе обѣдать къ нимъ послѣ суда, и напоминаніе о верховой лошади, которую она совѣтовала, а онъ не позволялъ себѣ купить, – все это было больше чѣмъ обыкновенныя дружескія отношенія.

<Нехлюдовъ былъ человѣкъ стариннаго, несовременнаго взгляда. Онъ не считалъ, какъ это считаютъ теперешніе молодые люди, что всякая женщина готова и только ждетъ случая отдаться ему и что дѣвушки невѣсты всегда всѣ готовы при малѣйшемъ намекѣ съ его стороны броситься ему на шею, а, напротивъ, считалъ, что женщины его круга (къ сожалѣнію, онъ считалъ это только по отношенію женщинъ своего круга), что женщины его круга это все тѣ особенныя, поэтическія, утонченныя, чистыя, почти святыя существа, каковыми онъ считалъ свою мать и какою воображалъ свою будущую жену, и потому передъ всякой дѣвушкой, которая нравилась ему и которую онъ могъ надѣяться сдѣлать своей женой, передъ всякой такой дѣвушкой онъ робѣлъ, считалъ себя недостойнымъ ничтожествомъ не только по очевидной

---

⁶¹ *Зачеркнуто:* «Онъ досталъ списокъ и сталъ перекликать оставшихся присяжныхъ. «Пожалуйте, у насъ хорошо, аккуратно», какъ будто говорилъ онъ. Купецъ потиралъ руки, чиновникъ обдергивалъ фракъ за лацканъ, точно они всѣ собирались что то дѣлать.

⁶² *Зачеркнуто:* худой, вѣроятно, юристъ,

⁶³ *В подлиннике:* адвокатовъ,

нечистотѣ своей въ сравненіи съ несомнѣнной невинностью дѣвушки, но и просто по ничтожеству своихъ и тѣлесныхъ и душевныхъ качествъ въ сравненіи съ тѣми, которыя онѣ приписывалъ ей. Кармалина нравилась ему.⁶⁴ Какъ ни считалъ Нехлюдовъ себя недостойнымъ такого возвышеннаго поэтическаго существа, какимъ представлялась ему Алина, въ послѣднее время, въ самое послѣднее, онѣ начиналъ вѣрить, что она можетъ быть не отказала бы ему, если бы онѣ и рѣшился сдѣлать предложеніе. А жениться ему хотѣлось. Холостая жизнь съ своей диллемой вѣчной борьбы или паденія становилась ему слишкомъ мучительна. Кромѣ того, она просто всѣмъ своимъ таинственнымъ для него дѣвичьимъ изяществомъ плѣняла его, и онѣ самъ не зналъ, какъ сказать: влюбленъ или не влюбленъ онѣ въ нее. Когда онѣ долго не видалъ ее, онѣ могъ забывать ее, но когда онѣ видѣлъ ее часто, какъ это было послѣднее время, она безпрестанно была въ его мысляхъ. Онѣ видѣлъ ея улыбку, слышалъ звукъ ея голоса, видѣлъ всю ея изящную фигуру, именно всю фигуру, никакъ не отдѣльные матеріальныя части ея фигуры, – видѣлъ ее, какъ она, послѣ того какъ играла для него любимыя его вещи, вставала отъ фортепьяно, взволнованная, раскраснѣвшаяся и смотрѣла ему въ глаза. Ему было какъ то особенно свѣтло, радостно и хорошо съ нею. Теперь онѣ сидѣлъ въ комнатѣ присяжныхъ, думая о ней, о томъ, какъ онѣ сдѣлаетъ ей предложеніе, если сдѣлаетъ его. Какъ, въ какихъ словахъ? И какъ она приметъ? Удивится? Оскорбится? И онѣ видѣлъ ее передъ собой и слышалъ ея голосъ. «Нѣтъ, не надо думать, – подумалъ онѣ. – Изъ думъ этихъ ничего не выйдетъ. Это само сдѣлается, если это должно сдѣлаться. Лучше посмотрю, что тутъ дѣлается». И онѣ вышелъ въ коридоръ и сталъ прохаживаться. Движеніе по коридору все усиливалось и усиливалось. Сторожа то быстро ходили, то, несмотря на старость, рысью даже бѣгали взадъ и впередъ съ какими то бумагами. Приставы, адвокаты и судейскіе проходили то туда, то сюда. Нехлюдовъ былъ въ томъ особенномъ, наблюдательномъ настроеніи, въ которомъ онѣ бывалъ во время службы въ церкви. Мыслей не было никакихъ, но особенно ярко отпечатывались всякія подробности всего того, что происходило передъ нимъ. Вотъ дама сидитъ въ шляпѣ съ желтымъ цвѣткомъ на диванчикѣ и, очевидно спрашивая совѣта адвоката, говоритъ неумолкаемо и не можетъ удержаться, и адвокатъ тщетно ждетъ перерыва ея рѣчи, чтобы высказать уже давно готовый отвѣтъ; вотъ сторожъ, очевидно бѣгавшій покурить, строго останавливаетъ молодаго человѣка, желавшаго проникнуть въ запрещенное мѣсто; вотъ жирный судья съ расплывшимся жиромъ, поросшій курчавыми сѣдыми волосами на затылкѣ, съ вывернутыми ногами, съ портфелемъ въ старомъ фракѣ, очевидно, состарѣлся уже въ этихъ коридорахъ и залахъ. Вотъ знаменитый адвокатъ въ дорогомъ фракѣ, точно актеръ передъ выходомъ на сцену, знаетъ что на него смотреть и, какъ будто не замѣчая этихъ взглядовъ, что-то ненужное говоритъ собесѣднику; вотъ товарищъ прокурора, молоденькій, черноватенькій, худенькій юноша, очевидно дамскій кавалеръ въ разстегнутомъ мундирѣ съ поперечными погонами, съ портфелемъ подъ мышкой, махая свободной рукой такъ, что плоскость руки перпендикулярна его направленію, поднимая плечи, быстрымъ шагомъ, чуть не бѣгомъ, пробѣжалъ по асфальту не оглядываясь и, очевидно, не столько озабоченный, сколько желающій казаться такимъ; вотъ священникъ старенькій, плѣшивый, красный, жирный, съ бѣлыми волосами и рѣдкой бѣлой бородой, сквозь которую просвѣчивалъ красный жиръ, скучая прошелъ по очевидно надоевшимъ ему мѣстамъ приводить тутъ и здѣсь людей къ присягѣ. А вотъ съ громомъ цѣпей провели конвойные съ ружьями арестантовъ въ халатахъ, мужчинъ и женщинъ.

«Одинъ изъ сотоварищей, присяжный, подошелъ къ Нехлюдову въ то время, какъ онѣ пропускалъ мимо себя арестантовъ въ цѣпяхъ, проходившихъ мимо.

– Это какіе же? – спросилъ Нехлюдовъ. Онѣ хотѣлъ сказать: «это наши?» но сказалъ: – Это тѣ, которые будутъ судиться въ нашей сессіи?

⁶⁴ *Взятое здесь в ломаные скобки отчеркнуто сбоку чертой с пометкой: пр[опустить].*

– Нѣтъ, это къ судебному слѣдователю наверхъ, – отвѣтилъ присяжный. – Какой старикъ страшный, – прибавилъ онъ, указывая на одного изъ арестантовъ.

– Да, да, – отвѣтилъ Нехлюдовъ, хотя и не замѣтилъ ничего особеннаго страшнаго въ старикѣ.⁶⁵

Знакомый адвокатъ подошелъ къ Нехлюдову.

– Здравствуйте, князь, – сказалъ онъ, – что, попали?

– Да. Что, скоро?

– Не знаю. А что, вы здѣсь въ первый разъ?

– Въ первый разъ.

– И залъ не знаете?

– Нѣтъ.

– Такъ посмотрите, это интересно.

– Они пошли по коридору.

– Вы не видали знаменитую круглую залу?

– Нѣтъ.

– Такъ вотъ пойдемте.

Они подошли къ двери, и адвокатъ показалъ Нехлюдову великолѣпную круглую залу.

– Тутъ когда особенно важныя дѣла, – сказалъ онъ, – Митрофанію, Струсберга. Вы Бога благодарите, что не попали на такое. А то въдь двое, трое, четверо сутокъ ночуютъ здѣсь.

– А у васъ что? Кажется, ничего ни серьезнаго, ни пикантнаго не предвидится: кража со взломомъ, мошенничество, убійство одно. Нешто банковое дѣло можетъ быть интересно.

– Вы защищаете?

– Нѣтъ, обвиняю.

– Какъ?

– Да я гражданскій истецъ.

– А что, давно вы были у Алмазовыхъ?

– Давно уже. Я слышалъ, что Марья Павловна была больна.⁶⁶

Возвращаясь назадъ по коридору къ комнатѣ присяжныхъ, на встрѣчу имъ провели еще арестантовъ въ ту самую залу, въ которой шла та сессія, гдѣ Нехлюдовъ былъ присяжнымъ. Арестанты были: двѣ женщины – одна въ своемъ платьѣ, другая въ арестантскомъ халатѣ – и мушина.

– Это ваши крестники будущіе, – сказалъ адвокатъ шутя. Шутка эта не понравилась Нехлюдову. Онъ простился съ адвокатомъ и ушелъ въ комнату присяжныхъ.

Въ одно время съ нимъ поспѣшно вошелъ и судебный приставъ. Въ комнатѣ присяжныхъ были уже почти всѣ. Судебный приставъ еще разъ перечислилъ всѣхъ явившихся и пригласилъ въ залу суда. Всѣ тронулись: высокіе, низкіе, въ сертукахъ, фракахъ, плѣшивые, волосатые, черные, русые и сѣдые, пропуская другъ друга въ дверяхъ, всѣ разбрелись по залѣ.

---

⁶⁵ *Взятое здесь в ломаные скобки отчеркнуто сбоку чертой с пометкой: пр[опустить].*

⁶⁶ *Зачеркнуто:* Они разговорились и не замѣтили, какъ прошло время. Ходя по коридору, они встрѣтились еще съ арестантами. Это были арестанты перваго дѣла сессіи, въ которой участвовалъ Нехлюдовъ. Это были двѣ женщины и одинъ мушина. Одна женщина высокая, блокурая, съ энергическимъ лицомъ и выдающимся подбородкомъ въ своемъ одѣянніи, въ розовомъ платьѣ и пестромъ платкѣ. Она шла смѣлой, твердой походкой, нахмуривъ брови, и безпокойно оглядываясь. Другая подслухивая была преземистая женщина, еще молодая. Сложенія ея не видно было. Она вся была закрыта арестантскимъ халатомъ. Замѣтно было только, что она скорѣе полная, чѣмъ худая. Шла она бойкой походкой, развязно покачивая толстымъ задомъ. На ногахъ у нея были арестантскіе коты. Лицо было закрыто повязаннымъ подъ подбородкомъ платкомъ и воротникомъ арестантскаго халата. Видны были только красивый лобъ, выбивающіеся изъ подъ платка вьющіеся черные волоса, тонкій носъ и прекрасные черные глаза подъ прямыми бровями. Лицо было истощенное, измученное, съ слѣдами нечистой и нетрезвой жизни. Мушина одинъ былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ кривымъ лицомъ и кривой походкой, въ истасканномъ пальто и высокихъ стоптанныхъ сапогахъ, съ бѣгающими глазами, другой былъ старикъ съ небритой бородой, въ черномъ сертукѣ, съ еврейскимъ типомъ лица. – Въроятно, дѣтоубійство, – сказалъ адвокатъ, когда они прошли и повернули въ дверь, ведущую въ залу суда. – Это ваше первое дѣло. Ну, прощайте. Если вамъ нужно что...

Зала суда была большая длинная комната. Одинъ конецъ ея занималъ столъ, покрытый сукномъ съ зеркаломъ. Позади стола виднѣлся портретъ во весь ростъ государя, въ правомъ углу кіотъ съ образомъ и аналой; въ лѣвомъ углу за рѣшеткой сидѣли уже подсудимые, за ними жандармы съ оголенными саблями, передъ рѣшеткой столы для адвокатовъ и человѣка два во фракахъ, съ правой стороны, на возвышеніи, скамья для присяжныхъ. Присяжные сѣли внизу на скамьи и стулья. Задняя часть залы, за рѣшеткой, отдѣляющей переднюю часть отъ задней, вся занята скамьями, которыя, возвышаясь одинъ рядъ надъ другимъ, шли въ нѣсколько рядовъ до стѣны. Среди зрителей было три или четыре женщины въ родѣ фабричныхъ или горничныхъ и два мужчины, тоже изъ народа. Скоро послѣ присяжныхъ судебный приставъ пронзительнымъ голосомъ объявилъ: «судъ идетъ». Всѣ встали, и вошли судьи: высокій, статный предсѣдатель съ прекрасными бакенбардами. Нехлюдовъ узналъ его. Онъ встрѣчалъ его въ обществѣ и слышалъ про него, что онъ большой любитель и мастеръ танцевать. Членовъ онъ не зналъ. Одинъ былъ толстенькій, румяный человѣчекъ въ золотыхъ очкахъ, а другой, напротивъ, худой и длинный, точно развинченный и очень развязный человѣкъ, съ землистымъ цвѣтомъ лица, безпокойный. Вмѣстѣ съ судьями вошелъ и прокуроръ, тотъ, который, поднимая плечи и махая рукой, пробѣжалъ по коридору съ своимъ портфелемъ. Съ тѣмъ же портфелемъ онъ прошелъ къ окну, поместился на своемъ мѣстѣ и тотчасъ погрузился въ чтеніе и пересматриваніе бумагъ, очевидно, пользуясь каждой минутой для того, чтобы приготовиться къ дѣлу. Секретарь уже сидѣлъ противъ него и тоже перелистывалъ что то. Началась, очевидно, всѣмъ надобная, привычная процедура: перекличка присяжныхъ, кого нѣтъ, отказъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, выслушиваніе объ этомъ мнѣнія прокурора, совѣщаніе членовъ суда, рѣшеніе, назначеніе штрафовъ или отпускъ отъ исполненія обязанностей. Потомъ завертываніе билетовъ съ именами, вкладываніе ихъ въ вазу, выниманіе, прочитываніе и назначеніе настоящихъ и запасныхъ. Нехлюдовъ во все это время сидѣлъ неподвижно и ни о чемъ не думалъ, слушалъ, что говорили, и наблюдалъ подымавшихся, подходившихъ къ столу судей и возвращавшихся къ своимъ мѣстамъ присяжныхъ. Когда же всѣ замолчали и судьи совѣщались между собой, онъ наблюдалъ подсудимыхъ. Подсудимые были тѣ самые, которыхъ провели по коридору: одинъ мужчина и двѣ женщины. Мужчина былъ рыжеватый невысокій человѣкъ съ выдающимися скулами и ввалившимися щеками, бритый и весь въ веснушкахъ. Онъ былъ очень взволнованъ, сердито оглядывался на одну изъ подсудимыхъ и, нѣтъ-нѣтъ, что то какъ будто шепталъ про себя. Одна изъ подсудимыхъ, та, которая была въ арестантскомъ халатѣ, сидѣла, склонивъ голову, такъ что весь низъ лица ея былъ закрытъ и видны были только красивый лобъ, окруженный выющимися черными волосами, выбивавшимися изъ подъ платка, которымъ она была повязана, прямой носъ и очень черные красивые глаза, которые она изрѣдка только поднимала и тотчасъ же опускала. На желтомъ, нездоровомъ лицѣ было выраженіе усталости и равнодушія. Другая подсудимая, высокая худая женщина, въ своемъ розовомъ платьѣ была некрасива, но поражала энергичнымъ выраженіемъ своего умнаго и рѣшительнаго, съ выдающимся подбородкомъ лица. Она сидѣла въ серединѣ и казалось, что если было сдѣлано дѣло этими людьми, то дѣло сдѣлано ею. Она также сердито взглядывала на мужчину и презрительно на женщину.

«Вѣрно, дѣтубійство», думалъ Нехлюдовъ, глядя на подсудимыхъ. И придумывалъ романъ, въ которомъ маленькая была мать, мужчина — отецъ, а энергическая женщина — исполнительница. Его наблюденія были прерваны словомъ предсѣдателя, который предлагалъ присяжнымъ принять присягу. Всѣ встали и толпясь двинулись въ уголь къ жирному священнику въ коричневой шелковой рясѣ съ золотымъ крестомъ на груди и еще какимъ то орденомъ. Присяга непріятно поразила Нехлюдова. Несмотря на то, что Нехлюдовъ не приписывалъ этому внѣшнему архаическому обряду никакой важности,⁶⁷ ему было совѣстно повторять, поднимая

⁶⁷ *Зачеркнуто:* значеніе имѣла въ его глазахъ не присяга, а торжественное обѣщаніе, которое онъ давалъ вмѣстѣ съ другими относиться серьезно и по мѣрѣ силъ добросовѣстно къ предстоящему дѣлу,

руку, слова за старичкомъ священникомъ, который, очевидно, такъ привыкъ, что уже и не могъ думать о значеніи этого дѣла; совѣстно было креститься, одинъ за другимъ подходить въ аналою и цѣловать золоченый крестъ и Евангеліе. Непріятно поразило его особенно то, что послѣ присяги предсѣдатель въ своей рѣчи къ присяжнымъ объяснилъ имъ, чтобы они имѣли въ виду, что кромѣ клятвопреступленія, которое они сдѣлаютъ, судя не по правдѣ, они за это еще могутъ подвергнуться уголовному преслѣдованію. «Точно какъ будто наказаніе, которому подвергнется человекъ за клятвопреступленіе отъ Бога, нужно было подтвердить еще страхомъ наказанія отъ прокурора», подумалъ Нехлюдовъ. Послѣ рѣчи предсѣдателя, въ которой онъ длинно и скучно, запинаясь, внушалъ присяжнымъ то, что они не могли не знать, присяжные поднялись на ступени и сѣли на свои мѣста.

Дѣло началось. Нехлюдовъ былъ въ самомъ серіозномъ настроеніи и слушалъ все съ большимъ вниманіемъ.

– Мѣщанка Ефимья Бочкова, – обратился предсѣдатель къ женщинѣ, сидѣвшей въ серединѣ, – ваше имя?

– Афимья.

– Фамилія?

– Бочкова.

– Какой вѣры?

– Русской.

– Православная?

– Извѣстно, православная, какая жъ еще? —

– Вы обвиняетесь въ томъ, что 17-го Января 18.. года въ гостинницѣ Мавританіи вмѣстѣ съ Симономъ Ипатовымъ и Екатериной Масловой похитили у купца Ивана Смѣлькова его вещи: часы, перстень и деньги въ количествѣ 1837 р. 40 к. и, раздѣливъ вещи между собой, опоили, для скрытія своего преступленія, купца Смѣлькова опиумомъ, отъ котораго послѣдовала его смерть. Признаете ли вы себя виновной?

– Не виновата я ни въ чемъ, – бойко и твердо начала говорить обвиняемая. – Я и въ номеръ къ нему не входила.

Предсѣдатель остановилъ ее и обратился къ второму подсудимому:

– Крестьянинъ Симонъ Ипатовъ, – сказалъ предсѣдатель, обращаясь къ подсудимому. – Ваше имя? Православной вѣры? Крещены? Подъ судомъ и слѣдствіемъ не были? Признаете ли вы себя виновнымъ въ томъ, что 17-го Января 18.. въ гостинницѣ Мавританіи принесли опиумъ, соннаго порошку для усыпленія гостя, сибирскаго купца Ивана Смѣлькова и, уговоривши Екатерину Маслову дать ему въ винѣ выпить этотъ опиумъ, отъ чего послѣдовала смерть Смѣлькова, сами же похитили находившіеся въ бумажникѣ и сакъвояжѣ Смѣлькова его часы, золотой перстень и деньги 1836 р. 48 к., которые раздѣлили между собой, Ефиміей Бочковой и Екатериной Масловой. Признаете ли себя виновнымъ?

– Никакъ нѣтъ-съ. Я ничего не могъ знать, потому наше дѣло служить гостямъ....

– Вы послѣ скажете. Признаете ли вы себя виновнымъ?

– Никакъ нѣтъ-съ. Потому....

– Послѣ.

Судебный приставъ, какъ суфлеръ, останавливая заговорившагося не во время актера, остановилъ Симона Ипатова.

Предсѣдатель, граціозно переложивъ локоть руки, которой онъ игралъ разнѣннымъ ножомъ, на другое мѣсто, обратился къ послѣдней подсудимой, Екатеринѣ Масловой.

– Ваше имя?

Женщина чуть слышно сказала что то. Но такъ какъ не только предсѣдатель, но и всѣ бывшіе въ залѣ знали, что ее зовутъ Екатериной, то онъ не переспросилъ.

– Вѣры? Православной? Крещены? – спрашивалъ предсѣдатель, не ожидая отвѣта и съ видомъ жертвы, обязанной все-таки исполнять формальности, такъ неизмѣримо выше которыхъ онъ находится. – Обвиняетесь вы въ томъ, что, пріѣхавъ изъ публичнаго дома въ номеръ гостиницы Мавританія, вы дали сибирскому купцу Ивану Смѣлькову выпить вина съ опиумомъ и, когда онъ пришелъ въ безчувственное состояніе, похитили у него часы, деньги и перстень, которые раздѣлили между собой, т. е. Ефимьей Бочковой и Симономъ Ипатовымъ. Признаете ли себя виновной?

Подсудимая опустила голову, такъ что низъ лица ушелъ въ сѣрый воротникъ кафтана, и пробормотала что то.

– Говорите громче, чтобы всѣ слышали.

Она опять что то пробормотала. Суфлеръ подскочилъ и строго потребовалъ отвѣта:

– Говори громче,

– Я не опаивала его, – вдругъ громко, нѣсколько хриплымъ голосомъ заговорила Маслова. – Онъ и такъ пьянъ былъ, – прибавила она.

– Такъ вы не признаете себя виновной? – сказалъ строго предсѣдатель.⁶⁸

– Я сама безъ памяти пьяна была, – сказала и улыбнулась, жалостно улыбнулась, улыбкой своей показавъ недостатокъ двухъ переднихъ зубовъ. – Что хотите со мной дѣлайте. Я ничего не помню, – сказала она и опустила глаза. Потомъ вдругъ подняла ихъ и какъ-то особенно блеснула ими и опять тотчасъ же опустила.

«Гдѣ я видѣлъ эти глаза, не глаза, а именно взглядъ этотъ, робкій и кроткій и ожидающій?»⁶⁹ подумалъ Нехлюдовъ, котораго невольно притягивало что то къ этой подсудимой и который, не спуская глазъ, смотрѣлъ на нее.

Но гдѣ и когда онъ видѣлъ этотъ взглядъ, онъ не могъ вспомнить.⁷⁰

Начался разборъ свидѣтелей: кто явился, кто нѣтъ? Нехлюдовъ слѣдилъ за рѣшеніемъ о неявившихся свидѣтеляхъ, за отводомъ присяжныхъ⁷¹ и изрѣдка взглядывалъ на подсудимыхъ. Бочкова говорила что то съ своимъ адвокатомъ. Симонъ все такъ же бѣгалъ глазами и шепталъ что то. Маслова сидѣла неподвижно въ своемъ халатѣ и только изрѣдка сверкала своимъ взглядомъ, направляя его то на товарищей подсудимыхъ, то на женщинъ въ зрительныхъ, то на судей, и тотчасъ же опять опускала глаза и замирала.

Окончивъ разборъ свидѣтелей, назначили запасныхъ присяжныхъ вмѣсто неявившихся и отведенныхъ присяжныхъ, и вотъ началось чтеніе обвинительнаго акта. Обвинительный актъ былъ такой:

Такого то числа такого то года Сибирскій купецъ, остановившійся въ гостиницѣ Мавританіи,⁷² послалъ въ домъ терпимости за рекомендованной ему коридорнымъ дѣвицей Ека-

⁶⁸ *Зачеркнуто:* – Ну, такъ виновата, мнѣ все одно. Все равно пропала, – вдругъ громко произнесла она, поднявъ голову. И на минуту сверкнувъ блестящими прекрасными черными глазами, она тотчасъ же опять опустила ихъ и замолчала. И вдругъ какое то давнишнее, милое, дорогое, и постыдное, и важное воспоминаніе задрожало гдѣ то въ глубинѣ души Нехлюдова при звукѣ этихъ словъ, звукѣ, съ которымъ эта женщина произнесла: «все равно пропала, все равно пропала». Взглядъ прекрасныхъ черныхъ глазъ. Онъ гдѣ то видѣлъ, больше чѣмъ видѣлъ, пережилъ это. Но не съ этой женщиной, а съ какой то другой и когда то давно, давно. Воспоминаніе не проявилось еще наружу, но затрепетало гдѣ то далеко, далеко внутри его. «Екатерина Маслова? Не знаю никакой Екатерины Масловой», думалъ онъ, взглядываясь въ ея лицо, опять почти все скрытое кафтаномъ, и не слушая опроса 4-го подсудимаго, обвиняемаго въ томъ, что онъ принялъ краденныя вещи.

⁶⁹ *Зач.*: Хотя не эти, но какіе то похожіе на эти глаза. Какая грязь! – думалъ онъ. – И какъ я счастливъ, что я теперь освободился отъ этаго. Да, жениться надо», думалъ онъ.

⁷⁰ *Зач.*: <Четвертый> Третій подсудимый, фармацевтъ, давшій опиумъ, былъ также допрошенъ и признать себя виновнымъ, что продалъ опиумъ, хотя и не зналъ, для чего онъ былъ нуженъ, и не участвовалъ ни въ отравленіи купца, ни въ кражѣ.

⁷¹ *Зач.*: И ему не хотѣлось, чтобы его отвели. Ему хотѣлось прослѣдить за этимъ дѣломъ и участвовать въ немъ и сколько возможно содействовать оправданію этой <жалкой> женщины.

⁷² *Зачеркнуто:* поѣхалъ 18 Сентября въ 10-мъ часу вечера въ публичный домъ, который указалъ ему половой и куда даже проводилъ его. Тамъ купецъ пробылъ до 2-го часа и, вернувшись домой уже сильно хмѣльный, послалъ полового привезти <ему въ номеръ дѣвушку> опять <дѣвку> Любку, <съ которой онъ тамъ познакомился.> Половой, исполняя желаніе купца, поѣхалъ за дѣвушкой и привезъ ему <Ефимью Бочкову> Екатерину Маслову. Купецъ, увидавъ Ефимью, разсердился, ударилъ

териной Масловой, известной в дом терпимости под именем Любаши. Когда Екатерина Маслова приехала в гостиницу, она застала Смѣлькова сильно пьяным, то потребовала от него вперед денег. На эти слова купец обидѣлся и ударил ее так, что она упала. Тогда купец достал свой бумажник, в котором было много сторублевых бумажек, и дал ей пять рублей, обѣщая дать еще 10, только бы она не уѣзжала от него. Екатерина Маслова осталась, но купец тотчас же заснул, и она, выйдя в коридор, уѣхала, обѣщая вернуться к 8 часам утра. В 8 часов утра она вернулась и пробыла с купцом до 2-х часов. В два же часа Екатерина Маслова уговорила купца ѣхать с собой в дом терпимости. Приѣхав туда, купец с Екатериной Масловой и другими дѣвушками не переставая пил херес и потом коньяк и в 5-м часу вечера послал Екатерину Маслову к себѣ в гостиницу за деньгами, дав ей часы с печатью и ключи от сак-вояжа. Приѣхав в гостиницу, Екатерина Маслова вошла в номер с коридорным и вмѣстѣ с ним взяла, как она показывала, 40 рублей, как ей велѣл Смѣльков, и с ними вернулась в дом терпимости, гдѣ Смѣльков пробыл до вечера. Вечером же Смѣльков вернулся к себѣ в номер вмѣстѣ с Любкой. И тут то между тремя подсудимыми состоялось соглашеніе о том, чтобы опоить купца, с тѣм чтобы он не хватился своих денег.

У Симона были капли опиума, оставшіяся послѣ больной госпожи. Симон внес их в номер купца и поручил Любке влить ему их в вино. Купец был уж очень пьян и требовал, чтобы Любка перед ним танцевала. Тогда Евфимія сказала: «выпить надо». И тогда то Любка, по показанію Евфиміи, налила в стакан капли и поднесла Смѣлькову. Смѣльков выпил и очень скоро послѣ этого упал на диван и заснул. Тогда Симон вытащил у него бумажник, взявъ⁷³ деньги, часы и, дав перстень Масловой, усладил ее домой. Маслова, вернувшись домой, была сильно пьяна и хвасталась подаренным ей перстнем. Хозяин, увидав дорогой перстень, купил его у Любки за 10 рублей и понес оцѣнить. Перстень оказался дорогим, и оцѣнщик, узнавъ о том, от кого получен перстень, донес полиціи. В полиціи же уже производилось дознаніе о скоростижно умершем Смѣльковѣ.

Первое подозрѣніе пало на проститутку Маслову. Она же оговорила Симона и Евфимію, которые при слѣдствіи сознались, а потом стали упорно отказываться.

Таково было содержаніе обвинительнаго акта. Нехлюдовъ внимательно слушалъ, ужасаясь той страшной дикости нравовъ, которая выражалась этимъ обвинительнымъ актомъ, и, какъ всегда, безсознательно чувствуя свое неизмѣримое превосходство надъ той средой, в которой все это могло происходить.

Уныло звучалъ картавящій на *p* голосъ секретаря.

Когда онъ дошелъ до мѣста, в которомъ сказано было, что купецъ Смѣльковъ, очевидно получившій особенное пристрастіе къ дѣвушкѣ, прозываемой Любкой, послалъ ее с ключомъ в свой номеръ, Нехлюдовъ взглянул на подсудимую Маслову. В это же самое время Маслова, какъ будто польщенная тѣмъ, что она возбудила такое чувство в купцѣ, подняла глаза и взглянула на чтеца и потомъ перевела взглядъ на присяжныхъ и скользнула имъ по лицу

половаго и сказалъ, что онъ требовалъ не Ефимью, а <Катьку> Любку. На оправданіе половаго о томъ, что онъ не могъ привезти <Катьки> Любки, потому что она была занята, купецъ разсердился, вынулъ бумажникъ и сказалъ, что для него она не можетъ быть занята, что онъ, если захочетъ, то скупить все заведеніе с мадамой, и, давъ половому 100-рублевую бумажку, велѣлъ сейчасъ же ѣхать назадъ, отвезти эту дылду и привезти <Катьку> Любку. Половой собрался ѣхать, но попросилъ не срамить привезенную дѣвицу, а оставить ее пока. — Все вамъ пока не скучно будетъ. — Ну, чертъ с ней, пускай сидитъ, — сказалъ купецъ, и половой отправился. Черезъ 1 1/2 часа половой вернулся с Екатериной Масловой, которой в заведеніи прозвище было Любка, и засталъ купца уже очень пьянымъ. Онъ сидѣлъ и пилъ мадеру с коридорной дѣвушкой Ефимьей Бочковой. Когда Екатерина раздѣлась и опять поздоровалась с купцомъ, половой Симонъ и Ефимья, с которой онъ находился в связи, удалились и тутъ рѣшили с помощью Любки опоить купца и взять у него всѣ деньги. <Какъ бы то ни было, они согласились и пошли по коридору къ бывшему фармацевту, у котораго Симонъ зналъ, что есть сонные порошки, т. е. опиумъ, разбудили его и, рассказавъ въ чемъ дѣло и обѣщая ему долю похищеннаго, взяли у него морфину и вошли в номеръ.>

⁷³ *Зачеркнуто:* двѣ сторублевые бумажки и оставивъ остальныхъ семь. И тогда женщины уѣхали, и Симонъ ушелъ. На утро же купецъ найденъ мертвымъ, и по вскрытіи установлено, что смерть произошла отъ отравленія морфиномъ.

Нехлюдова. И вдругъ въ головѣ Нехлюдова точно шелкнуло и лопнуло что то. Воспоминаніе, копошившееся гдѣ то далеко внизу за другими впечатлѣніями, вдругъ нашло себѣ дорогу и выплыло наружу. Катюша! вспомнилъ онъ. Тетеньки Марьи Ивановны Катюша. И онъ, удерживая дыханіе, сталъ всматриваться въ подсудимую. Она опять сидѣла, опустивъ голову. Лобъ, волоса, носъ. Но эта старая, больная. Но въ это время подсудимая опять подняла голову и еще разъ взглянула изподлобья на чтеца и вздохнула. «Да нѣтъ, этого не можетъ быть!» говорилъ самъ себѣ Нехлюдовъ и въ тоже время чувствовалъ, что не могло быть никакого сомнѣнія. Это была она. Это была Катюша, та самая Катюша, которую онъ одно время страстно платонически любилъ, на которой хотѣлъ жениться и которую потомъ соблазнилъ и бросилъ. Да, это была она. Это было ужасно.

Да, это было 14 лѣтъ тому назадъ въ⁷⁴ Турецкую кампанію, когда онъ, послѣ петербургской дурной свѣтской жизни, поступилъ въ⁷⁵ военную службу и по дорогѣ въ⁷⁶ полкъ заѣхалъ къ тетенькамъ Марьѣ и Софьѣ Ивановнымъ.

Ему было тогда 21 годъ.⁷⁷ Это было время ослабленія и отдыха послѣ его самыхъ сильныхъ мечтаній, шедшихъ въ разрѣзъ со всѣмъ существующимъ порядкомъ вещей. Это было время, когда онъ, въ глубинѣ души желая дѣлать одно хорошее, дѣлалъ все дурное, все то, что дѣлали всѣ окружающіе его. Тогда онъ только что получилъ отцовское небольшое имѣніе, и, вмѣсто того чтобы, какъ онъ хотѣлъ, отдать его крестьянамъ, онъ надѣлалъ долговъ, проигралъ въ карты и долженъ былъ все, что стоило имѣніе, употребить на уплату долга. Такъ что имѣніе онъ не отдалъ, а продалъ.

Это было то время, когда онъ, считая войну постыднымъ дѣломъ, все таки поступилъ въ военную службу. И вотъ, въ этотъ то періодъ ослабленія, онъ, проѣзжая въ полкъ, прогостилъ недѣлю у тетокъ и тамъ, желая только одного – жить чисто и жениться на той дѣвушкѣ, которую онъ полюбитъ, соблазнилъ невинную дѣвушку Катюшу и, соблазнивъ, уѣхалъ, бросилъ ее.

Ужасное дѣло это случилось съ нимъ вотъ какъ:

Какимъ онъ былъ теперь двойнымъ человѣкомъ, т. е. такимъ, въ которомъ въ различное время проявлялись два различные, даже совершенно противоположные челоѣка: одинъ⁷⁸ сильный, страстный,⁷⁹ близорукій, ничего не видящій,⁸⁰ кромѣ своего счастья, жизнерадостный челоѣкъ, отдававшійся безъ всякихъ соображеній тѣмъ страстямъ, которыя волновали его, другой – строгій къ себѣ, требовательный и вѣрующій въ возможность нравственнаго совершенства и стремящійся къ нему, челоѣкъ внимательный къ себѣ и другимъ, – такимъ двойнымъ челоѣкомъ онъ еще въ гораздо сильнѣйшей степени былъ 14 лѣтъ тому назадъ, когда съ нимъ случилось это ужасное дѣло, которое онъ почти забылъ именно потому, что оно было такъ ужасно, что ему страшно было вспоминать о немъ, важность котораго только теперь открылась ему во всемъ его значеніи.

⁷⁴ Зачеркнуто: Крымскую

⁷⁵ Зач.: стрѣлковой полкъ Императорской фамиліи

⁷⁶ Зач.: Крымъ

⁷⁷ Зач.: Он уже и тогда многое пережилъ и передумалъ. Во многомъ онъ былъ требователенъ къ себѣ и не слѣдовалъ тому, что считалось не только дозволеннымъ, но хорошимъ въ его средѣ. Но въ половомъ вопросѣ, въ сношеніяхъ съ женщинами, несмотря на то, что онъ былъ много нравственнѣе своихъ сверстниковъ, онъ былъ также грубъ и слѣпъ, какъ и всѣ.

⁷⁸ Зач.: низкій, поэтический, животный,

⁷⁹ Зач.: эпикуреецъ,

⁸⁰ В подлиннике: сильное, страстное, близорукое, ничего не видящее

6.⁸¹

<Произошло это въ одинъ изъ тѣхъ періодовъ его жизни, когда онъ уставалъ жить одинъ своими мыслями и чувствами противъ общаго теченія и, отдаваясь этому теченію, надѣвалъ какъ будто нравственныя шоры на свою совѣсть и жилъ уже не своими мыслями, чувствами и, главное, совѣстью, а не спрашивая себя о томъ, что хорошо, что дурно, а, впередъ уже рѣшивъ, что хорошо жить такъ, какъ живутъ всѣ, жилъ, какъ всѣ. Уставши перебивать теченіе, онъ отдавался ему.

Такой періодъ онъ переживалъ теперь, вернувшись изъ за границы. Онъ жилъ въ Петербургѣ съ своими аристократическими друзьями и, спокойно чувствуя за собой одобреніе или хотя снисходительное, любовное прощеніе матери, отдавался всѣмъ увеселеніямъ, тщеславію и похотямъ свѣтской жизни. И когда онъ предавался такой жизни, онъ предавался ей вполне, совсѣмъ забывая то, что онъ желалъ и думалъ прежде, какъ будто то былъ другой человѣкъ. Въ такомъ настроеніи онъ былъ теперь, и въ такомъ настроеніи онъ поступалъ теперь въ военную службу на войну. Всѣ дѣлали это, и это считалось очень хорошо, и вотъ онъ поступалъ также.>⁸²

Онъ ѣхалъ въ полкъ и по дорогѣ къ своему полку заѣхалъ въ деревню къ своимъ двумъ теткамъ по отцу, изъ которыхъ старшая, Катерина Ивановна, была его крестной матерью. Передъ этимъ онъ былъ у нихъ годъ тому назадъ передъ своимъ отъѣздомъ за границу, совсѣмъ въ другомъ, въ самомъ свѣтломъ своемъ настроеніи. Въ тотъ первый періодъ пребыванія у нихъ онъ былъ полонъ самыми высокими и казавшимися всѣмъ, кромѣ него, неисполнимыми мечтами. Это было тотчасъ же по выходѣ его изъ университета, когда онъ даже нѣсколько поссорился съ своей матерью, объявивъ ей, что онъ не хочетъ жить произведеніями труда, отнимаемыми у народа за незаконное наше владѣніе землей. Приѣхавъ къ тетушкамъ въ деревню, онъ, наблюдая жизнь господъ и крестьянъ въ деревнѣ, не только теоретически, но практически до очевидности убѣдился въ справедливости того, что землевладѣніе есть владѣніе рабами, но только не извѣстными лицами, какъ это было прежде, а всѣми тѣми, кто лишень земли. Въ городѣ не видно, почему работаетъ на меня портной, извозчикъ, булочникъ, но въ деревнѣ ясно, почему поденные идутъ чистить⁸³ дорожки въ садъ, убираютъ хлѣбъ или луга, половину сработаннаго отдавая землевладѣльцу. Тогда мысли эти были такъ новы, такъ ярки, такъ возможно казалось ихъ сдѣлать общими, что Нехлюдовъ все это время, особенно во время пребыванія у тетокъ, находился въ постоянномъ восторгѣ. Тетушекъ своихъ онъ считалъ людьми стараго вѣка и не пытался уже обращать ихъ къ своимъ мыслямъ, а занимался тѣмъ, что, написавъ объ этомъ предметѣ письмо Генри Джорджу, самъ занялся изложеніемъ его ученія по русски и своимъ сочиненіемъ по этому предмету. Это было радостное, свѣтлое, чистое время.

Была весна. Онъ вставалъ рано, шелъ купаться, потомъ садился за свое сочиненіе. Обѣдалъ съ тетушками, ходилъ гулять или ѣздилъ верхомъ, потомъ учился по итальянски, читалъ и писалъ свои записки. Это было одно изъ лучшихъ временъ его жизни, которое онъ всегда вспоминалъ съ умиленіемъ.

Нѣкоторую особенную прелесть его этому предпоследнему пребыванію у тетушекъ придавало еще присутствіе у тетушекъ ихъ воспитанницы Катюши, брошенной матерью дѣвочки сиротки, которую подобрали тетушки.

Въ это послѣднее пребываніе у нихъ у него какъ то нечаянно, незамѣтно между имъ и Катюшей завязались полушутливыя, полулюбовныя отношенія.

⁸¹ Здесь, как и в дальнейшем, последовательность в нумерации глав в подлиннике нарушена.

⁸² Взятое здесь в лапанные скобки отчеркнуто сбоку чертой с пометкой: п[ропустить].

⁸³ В подлиннике: чистятъ

Катюша была⁸⁴ тоненькая 17 лѣтняя быстроногая дѣвочка⁸⁵ съ агатово черными глазами, занимавшая въ домѣ тетюшекъ неопредѣленное положеніе не то воспитанницы, не то горничной. Особенныя отношенія между Дмитріемъ Нехлюдовымъ и Катюшей установились въ этотъ пріѣздъ слѣдующимъ образомъ. Въ вознесеніе къ тетюшкамъ пріѣхала ихъ сосѣдка съ дѣтьми – двумя барышнями, гимназистомъ и съ гостившимъ у нихъ молодымъ живописцемъ.

Молодежь затѣяла играть въ горѣлки. Быстроногая Катюша играла съ ними и не долго горѣла, потому что тотчасъ ловила того, за кѣмъ гналась. Но Нехлюдовъ былъ еще рѣзвѣе ея и, чтобы показать свою ловкость, хотя и не безъ труда, но поймалъ ее.

– Ну, теперь этихъ не поймаетъ ни за что, – говорилъ горѣвшій художникъ, отлично бѣгавшій, – нечто споткнутся.

– Вы да не поймаете! Разъ, два, три.

Ударили три раза въ ладоши, Нехлюдовъ пустилъ Катюшину жесткую рабочую, но красивую и энергичную руку, пожавшую его крѣпко прежде, чѣмъ бѣжать. Загремѣли крахмальные юбки подъ розовымъ ситцевымъ платьемъ, быстро пустились ноги сильной ловкой дѣвушки, и также энергично, сильно побѣждалъ Нехлюдовъ, минуя падающаго на передъ, отчаянно надававшего за нимъ художника. Не замѣчая того, что художникъ уже остановился, Нехлюдовъ, радуясь своей молодости и быстротѣ бѣга, летѣлъ по скошенному лугу, не спуская глазъ съ такой же быстротой бѣжавшей въ розовомъ платьѣ, быстро мелькавшей ногами Катюши. Она подала ему головой знакъ, чтобы соединиться за сиреневымъ кустомъ; онъ понялъ и, вмѣсто того чтобы соединиться тутъ же, пустился за кустъ. И не замѣчая того, что за ними не гонятся, они бѣжали все дальше и дальше, радуясь легкости и быстротѣ своего бѣга, и только за вторымъ сиреневымъ кустомъ поворотили другъ къ другу, по малѣйшимъ намекамъ понимая намѣренія другъ друга, и быстро сбѣжались и подали другъ другу руки. Они были далеко отъ всѣхъ, и никто не видалъ ихъ. Она подала правую руку, а лѣвой подправляла сбившуюся большую косу и, тяжело дыша, улыбалась, блестя своими ярко черными глазами. Онъ крѣпко сжалъ ея руку и, самъ не зная, какъ это случилось, потянулся къ ней лицомъ. Она не отстранилась отъ него, напротивъ – придвинулась къ нему, также улыбаясь, и они поцѣловались.

– Вотъ тебѣ разъ! – проговорила она, и раскраснѣвшееся, вспотѣвшее милое лицо ея еще болѣе покраснѣло, и она быстрымъ движеніемъ вырвала свою руку и побѣжала прочь отъ него.

Подбѣжавъ къ кусту сирени, она сорвала двѣ вѣтки бѣлой сирени и, хлопая себя ими по лицу и оглядываясь на него, побѣжала назадъ къ играющимъ.

Вотъ это то и было началомъ новыхъ особенныхъ отношеній между Нехлюдовымъ и Катюшей. Съ тѣхъ поръ они чувствовали, что между ними установилось что то особенное. Съ тѣхъ поръ они стали чувствовать присутствіе другъ друга. Какъ только онъ или она входили въ одну и ту же комнату, становилось для нихъ обоихъ вдругъ все другое. Когда онъ или она могли видѣть другъ друга хоть издалика, изъ окна, они смотрѣли другъ на друга, и имъ было отъ этого весело. Но когда они одинъ на одинъ случайно встрѣчались другъ съ другомъ, имъ становилось мучительно, не столько стыдно, сколько жутко: они оба краснѣли и когда говорили между собой, то путались въ словахъ и не понимали хорошенько другъ друга. То, что говорили ихъ взгляды, заглушало то, что говорили уста. Но всетаки они говорили. Нехлюдовъ⁸⁶ увидалъ разъ, что она читаетъ [и] спросилъ, что это было. Это были Тургеневъ – рассказы. Нехлюдовъ, любившій тогда особенно Достоевскаго, далъ ей «Преступленіе и наказаніе». Одинъ разъ, по случаю того, что мужикъ пришелъ къ тетюшкѣ Марѣ Ивановнѣ просить отпустить загнанную въ саду скотину и Катюша докладывала объ этомъ, Нехлюдовъ рассказалъ ей и свои мысли о

⁸⁴ *Зачеркнуто:* маленькая, хорошенькая

⁸⁵ *Зач.*: замѣчательно прекрасными

⁸⁶ *Зачеркнуто:* давалъ ей читать Тургенева и Достоевскаго и рассказывалъ ей свои планы уничтоженія собственности земли.

грѣхѣ землевладѣнія, но, какъ ему показалось, Катюша не оцѣнила значенія этихъ мыслей и была въ этомъ вопросѣ на сторонѣ тетушекъ. Можетъ быть, не оцѣнила Катюша этихъ мыслей и потому, что Нехлюдовъ, излагая ей, все время краснѣлъ, глаза его не могли быть спокойны, и нужные слова не находились.

Нехлюдовъ уже давно самъ съ собою рѣшилъ, что онъ женится на той дѣвушкѣ, которую полюбитъ.⁸⁷ И теперь ему казалось, что онъ любитъ Катюшу, и его не только не пугала, но радовала мысль жениться на ней. Разумѣется, не только мать, но и тетушки будутъ въ отчаяніи. Но что же дѣлать. Это вопросъ жизни. И если я ее полюблю совсѣмъ и она полюбитъ меня, то отчего же мнѣ не жениться на ней? Правда, не теперь. Теперь еще рано, надо ѣхать за границу, кончить тамъ сочиненіе и издать. А потомъ... Такъ онъ, ничего не рѣшивъ и ничего не сказавъ Катюшѣ, уѣхалъ за границу и не видалъ Катюшу полтора года, послѣ которыхъ онъ уже изъ Петербурга, по пути въ армію, заѣхалъ на одинъ день къ тетушкамъ. Тутъ то, въ этотъ пріѣздъ, и случилось съ нимъ это страшное дѣло.

Тетушки, и всегда любившія Нехлюдова, еще радостнѣе, чѣмъ обыкновенно, встрѣтили Митю. Во первыхъ, потому что если былъ недостатокъ у Мити, то только одинъ – то, что онъ болтался и не служилъ. Теперь же онъ поступилъ на службу, и на службу въ самый аристократическій полкъ; а во вторыхъ, онъ ѣхалъ на войну, онъ могъ быть раненъ, убитъ. Какъ ни страшно было за него, но это было хорошо.⁸⁸ И тетушки особенно радостно встрѣтили его и упросили остаться у нихъ Святую. Нехлюдовъ тоже былъ радъ увидеть тетокъ⁸⁹ и радъ пожить въ этомъ миломъ пріютѣ, который оставилъ въ немъ такія свѣтлыя воспоминанія. Но Нехлюдовъ въ этотъ пріѣздъ былъ уже совсѣмъ не тотъ, что прежде. За эти полтора года, во время которыхъ онъ не видалъ ее, онъ страшно измѣнился.

Мысли его о землевладѣніи не то что были оставлены имъ, но отошли на задній планъ и подверглись житейскимъ соображеніямъ. Главное было то, что онъ жилъ роскошно, надѣлалъ долговъ, и, вмѣсто того чтобы отдать землю отцовскую, 300 десятинъ, крестьянамъ, онъ продалъ ее. А нѣтъ болѣе убѣдительныхъ доказательствъ несостоятельности извѣстныхъ мыслей или необходимости поправки ихъ, какъ поступокъ, совершенный противно извѣстнымъ мыслямъ. Онъ не отказывался отъ основныхъ принциповъ Генри Джорджа, но теперь считалъ, что надо еще погодить прилагать ихъ къ дѣлу, что онъ самъ еще не годится для проведенія ихъ въ жизнь. Точно также измѣнились и его мысли объ отношеніяхъ къ женщинамъ. Разумѣется, было бы лучше жениться на той дѣвушкѣ, которую полюбилъ, но это невозможно (никто этого не дѣлаетъ), это повело бы только или къ гибели или къ раздору съ матерью, къ разрыву со всѣмъ обществомъ, и потому надо жить, какъ всѣ живутъ. И онъ жилъ такъ и за границей и въ Петербургѣ.

Въ такомъ настроеніи онъ пріѣхалъ теперь къ тетушкамъ и къ Катюшѣ, которая составляла не малую долю прелести пребыванія въ Пановѣ, такъ звали деревню тетушекъ. Не то чтобы онъ имѣлъ въ мысляхъ соблазнить Катюшу. Ему и въ голову не приходила эта мысль, но ему пріятно было видѣть ее, показаться ей такимъ, какимъ онъ сталъ теперь, щеголеватымъ, съ усиками, въ мундирѣ. Уже подъѣзжая во дворѣ къ дому, онъ оглядывался по сторонамъ, не увидитъ ли гдѣ Катюши, но ни на парадномъ, ни на дѣвичьемъ крыльцѣ ея не было. Старый лакей встрѣтилъ его и проводилъ его въ его комнату, настаивая на томъ, чтобъ подавать ему

⁸⁷ *Зачеркнуто:* Но онъ не зналъ, любить онъ ее или нѣтъ. И такъ онъ уѣхалъ не рѣшивъ этого. Такъ это было въ тотъ пріѣздъ, передъ поѣздкой за границу. Въ послѣдній же пріѣздъ, когда онъ на Страстной

⁸⁸ *Зач.*: такъ надо, такъ дѣлалъ и его отецъ въ 12-мъ году

⁸⁹ *Зач.*: Но, по правдѣ сказать, ему болѣе всего хотѣлось увидеть Катюшу, но случилось, что Нехлюдовъ не видалъ ее. Проводилъ его въ комнату старый лакей, горничная Катерины Ивановны разобрала его вещи, а Катюши все не было. Поговоривъ съ теткой о себѣ, о своей матери, объ общихъ знакомыхъ, онъ не рѣшился спросить о Катюшѣ, а между тѣмъ ея отсутствіе тревожило его.

на руки умываться. У тетушек Катюши тоже не было. И вдруг Нехлюдову стало скучно и показалось глупым его посещение теток.

Только теперь он замѣтил, какое важное значеніе она имѣла для него. Ему хотѣлось спросить, но совѣстно было, и потому он неохотно вяло отвѣчалъ на вопросы тетушек и все оглядывался на дверь, «Неужели ея нѣтъ? И что съ ней сдѣлалось? – думалъ онъ. – Какъ жаль».

Но вдругъ послышались поскрипывающіе башмачки и легкая молодая походка, и все просвѣтлѣло. Катюша вошла уже не въ розовомъ, а въ голубенькомъ полосатомъ платьѣ и бѣломъ фартучкѣ, не выросшая, но⁹⁰ похорошѣвшая, все съ тѣмъ же прелестнымъ взглядомъ блестящихъ черныхъ глазъ.⁹¹ Она вспыхнула, увидавъ Нехлюдова, и поклонилась ему.

– Съ пріѣздомъ васъ, Дмитрій Ивановичъ.

– Здравствуй, Катюша, а ты какъ живешь?

– Слава Богу. Матушка приказала благодарить. Имъ лучше немного и приказали спросить нашатырнаго спирта, – обратилась она къ Марѣ Ивановнѣ.

– Есть у насъ – такъ ты дай. Кажется, немного осталось. Что, кофе готовъ?

– Сейчасъ подамъ, – сказала она и, еще разъ взглянувъ на Нехлюдова и вспыхнувъ вся, вышла изъ комнаты.

Катюша говорила про нашатырный спиртъ, про матушку, про кофе, а Нехлюдовъ видѣлъ, что она говорила только одно: «рада, рада, что вы пріѣхали. Рада, люблю васъ».

Да, Катюша была прежняя, но Нехлюдовъ былъ уже не прежній. Во первыхъ, онъ уже не былъ тѣмъ невиннымъ мальчикомъ, которымъ онъ былъ 2 года тому назадъ, во 2-хъ, онъ былъ не въ томъ періодѣ нравственной жизни, самоусовершенствованія, когда онъ дѣлалъ все не такъ, какъ дѣлали всѣ, а такъ, какъ требовала отъ него его совѣсть.

Теперь для Нехлюдова Катюша въ его представленіи ужъ не была болѣе тѣмъ таинственнымъ женскимъ неизвѣстнымъ ему существомъ, къ которому онъ тогда относился съ трепетомъ и благоговѣніемъ, – теперь она уже была одною изъ тѣхъ существъ – женщинъ, которыхъ онъ зналъ ужъ.

Она была въ его представленіи хорошенькой горничной тетушекъ, съ которой всякому племяннику свойственно пошутить, поиграть, а можетъ быть, и больше этого, если только все это сдѣлать прилично.⁹² Разумѣется, это не хорошо, но вѣдь не святые же мы. Есть другія, болѣе важныя дѣла, отношенія людей, служба.⁹³ Но не смотря на эти мысли, онъ чувствовалъ, что между нимъ и Катюшей было что то большее, чѣмъ то, чтò онъ хотѣлъ, чтобы было.

Съ перваго же дня Нехлюдовъ почувствовалъ себя совсѣмъ влюбленнымъ въ нее. Голубенькое полосатое платье, повязанное чистенькимъ бѣлымъ фартучкомъ, обтягивающимъ стройный, уже развившійся станъ, гладко, гладко причесанные чернорусые волосы съ большой косой, румянецъ, безпрестанно затоплявшій всю щеку, и эти прелестные ярко черные глаза, изъ которыхъ одинъ косилъ немножко и, странно, только придавалъ еще большую прелесть этому лицу, особенно когда оно улыбаясь открывало твердые бѣлые зубы, главное же – на всемъ существѣ печать чистоты, невинности, изъ за которой пробивалась охватывающая уже все существо ея любовь къ нему, – плѣняли его все больше. Съ перваго же дня онъ почувствовалъ себя совсѣмъ влюбленнымъ, но не такъ, какъ прежде, когда эта любовь должна была рѣшить для него вопросъ соединенія на всю жизнь, т. е. женитьбы, а⁹⁴ онъ былъ просто влюбленъ и отдавался этой любви, не зная, а можетъ быть, и смутно зная и скрывая отъ себя, что изъ этого выйдетъ. Онъ былъ въ томъ періодѣ, когда онъ самъ не разсуждалъ, а дѣлалъ какъ дру-

---

⁹⁰ Зачеркнуто: пополнѣвшая,

⁹¹ Зач.: Катюша была еще милѣе, еще румянѣе, еще свѣжѣе, чѣмъ прежде.

⁹² Зачеркнуто: какъ дѣлать это его пріятель Зубовъ.

⁹³ Зач.: Нехлюдовъ въ этотъ пріѣздъ былъ тѣмъ другимъ, мірскимъ человѣкомъ, которымъ онъ бывалъ часто, когда уставать отъ борьбы.

⁹⁴ Зач.: такъ, что онъ могъ получить отъ нея всѣ радости, которыя она могла дать ему, ничѣмъ не обязываясь передъ нею.

гіе.⁹⁵ И тотъ жизнерадостный, ничего не соображающій кромѣ своего счастья человѣкъ вдругъ поднялся въ немъ и совершенно задавилъ того жившаго въ немъ чистаго, робкаго, стремящагося къ совершенству, строгаго къ себѣ, нравственнаго юношу и хозяйничалъ въ душѣ одинъ.

Нехлюдовъ зналъ, что ему надо ѣхать и что незачѣмъ теперь оставаться на день, два, три, недѣлю даже у тетокъ, ничего изъ этого не могло выйти, но онъ не разсуждалъ и оставался,⁹⁶ для того, чтобы видѣть Катюшу и сблизиться съ ней. Вечеромъ въ субботу, наканунѣ Свѣтло-Христова воскресенья, священникъ пріѣхалъ къ тетушкамъ служить всенощную. Въ церковь же ѣхала одна Матрена Павловна, старшая горничная Маріи Ивановны, чтобы святить куличи, и съ нею ѣхала Катюша. Узнавъ, что Катюша ѣдетъ, Нехлюдовъ рѣшилъ, что и онъ поѣдетъ къ заутренѣ, и онъ попросилъ у тетушекъ верховую лошадь и поѣхалъ. Дорога была непроѣздная. Вода, снѣгъ и кое гдѣ оголившаяся земля и грязь. Нехлюдовъ пріѣхалъ къ началу заутрени и прошелъ впередъ, гдѣ стояли господа и среди нихъ Матрена Павловна и Катюша.

Только что кончился крестный ходъ, и начиналась обѣдня. Изъ алтаря вышелъ священникъ съ тройными свѣчами и запѣлъ Христосъ воскресе. Нарядные любители пѣвчіе запѣли съ причтомъ. Все было прекрасно, празднично, торжественно, весело – священникъ въ свѣтлыхъ ризахъ, и дьяконы, и дьячки въ стихаряхъ, и нарядные добровольцы пѣвчіе, и веселые напѣвы, и благословеніе священниковъ тройными, украшенными цвѣтами свѣчами, и весь праздничный съ маслянными головами въ чистыхъ рубахахъ и новыхъ кафтанахъ и яркихъ кушакахъ праздничный народъ, прекрасны были и помѣщики, и помѣщицы, и старшина, и телеграфистъ, и купецъ, и становой, но лучше всего была Катюша въ бѣломъ платьѣ и голубомъ поясѣ съ розовымъ бантикомъ на черной головѣ. Она видѣла его, не оглядываясь на него. Онъ видѣлъ это, когда близко мимо нея проходилъ въ алтарь. Ему нечего было сказать ей, но онъ придумалъ и сказалъ, проходя мимо нея:

– Тетушка сказала, что она будетъ разгавливаться послѣ поздней обѣдни.

Молодая кровь, какъ всегда при взглядѣ на него, залила все милое лицо, и черные глаза, смѣясь и радуясь, остановились на Нехлюдовѣ.

– Слушаюсь, – только сказала она.

Въ это время дьячокъ въ стихарѣ, пробираясь черезъ народъ, прошелъ мимо Катюши и, не глядя на нее, задѣлъ ее подоломъ стихаря. Дьячокъ, очевидно изъ уваженія къ Нехлюдову, обходя его, потревожилъ Катюшу. Нехлюдову же было удивительно, какъ это онъ, этотъ дьячокъ, не понималъ того, что все, что здѣсь да и вездѣ на свѣтѣ дѣлается, дѣлается только для Катюши, потому что она важнѣе всего на свѣтѣ, она царица всего.

Послѣ ранней обѣдни, во время христосованія народа съ священникомъ, Нехлюдовъ пошелъ вонъ изъ церкви. Онъ шелъ къ священнику на промежутокъ между ранней и поздней; народъ разступался передъ нимъ и кланялся. Кто узнавалъ его, кто спрашивалъ: кто это? На выходѣ изъ церкви онъ остановился. Нищіе обступили его, и онъ далъ имъ денегъ, стараясь удовлетворить всѣхъ. Въ это время Катюша съ Матреной Павловной тоже вышли изъ церкви и прошли мимо него и остановились у крыльца, что то увязывая. Солнце уже встало и косыми лучами свѣтило по лужамъ и снѣгу. Пестрый народъ толпился у крыльца, христосовался и разсыпался по кладбищу на могилахъ. Старикъ, кондитеръ Марьи Ивановны, остановилъ Нехлюдова, похристосовался, и его жена старушка, и дали ему яйцо. Тутъ же подошелъ молодой благовидный, улыбающійся въ зеленомъ кушакѣ мужикъ, тоже желая похристосоваться.

⁹⁵ *Зачеркнуто:* Другіе же, и очень хорошіе люди, онъ зналъ, дѣлали такъ, что брали удовольствіе гдѣ могли.

⁹⁶ *Зач.*: потому что не могъ ѣхать. Онъ собирался пробыть 4 дня въ Одессѣ, и тетки легко уговорили его пробыть эти дни у нихъ, такъ, чтобы вмѣсто того чтобы съѣхаться съ своимъ товарищемъ офицеромъ, вызвать телеграммой этого офицера Раковского сюда въ Подгорное къ тетушкамъ, а съ нимъ вмѣстѣ ужъ ѣхать до Одессы. Такъ и сдѣлалъ. А пока подошло Свѣтло-Христово воскресенье.

– Христось воскресе, – сказал онъ и, придвинувшись къ Нехлюдову и обдавъ его особеннымъ запахомъ сукна и дегтя, въ самую середину губъ три раза поцѣловаль его своими крѣпкими свѣжими губами.

Въ то время, какъ онъ цѣловался съ этимъ мужикомъ и бралъ отъ него темновыкрашенное яйцо, Нехлюдовъ взглянулъ на Катюшу. Нищій съ краснымъ лицомъ и болячкой вмѣсто носа подошелъ къ Катюшѣ. Она достала изъ платка что-то, подала ему и потомъ приблизилась къ нему и три раза поцѣловалась. «Что это за милое существо», думаль онъ, глядя на нее, и направился къ ней. Онъ не хотѣлъ христосоваться съ нею, но только хотѣлъ быть ближе къ ней.

– Христось воскресе! – сказала Матрена Павловна, обтирая ротъ платочкомъ.

– Во истину, – отвѣчалъ онъ, цѣлуя ее.

Онъ оглянулся на Катюшу. Она вспыхнула и въ ту же минуту приблизилась къ нему.

– Христось воскресе, Дмитрій Ивановичъ!

– Воистину воскресъ, – сказалъ онъ.

Они поцѣловались 2 раза и какъ будто задумались и потомъ, оба улыбнувшись, поцѣловались 3-й разъ.

– Вы не пойдете къ священнику? – спросилъ Нехлюдовъ.

– Нѣтъ, мы здѣсь, Дмитрій Ивановичъ, посидимъ, – сказала она, тяжело, какъ будто послѣ радостнаго труда, вздыхая всею молодою грудью и глядя ему прямо, прямо въ глаза своими покорными, дѣвственными, любящими, косящими немного глазами.

Въ любви между мужчиной и женщиной бываетъ всегда одна минута, когда любовь эта доходитъ до своего зенита, когда въ ней нѣтъ ничего сознательнаго, разсудочнаго и нѣтъ ничего чувственнаго. Такой минутой была для Нехлюдова эта ночь Свѣтлохристова воскресенья.

Когда онъ вспоминалъ Катюшу, то изъ всѣхъ положеній, въ которыхъ онъ видѣлъ ее, эта минута застлала всѣ другія.

Черная гладкая головка, бѣлое платье съ складками, дѣвственно охватывающее ея стройный станъ, и эти нѣжные глаза, и этотъ румянецъ, и на всемъ ея существѣ двѣ главныя черты – чистота дѣвственности и любви не только къ нему, онъ зналъ это, но любви ко всѣмъ, ко всему хорошему, что только есть въ мірѣ. Онъ зналъ, что въ ней была эта любовь, потому что онъ въ себѣ въ эту ночь и это утро сознавалъ это же чувство. И въ этомъ чувствѣ они сливались въ одно.

7.

И вотъ она теперь въ арестантскомъ кафтанѣ съ выбитыми какимъ нибудь пьянымъ гостемъ зубами, она, по прозвищу Любка-дѣвка. И кто сдѣлалъ это? Боже мой, Боже мой, что-жь это?

Да, все это страшное дѣло сдѣлалось тогда, въ ужасную ночь этаго Свѣтлохристова воскресенья.

Въ этотъ самый день вечеромъ Нехлюдовъ, выжидая ее, слышавъ шаги Катюши, вышелъ въ коридоръ и встрѣтилъ ее. Она засмѣялась и хотѣла пройти, но онъ,⁹⁷ помня то, какъ въ этихъ случаяхъ поступаютъ вообще всѣ люди, обнялъ Катюшу и хотѣлъ поцѣловать ее.

– Не надо, Дмитрій Ивановичъ, не надо, – проговорила она, покраснѣвъ до слезъ, и своей рукой отвела обнимавшую ее руку.

Нехлюдовъ пустилъ ее, и ему стало неловко и стыдно.

Но онъ былъ теперь въ такомъ настроеніи, что онъ не понялъ, что эта неловкость и стыдъ были самыя добрыя чувства его души, просившіяся наружу, а, напротивъ, постарался пода-

---

⁹⁷ Зачеркнуто: обнялъ ее и протянулъ къ ней губы. Она, не дожидаясь его, сама поцѣловала его и убѣжала.

вить эту неловкость и стыдъ, а дѣлать, какъ всѣ дѣлають.⁹⁸ Онъ догналъ ее, еще разъ обнялъ и поцѣловалъ въ шею.

– Чтожъ это вы дѣлаете? – плачущимъ голосомъ вскрикнула она и побѣжала отъ него рысью.

Приѣхавшіе къ тетушкамъ въ этотъ день гости остались ночевать, и ихъ надо было помѣстить въ комнату, занятую Нехлюдовымъ, а Нехлюдова перевести въ другую.

Катюша пошла убирать эту комнату. И только что Нехлюдовъ увидалъ, что она одна, онъ, тихо ступая и сдерживая дыханіе, какъ будто собираясь на преступленіе, вошелъ⁹⁹ за ней. Она оглянулась на него и улыбнулась прелестной, жалостной улыбкой. Улыбка эта поразила его. Тутъ еще была возможность борьбы. Хоть слабо, но еще слышенъ былъ голосъ, который говорилъ, что это не хорошо, что этого не надо совсѣмъ. Другой же человѣкъ говорилъ: напротивъ, это то и надо. И онъ сталъ прижимать ее къ себѣ. И новое, страшно сильное чувство овладѣло имъ, и низшій, самый низкій человѣкъ въ немъ не только поднялъ голову, но одинъ воцарился въ его душѣ и дѣлалъ что хотѣлъ. И низкій человѣкъ этотъ хотѣлъ дурного. Не выпуская ее изъ своихъ объятій, Нехлюдовъ посадилъ ее на свою постель, чувствуя, что что-то еще надо дѣлать, и не рѣшаясь. Но нерѣшительность его была прервана. Кто то подходилъ къ двери; Нехлюдовъ выпустилъ ее изъ рукъ и проговорилъ:

– Я приду къ тебѣ ночью. Ты вѣдь одна?

– Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, ни за что, ни за что, – проговорила она, отходя отъ него; но говорила она только устами; все взволнованное, смущенное, потерянное существо ея говорило другое.

Подошедшая къ двери была Матрена Павловна. Она вошла въ комнату и, взглянувъ укорительно на Нехлюдова и сердито на Катюшу, насупилась и выслала Катюшу. Нехлюдовъ видѣлъ по выраженію лица Матрены Павловны, что онъ дѣлаетъ нехорошо, да онъ и такъ зналъ это; но новое низкое, животное чувство къ ней, выпроставшееся изъ за прежняго чувства любви къ ней же, овладѣло имъ и царило одно, ничего другого не признавая. Онъ зналъ, что надо дѣлать для удовлетворенія этого чувства и не считалъ дурнымъ то, что надо было дѣлать, и покорился этому чувству. Весь вечеръ онъ былъ не свой. Онъ чувствовалъ, что совершаетъ что то важное и что онъ уже не властенъ надъ собой. Онъ цѣлый день и вечеръ опять искалъ случая встрѣтить ее одну; но, очевидно, и она сама избѣгала его, и Матрена Павловна старалась не выпускать ее изъ вида. Весь вечеръ онъ не видѣлъ ее. Да и самъ долженъ былъ сидѣть съ гостями. Но вотъ наступила ночь, гости разошлись спать. Нехлюдовъ зналъ, что Матрена Павловна теперь въ спальнѣ у тетокъ, и Катюша въ дѣвичьей одна. Онъ вышелъ на дворъ. На дворѣ было темно, сыро, тепло, и бѣлый туманъ, какъ облако, наполнялъ весь воздухъ. Шагая черезъ лужи по оледенѣвшему снѣгу, Нехлюдовъ обѣжалъ къ окну дѣвичьей. Сердце его колотилось въ груди, какъ послѣ страшнаго дѣла, дыханіе то останавливалось, то вырывалось тяжелыми вздохами. Катюша сидѣла у стола и смотрѣла передъ собой въ задумчивости, не шевелясь. Нехлюдовъ, тоже не шевелясь, смотрѣлъ на нее, желая узнать, что она думаетъ и чувствуетъ и что будетъ дѣлать, полагая, что никто не видитъ ее. Она довольно долго сидѣла неподвижно; потомъ вдругъ подняла глаза, улыбнулась и покачала какъ бы на самое себя укоризненно головой. – Онъ стоялъ и смотрѣлъ на нее и невольно слушалъ вмѣстѣ и стукъ своего сердца и странные звуки, которые доносились съ рѣки, текшей въ 100 шагахъ передъ домомъ. Тамъ, на

---

⁹⁸ *Зач.*: Но несмотря на эти дурныя намѣренія, первые два дня, тѣмъ болѣе что это были страстныя пятница и суббота и тетушки говѣли, а въ домѣ была суета и приготовленія къ празднику, – Нехлюдовъ не встрѣчался болѣе наединѣ съ Катюшей и не возобновлялъ попытокъ грубой ласки.

⁹⁹ *Зачеркнуто*: въ комнату, когда она была одна въ ней. Они улыбнулись другъ другу. Онъ подошелъ къ ней. И тутъ онъ почувствовалъ, что въ душѣ его происходитъ борьба. Одинъ человѣкъ говоритъ въ ней, что надо сказать ей что то, надо сдѣлать ей доброе, чѣмъ нибудь порадовать ее, чтобы она все такъ улыбалась радуясь, была бы счастлива, другой же человѣкъ говорилъ, что надо дѣлать то, что всѣ дѣлають въ подобныхъ случаяхъ, надо обнять ее. И онъ обнялъ ее. Первый человѣкъ видѣлъ,

рѣкъ, въ туманѣ, шла неустанная тихая работа: ломало ледъ, и то сопѣло что то, то трещало, то осыпалось, то звѣнѣли падающія тонкія льдины.

Онъ стоялъ, глядя на ея задумчивое, мучимое внутренней работой лицо, и странное чувство жалости вдругъ просіяло въ его душѣ. Но онъ не обрадовался этому чувству жалости, но, напротивъ, испугался его. И чтобы скорѣе заглушить эту жалость другимъ чувствомъ вожделѣнія къ ней, онъ стукнулъ ей въ окно. Она вздрогнула, какъ будто подпрыгнула, и ужасъ изобразился на ея лицѣ. Она придвинула свое лицо къ стеклу – выраженіе ужаса было на немъ и не оставило ея лица и тогда, когда она узнала его. Она улыбнулась, только когда онъ улыбнулся ей, улыбнулась, только какъ бы покоряясь ему. Онъ дѣлалъ ей знаки руками, вызывая ее на дворъ къ себѣ. Она помахала головой, что нѣтъ, не выйдетъ. Онъ приблизилъ лицо къ стеклу и хотѣлъ крикнуть ей, чтобы она вышла, но въ это время въ дѣвичью вошла Матрена Павловна, и Нехлюдовъ отошелъ отъ окна.

Долго онъ ходилъ въ туманѣ, слушая странное сопѣніе, шуршаніе, трескъ и звонъ льда на рѣкъ, и колебался уйти или опять подойти. Онъ подошелъ. Она сидѣла одна у стола и думала. Только что онъ подошелъ къ окну, она взглянула въ него. Онъ стукнулъ. И не разсматривая, кто стукнулъ, она тотчасъ же выбѣжала къ нему. Онъ ждалъ ее уже у сѣней и обнялъ ее, и опять поцѣлуи, и опять сознательное съ его стороны разжиганіе страсти, поглощавшее, затаптывающее прежнее чистое чувство.

Они стояли за угломъ сѣней на стаявшемъ мѣстѣ, и онъ мучительно томился неудовлетвореннымъ желаніемъ и все больше и больше заражалъ ее. Матрена Павловна вышла на крыльцо и кликнула Катюшу. Она вырвалась отъ него и вернулась въ сѣни.

Въ эту же ночь онъ подкрался къ ея двери, рядомъ съ комнатой Марьи Ивановны. Онъ слышалъ, какъ Марія Ивановна молилась Богу, и, стараясь ступать такъ, чтобы не скрипѣли половицы, подошелъ къ ея двери и зашепталъ. Она не спала, вскочила, стала уговаривать его уйти.

– На что похоже? Ну, можно ли, услышать тетенька, – говорили ея уста, а взглядъ, который онъ видѣлъ въ пріотворенную дверь, говорилъ: «милый, милый, ты знаешь вѣдь, я вся твоя». И это только понималъ Нехлюдовъ и просилъ отворить. Она отворила. Онъ зналъ, несомнѣнно зналъ, что онъ дѣлаетъ дурно, но онъ зналъ тоже, что именно такъ всѣ дѣлаютъ и такъ надо дѣлать.

Онъ схватилъ ее, какъ она была, въ чистой, но жесткой суровой рубашкѣ, съ обнаженными руками, поднялъ и понесъ. Она почувствовала прикосновеніе какъ бы каменныхъ, напряженныхъ мускуловъ поднимающихъ ее рукъ и почувствовала, что она не въ силахъ бороться.

– Ахъ, не надо, пустите, – говорила она и сама прижималась къ нему...¹⁰⁰

<8>6.

Такъ случилось это страшное дѣло. Но вѣдь, собственно, не случилось ничего ужаснаго, случилось самое обыкновенное дѣло, то соединеніе мушины и женщины, отъ котораго произошли всѣ мы и отъ котораго продолжается родъ человѣческой. Ужасно было то отношеніе къ этому дѣлу, которое было тогда въ душѣ Нехлюдова. На другой день послѣ этой памятной ночи Нехлюдовъ уѣхалъ. Онъ не могъ больше откладывать. Былъ срокъ его явки въ полкъ и, кромѣ того, по прежде сдѣланному уговору, товарищъ его гр. Шенбокъ заѣхалъ за нимъ къ тетушкамъ, и они вмѣстѣ уѣхали на 3-й день Пасхи. Онъ уѣхалъ, соблазнивъ полюбившую его невинную дѣвушку, и не то что не считалъ тогда своего поступка дурнымъ или безчестнымъ, а просто не думалъ о немъ, совсѣмъ не думалъ о немъ. Онъ не думалъ о своемъ поступкѣ потому,

¹⁰⁰ *Зачеркнуто:* На третій день пасхи Красовскій, офицеръ, товарищъ, пріѣхалъ, и на другой день они вмѣстѣ уѣхали.

что онъ теперь находился въ томъ полу-помѣшательствѣ эгоизма, въ которомъ люди думаютъ только о себѣ и совсѣмъ не о томъ, что испытываютъ другіе.

Онъ вспоминалъ теперь тѣ мысли и чувства, которыя были въ немъ тогда, въ этотъ послѣдній день, проведенный у тетокъ, въ особенности въ тотъ вечеръ, когда они съ товарищемъ на другой день въ страшную погоду, подъ дождемъ и снѣгомъ, завернувшись опять послѣ теплыхъ дней, ѣхали въ тетушкиномъ тарантасѣ по лужамъ тѣ 19 верстъ, которыя были до станціи желѣзной дороги.¹⁰¹ Ему особенно памятни были эти мысли, когда они молча, закрытые фартукомъ, по которому хлесталъ дождь, ѣхали до станціи. Были мысли у него о томъ, какъ хорошо то, что тетушки провожали его на войну, точно также, какъ когда-то провожали его отца, и какимъ молодцомъ онъ представляется имъ. Были мысли о томъ, какъ Шёнбокъ догадывается объ его отношеніяхъ съ Катюшей.

– То-то ты такъ вдругъ полюбилъ тетушекъ, – сказалъ онъ, увидавъ Катюшу, – что недѣлю живешь у нихъ. Это и я на твоёмъ мѣстѣ и не уѣхалъ бы. Прелесть.¹⁰²

«Очевидно, онъ завидуетъ мнѣ и тоже считаетъ меня молодцомъ», думалъ Нехлюдовъ. И это были пріятныя мысли. Были мысли и воспоминанія о томъ, какъ любила его Катюша, и это радовало его. Раскаянія же о томъ, что онъ сдѣлалъ, не было никакого. Только непріятно было вспоминать самыя послѣднія непоэтическія отношенія; больше вспоминалась Катюша въ церкви и при восходящей зарѣ и ея покорность, милая преданность. Были мысли о томъ, какъ онъ пріѣдетъ въ полкъ, какъ оцѣнить его подвигъ – идти въ его положеніи солдатомъ въ армію, какъ его полюбятъ, какъ будутъ удивляться ему, какъ онъ будетъ красивъ въ мундирѣ, синіе узкіе рейтузы. Были мысли о томъ что ему будетъ пріятно, главное о томъ, что польститъ его тщеславію, но мысли о томъ, что будетъ съ другими, не было совсѣмъ. Были мысли о томъ, какъ онъ отличится на войнѣ, получить кресты и чины и какъ потомъ съ этими чинами и крестами вернется къ своимъ друзьямъ и, чтобы показать, какъ онъ мало цѣнитъ все это, выйдетъ въ отставку.

Были мысли о Катюшѣ, воспоминанія тѣхъ минутъ радости, когда она, покоряясь его взгляду, выбѣжала къ нему на крыльцо, или когда она робко и преданно смотрѣла на него, или когда разъ, въ минуту ласокъ, обхватила его лицо руками и, глядя ему въ глаза, сказала: «Ничего для тебя не жалѣю. Люблю, и все тутъ».

Все это казалось ему очень хорошо. Непріятно было только вспоминать самыя послѣднія непоэтическія отношенія и больше всего та минута, когда онъ послѣ обѣда въ день отъѣзда, выждавъ ее въ сѣняхъ, простился съ ней и сунулъ ей за платье конвертъ съ деньгами. Тутъ было что то ужасно непріятное. Она покраснѣвъ хотѣла вынуть назадъ этотъ конвертъ, но онъ тоже сконфузился, остановилъ ее и, пробормотавъ что то въ родѣ: «нѣтъ, возьми», убѣжалъ отъ нее.

Всѣ эти мысли и воспоминанія бродили въ головѣ. Но раскаянія о томъ, что онъ сдѣлалъ, не было никакого, не было потому, что онъ не думалъ совсѣмъ о другихъ, а думалъ только о

¹⁰¹ *Зач.*: Погода была одна изъ тѣхъ апрѣльскихъ, когда все стояло и стало подсыхать, но завернули опять холода. Думалъ онъ смутно о томъ, какъ онъ рѣшилъ самъ съ собой давно уже, что онъ женится на той женщинѣ, которая отдастся ему, кто бы ни была эта женщина, и о томъ, какъ мила была Катюша и какою она могла бы быть прекрасной женой: кроткая, любящая, дѣятельная, умная. Вспоминалъ онъ, какъ онъ въ первую же ночь сказалъ ей, что онъ женится на ней, и какъ она сказала: «Не говорите, не говорите пустое, не тревожьте мое сердце. Вы знаете, что этого нельзя. Да я и не хочу. И не пошла бы за тебя», – сказала она, въ первый разъ сказавъ *ты*, и улыбнулась, любовно глядя на него. Вспоминалъ онъ, какъ тетушки говорили ему объ его будущей женитьбѣ, о его матери, что бы было съ ней, если бы онъ сказалъ, что женится на Катюшѣ. Потомъ вспоминалъ онъ, какъ Красовскій, увидавъ Катюшу, любовался ей и шутя сказалъ:

¹⁰² *Зачеркнуто*: И эти слова успокаивали Нехлюдова. «Такъ надо, видно, такъ дѣлаютъ, такъ естественно. Если я думалъ о томъ, чтобы жениться на той дѣвушкѣ, которая полюбитъ меня, то это я сдѣлаю послѣ. А теперь это такъ, случайность, особенная. Да и невозможно, да и исключительнаго ничего нѣтъ. Одно – надо ей оставить денегъ. Такъ всѣ дѣлаютъ». И странное дѣло, тотъ чистый, нравственный человѣкъ, который былъ въ немъ, продолжалъ быть подъ властью того жизнерадостнаго, эгоистичнаго человѣка, который завладѣлъ имъ. И теперь съ нимъ случилось то, что всегда случалось, когда возникала борьба между двумя существами, жившими въ немъ: дурной человѣкъ поборалъ добраго, случилось то, что злой человѣкъ находилъ себѣ опору и оправданіе въ томъ, что *всѣ* дѣлали такъ, какъ онъ дѣлалъ. Эту опору онъ нашелъ и теперь.

себѣ. Тотъ прежній человѣкъ, который два года тому назадъ жилъ въ этомъ же тетушкиномъ домѣ и читалъ Тургенева съ Катюшей и краснѣлъ и путался въ словахъ морщившимися губами, не только отсутствовалъ, но былъ совершенно заслоненъ и забытъ. Все, что думалъ тотъ человѣкъ объ отношеніяхъ мужчины и женщины, о бракѣ, было совершенно неизвѣстно теперешнему человѣку.

Теперь властвовавшій въ немъ человѣкъ не то что побѣдилъ какими нибудь своими аргументами того человѣка, — онъ не могъ бы побѣдить, онъ это зналъ. Но онъ просто не зналъ всего того, что думалъ и чувствовалъ тотъ прежній человѣкъ. Тотъ былъ одинъ, а теперь другой. Въ теперешнемъ человѣкѣ было главное — чувство радости о томъ, что его всѣ любятъ, и желанія быть любимымъ и слѣпаго до послѣдней степени расцвѣтшаго эгоизма избалованной богатствомъ и роскошной жизнью молодости, не знавшаго никакихъ стѣсненій и преградъ. Не было этому эгоизму преградъ внѣшнихъ: общественное положеніе и богатство уничтожали большинство преградъ, и не было преградъ совѣсти — внутреннихъ, потому что совѣсть въ этомъ его состояніи замѣнялась общественнымъ мнѣніемъ людей его среды. Въ этомъ то и была прелесть такого отдаванія себя потоку, что, подчиняя себя общественному мнѣнію своей среды, получалась совершенная свобода. Стоило только отдаться своимъ страстямъ, и выходило то, что дѣлалъ то, что всѣ дѣлали, и получалось одобреніе всѣхъ, и получалась полная свобода для удовлетворенія своихъ страстей. Теперь о томъ своемъ отношеніи къ Катюшѣ онъ зналъ, что онъ поступилъ такъ, какъ всѣ поступаютъ, какъ поступилъ — онъ зналъ — его дядя, у котораго былъ незаконный сынъ отъ такой случайной интриги, какъ, завидуя, желалъ бы поступить Шёнбокъ, какъ поступаютъ сотни людей и въ дѣйствительной жизни и въ романахъ. Одно — надо оставить ей денегъ. И это онъ сдѣлалъ, положивъ ей, прощаясь съ ней, конвертъ съ сторублевой бумажкой за открытый лифъ ея платья. Онъ поступилъ какъ надо, какъ всѣ поступаютъ. О томъ же, что съ нею будетъ, онъ совершенно не думалъ. Онъ думалъ только о себѣ. Въ такихъ мысляхъ и чувствахъ онъ ѣхалъ съ Шёнбокомъ до станціи. Въ немъ не было и тѣни раскаянія, жалости или предвидѣнья того, что могло быть съ нею. И такъ это продолжалось и послѣ. Только одинъ разъ послѣ онъ почувствовалъ раскаяніе, и чувство это было такъ сильно и мучительно, что потомъ онъ инстинктивно отгонялъ отъ себя воспоминанія объ этомъ.

И онъ, тотъ Нехлюдовъ, который былъ такъ требователенъ къ себѣ въ иныя минуты, погубивъ человѣка, любившаго его, за эту самую любовь погубивши его, былъ спокоенъ и веселъ. Только разъ, отойдя отъ играющихъ, онъ вышелъ въ коридоръ вагона и посмотрѣлъ въ окно. Въ вагонѣ свѣтло, весело, блеститъ все, а тамъ, наружу, темно, и хлещетъ въ окна дождь съ гололедкой и течетъ по стекламъ, и тамъ пустыня, низкіе кусты и пятна снѣга. И почему то вдругъ ему представилось, что тутъ, въ этой пустынѣ, среди кустовъ и снѣга, она, Катя, бѣжитъ за вагонами, ломая руки и проклиная его за то, что онъ погубилъ и бросилъ ее. Онъ помнилъ, что эта мысль, мечта скользнула въ его головѣ, но тотчасъ же онъ отогналъ ее, тѣмъ болѣе, что изъ вагона Шёнбокъ кричалъ ему: «Что же, Нехлюдовъ, держишь или выходишь?» — «Держу, держу», отвѣтилъ Нехлюдовъ и вернулся въ свѣтъ вагона и забылъ то, что ему представилось. Теперь только, на судѣ, онъ вспомнилъ это. Такою, вотъ именно такою, какою она теперь въ этомъ халатѣ, онъ тогда видѣлъ ее въ своемъ воображеніи. Съ тѣхъ поръ Нехлюдовъ не видалъ Катюшу.

Только одинъ разъ, когда послѣ войны онъ заѣхалъ къ тетушкамъ и узналъ, что Катюши уже не было у нихъ, что она отошла отъ нихъ, чтобы родить, что гдѣ то родила и, какъ слышали тетки, совсѣмъ испортилась, у него защемило сердце. Нехлюдову сдѣлалось ужасно больно и стыдно. Сначала онъ хотѣлъ разыскать и ее и ребенка, но потомъ, именно потому, что ему было слишкомъ больно и стыдно думать объ этомъ, онъ не сдѣлавъ никакихъ усилій для этого разысканія, не столько забылъ про свой грѣхъ, сколько пересталъ думать о немъ. Въ глубинѣ, въ самой глубинѣ души онъ зналъ, что поступилъ такъ скверно, подло, жестоко, что ему съ

сознаниѣмъ этого поступка нельзя не только самому осуждать кого нибудь, но смотрѣть въ глаза людямъ. Такъ выходило по тѣмъ требованіямъ, которыя были въ немъ.

Но существовало другое судилище, судилище свѣта, людей его среды, по мнѣнію которыхъ, онъ зналъ, что поступокъ его считается не только простительнымъ, но иногда даже чуть не хорошимъ, о которомъ можно не только шутить, какъ шутил Шёнбокъ, но которымъ можно хвастаться. И потому надо было не обращаться къ совѣсти, а къ судилищу свѣта. И онъ такъ и дѣлалъ. И это все дальше и дальше отводило его отъ жизни по совѣсти, не только въ этомъ, но и въ другихъ отношеніяхъ. Разъ отступивъ отъ требованій совѣсти въ этомъ дѣлѣ, онъ уже не обращался къ своей совѣсти и въ другихъ дѣлахъ и все дальше и дальше отступалъ отъ нея. Одинъ дурной поступокъ этотъ, особенно потому, что онъ не призналъ его дурнымъ, т. е. такимъ дурнымъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности, все дальше и дальше отводилъ его отъ доброй жизни. И едва ли вся та пустая, не нужная никому жизнь, которую онъ велъ въ эти 14 лѣтъ, не имѣла своей причиной эту вину, на которую онъ выучился закрывать глаза. Его, какъ винтомъ, завинчивало все ниже и ниже въ пошлую, непризнаваемую развращенность его среды. Сдѣлавъ дурной поступокъ, онъ удалялся отъ требованій своей совѣсти. Удаляясь отъ требованій своей совѣсти, онъ чаще и чаще дѣлалъ дурные поступки, которые все больше и больше удаляли его отъ требованій своей совѣсти, дѣлали его безсовѣстнымъ.

И вотъ когда Богъ привелъ его встрѣтиться съ ней. Онъ судилъ ее.

<Да, это была она. Она – это милое, кроткое, главное, любящее, нѣжно любившее его существо.> Онъ не могъ свести съ нея глазъ и то видѣлъ ее такою, какой она была, когда бѣгала въ горѣлки, или такою, когда она разсуждала съ нимъ про «Затишье» Тургенева и вся волнами вспыхивала, говоря, что ей больше и дѣлать нечего было, какъ утопиться, и, главное, такою, какою она была въ церкви въ Свѣтлохристово воскресенье, въ бѣломъ платьицѣ съ бантикомъ въ черныхъ волосахъ, то видѣлъ ее такою, какою она была описана въ обвинительномъ актѣ – Любкой, требующей отъ купца впередъ деньги, допивающей коньякъ и пьяной, то такою, какою она теперь была передъ нимъ: въ широкомъ не по росту халатѣ, съ измученнымъ болѣзненно желтовато-блѣднымъ лицомъ, съ тупымъ, похмѣльнымъ выраженіемъ, хриплымъ голосомъ и выбитымъ зубомъ.

«Это не она, не то милое, простое и, главное, любящее существо, которое я зналъ въ свой первый пріѣздъ у тетусекъ», говорилъ онъ себѣ.

Но кто же была та, которая сидѣла теперь передъ нимъ?

Вѣдь это была настоящая, живая женщина и, хотя ее прозывали Любкой, это была она, та самая Катюша. И мало того что это была она; эта женщина, такою, какою она была, была вся его произведеніе. Не было бы той ужасной ночи Свѣтлохристова воскресенья, не было бы этой женщины въ арестантскомъ халатѣ, не было бы въ ея прошедшемъ этихъ пьяныхъ купцовъ и всего того ужаса, слѣды котораго такъ явно лежали на ней. Въ душѣ его шла страшная, мучительная работа. Вся жестокость, подлость, низость его поступка сразу открылась передъ нимъ, и та странная завѣса, которая какимъ то чудомъ все это время, всѣ эти 14 лѣтъ, скрывала отъ него его преступность, была уничтожена на вѣкъ. И онъ удивлялся теперь, какъ могъ онъ устроить себѣ эту завѣсу и прятаться за нее. Всѣ такъ дѣлали, всѣ. Но хоть бы всѣ ангелы такъ дѣлали, погибель была погибель, и причиной ея былъ онъ, и онъ не могъ не видѣть своего грѣха. На минутку ему пришла въ голову мысль о стыдѣ передъ людьми, если всѣ узнаютъ его грѣхъ, но эта мысль только мелькнула въ его умѣ. «Пускай узнаютъ, – подумалъ онъ, – тѣмъ лучше. Не передъ людьми мнѣ стыдно и больно, а передъ собой и передъ Богомъ, тѣмъ собой и тѣмъ Богомъ, которыхъ я зналъ прежде и которые забылъ и потерялъ».¹⁰³ И вдругъ ему ясно

¹⁰³ *Зачеркнуто:* Но теперь онъ опять нашелъ ихъ. Сознаніе своего грѣха, то, что онъ пересталъ скрывать его отъ себя, сразу возвратило его къ сознанію того, кто онъ и какова должна быть его жизнь. Онъ видѣлъ теперь всю свою мерзость, но видѣлъ и то божеское, что было въ немъ, и не только видѣлъ, но чувствовалъ, что теперь онъ будетъ жить по этому божескому. Онъ чувствовалъ себя теперь вновь такимъ, какимъ онъ былъ тогда, въ первый свой пріѣздъ къ теткамъ, но съ той разницей,

представилась вся мерзость его жизни: бросить, погубить ту женщину, которая его любила и которую онъ любилъ, у которой былъ отъ него ребенокъ, и собираться жениться на другой, забывъ все это, и роскошно жить деньгами, получаемыми съ рабовъ за землю, и знать весь грѣхъ землевладѣнія и притворяться еще либеральнымъ и честнымъ.

И странное дѣло, какъ тогда, въ его первый прїѣздъ къ теткамъ, его стремленіе къ чистой брачной жизни связывалось съ планами служенія людямъ, уничтоженіемъ рабства и отреченіемъ отъ него, такъ и теперь мысль о своихъ обязанностяхъ къ этой несчастной Катюшѣ связывалась съ мыслью объ исполненіи давно задуманнаго и сознанныго плана. И мысль женитьбы на Алинѣ показалась ему теперь одинаково преступной, какъ и вся жизнь его, поддерживаемая грабежомъ съ рабочихъ, пользовавшихся его землею. «Какъ мнѣ жениться, когда я женатъ, и вотъ она, моя жена. И какъ мнѣ быть полезнымъ людямъ, служить, когда я одинъ изъ самыхъ вредныхъ людей: землевладѣлецъ. Какъ нарочно поспѣло письмо арендатора», подумалъ онъ.

Въ душѣ его шла страшная, мучительная работа, судъ же продолжался своимъ обычнымъ безстрастнымъ порядкомъ. И судъ этотъ съ своей формальностью вдругъ представился ему чѣмъ то ужаснымъ, какимъ то страннымъ издѣвательствомъ надъ всѣмъ тѣмъ, что есть разумнаго и святаго въ человѣкѣ. Онъ – грабитель, воръ, развратникъ и соблазнитель, сидитъ и судитъ и слушаетъ показанія, вопросы, разсматриваетъ вещественныя доказательства. И этотъ танцоръ предсѣдатель, у котораго, вѣрно, на совѣсти не одинъ такой поступокъ, и всѣ они, всѣ мы судимъ тѣхъ, которыхъ сами же погубили.

Нехлюдовъ хотѣлъ встать и уйти, но не достало силы нарушить эту установленную торжественность, не достало силы обмануть ожиданія всѣхъ.

И Алина¹⁰⁴ Кармалина съ своимъ изяществомъ и съ своей сдержанной лаской – какъ она далеко теперь отошла отъ него, <не потому, чтобы Катюша была лучше ея, но потому, что то, что связано было съ вопросомъ о Катюшѣ, объ отношеніи Нехлюдова къ ней, было до такой степени важно и значительно, что всѣ Алины въ мірѣ исчезали передъ этимъ.

Нехлюдовъ вдругъ увидалъ все то, что онъ долженъ былъ сдѣлать, и то, что онъ сдѣлалъ, вернувшись къ тому чудесному, святому состоянію душевному, въ которомъ онъ былъ 14 лѣтъ тому назадъ, не тогда, когда онъ погубилъ ее, а тогда, когда онъ платонически любилъ ее.

И, Боже мой, какимъ порочнымъ, преступнымъ и, главное, дряннымъ онъ видѣлъ себя теперь.>

Онъ не зналъ еще, что онъ будетъ дѣлать, но зналъ теперь, что онъ будетъ жить не по инерціи, не подъ внѣшними вліяніями, но самъ собою, изъ себя. По отношенію ее, Катюши, онъ не зналъ еще, что онъ сдѣлаетъ, но онъ зналъ, что ему надо одинъ на одинъ увидеть ее. «Пойти сейчасъ сказать председателю? Но нѣтъ, если узнаютъ мои отношенія къ подсудимой, меня отведутъ. А надо помочь ей. Помочь ей, – повторилъ онъ себѣ. – Погубить совсѣмъ и потомъ помочь тѣмъ, чтобы ей идти не въ дальнюю, а ближнюю Сибирь».

что тогда онъ радовался мыслью о томъ, какъ онъ устроить свою жизнь, теперь же онъ страдалъ сознаниемъ того, что онъ погубилъ большую, лучшую часть своей жизни, но какъ тогда, такъ и теперь онъ чувствовалъ рѣшительность, бодрость.

¹⁰⁴ *Зачеркнуто:* Тихоцкая съ своей щепетильностью, внѣшнимъ благородствомъ, съ ея неискреннимъ согласіемъ на тѣ измѣненія жизни, которыя онъ указывалъ ей, живо представилась ему. И онъ ставилъ ихъ рядомъ, и никакого сомнѣнія не могло быть для него, совершенно независимо отъ его чувства, на чей сторонѣ было огромное преимущество. Тутъ все было настоящее, тамъ все искусственное. «Да, важно то, что я сдѣлалъ, но не она. Ея ужъ нѣтъ, – говорилъ онъ себѣ и тотчасъ же поправилъ» себя: – нѣтъ, напротивъ, она, такая, какая она есть, со всѣмъ тѣмъ, черезъ что она прошла, – она вся мое произведеніе. Сотни, тысячи такихъ купцовъ. И кто же больше оскверненъ, она ли послѣ этихъ тысячъ, или я, ввергнувшій ее въ это положеніе? Разумѣется, я». Онъ сидѣлъ, слушалъ, слушалъ присягу свидѣтелей, показанія ихъ, глупые, ненужные съ тонкимъ видомъ вопросы сторонъ: въ которомъ часу? сколько аршинъ въ диванѣ, и т. п. Хотѣлось ему вскочить и обличить ихъ всѣхъ, но кто же будетъ обличать? Самъ больше всѣхъ виноватый. Но все таки онъ радовался, чувствуя, какъ соскочили съ него вдругъ всѣ тѣ путы, которые, паутинка за паутинкой, накладывали на него соблазны богатаго міра и его слабость. Онъ вдругъ понялъ, что онъ развратился, ослабъ, что вся эта предстоящая ему женитьба будетъ обманъ.

Дѣло тянулось долго.¹⁰⁵ Послѣ допроса свидѣтелей и переговоровъ ихъ съ подсудимыми, осмотра вещественныхъ доказательствъ председатель объявилъ слѣдствіе оконченнымъ, и прокуроръ началъ свою рѣчь. Онъ долго говорилъ непонятнымъ языкомъ, употребляя всѣ силы на то, чтобы ухудшить положеніе обвиняемыхъ, въ особенности Масловой. Онъ доказывалъ то, что Маслова, очевидно тогда же, когда пріѣзжала за деньгами, рѣшила ограбить купца и съ этой цѣлью поила его въ домѣ терпимости и съ этой цѣлью пріѣхала опять. Послѣ прокурора долго говорилъ[и] защитник[и]. Сначала говорилъ нанятый адвокатъ, оправдывая Евфимію, потомъ одинъ, назначенный судомъ, кандидатъ на судебныя должности, защищая Симона, и другой, недавно кончившій студентъ, защищавшій Маслову, громоздко, глупо доказывалъ, что она не имѣла намѣренія отравить и перстень взяла въ пьяномъ состояніи.¹⁰⁶

Прокуроръ не оставилъ рѣчи адвокатовъ безъ отвѣта и опровергъ ихъ доводы: это были злодѣи, опасные для общества, въ особенности Маслова. Потомъ предложено было подсудимымъ оправдываться. Евфимія долго говорила. Симонъ сказалъ: «безвинный, напрасно». Катерина хотѣла что то сказать, но не выговорила и заплакала. Когда Катюша заплакала, Нехлюдовъ не могъ и самъ удержаться и такъ громко сталъ сдерживать рыданія, что сосѣди оглянулись на него.

Послѣ этаго и еще нѣкоторыхъ формальностей утвержденія вопросовъ Председатель сказалъ свое резюме. Онъ объяснилъ, въ чемъ обвиняются, что есть грабежъ, что есть убійство и т. п., потомъ сказалъ о правѣ присяжныхъ и значеніи ихъ приговора. Все было прекрасно, но не было именно того, что хотѣли представить судьи, не было ни справедливости, ни здраваго смысла. Не было справедливости потому, что если были кто виноваты въ этомъ дѣлѣ, то были виноваты прежде всего тѣ Розановы, которые держали такіе дома, тѣ купцы, которые ѣздили въ нихъ, тѣ чиновники, то правительство, которое признавало и регулировало ихъ, и, главное, тѣ люди, которые, какъ Нехлюдовъ, приготавливали товаръ въ эти дома. Но никого изъ этихъ виновныхъ не судили, даже не обвиняли, а обвиняли тѣхъ несчастныхъ, которые приведены почти насильно въ такое положеніе, въ которомъ они дѣйствительно невмѣняемы.

Здраваго же смысла не было потому, что цѣль всего этаго суда состояла не въ томъ, чтобы сдѣлать повтореніе такихъ ужасовъ невозможнымъ, не въ томъ, чтобы спасти будущихъ Катюшъ отъ гибели, помочь этимъ опомниться и выбраться изъ той грязи, въ которую она попала, а только въ томъ, чтобы по случаю этихъ Катюшъ получать жалованье, добиваться мѣста, блистать краснорѣчіемъ и ловкостью.

Послѣ несносно длинной болтовни, въ которой председатель говорилъ съ одной стороны и съ другой стороны, но слова которой не имѣли никакого значенія, онъ вручилъ присяжнымъ листъ вопросовъ, и они встали и пошли въ совѣщательную комнату.¹⁰⁷

¹⁰⁵ *Зачеркнуто:* Сначала допрошены были свидѣтели, потомъ подсудимые. Допросъ Масловой былъ ужасенъ; Нехлюдовъ не могъ вѣрить своимъ ушамъ, что это говоритъ та Катюша, которую онъ зналъ у тетокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ не вѣрить этому. Она рассказывала, какъ она, пріѣхавъ въ номеръ къ купцу, потребовала отъ него впередъ деньги, какъ онъ за это ударилъ ее, какъ она потомъ уѣхала, рѣшивъ, что онъ пьянъ, и допила коньякъ въ другомъ номерѣ; потомъ какъ она вернулась и побыла съ купцомъ, а потомъ увезла его къ себѣ; какъ онъ поручилъ его ключъ и какъ она взяла при коридорномъ только 40 р.; какъ потомъ вернулась съ Смѣльковымъ и какъ ей Симонъ далъ перстень, а затѣмъ она не помнитъ, потому что была пьяна. Потомъ говорилъ Симонъ, обвиняя Маслову, потомъ Евфимія, очевидно говорившая всю правду, потомъ началъ рѣчь прокуроръ, всѣ силы свои употреблявшій на то, чтобы ухудшить положеніе этихъ жалкихъ пойманныхъ существъ, долго болталъ адвокатъ.

¹⁰⁶ *Зач.*: Председатель потомъ говорилъ резюме: съ одной стороны и съ другой стороны, указалъ и на развращенность обвиняемыхъ. И всѣ говорили не то, что думалъ Нехлюдовъ. Никто не сказалъ, что виноватые тѣ, которые допускаютъ, регулируютъ развратъ, судятъ за двѣ сторублевья бумажки, а за то, что женщина погублена, не судятъ тѣхъ, которые погубили ее. Потомъ дано было слово подсудимымъ. Евфимія призналась въ томъ, что взяла деньги, но отрицала свое участіе въ отравленіи. Симонъ <утверждалъ, что не онъ. Фармацевтъ ничего не сказалъ.> во всемъ отпирался. Катюша ничего не сказала и только заплакала. – Во всемъ, во всемъ виновата – сказала она. – Коли не была бы виновата, не была бы тутъ, – сказала она и жалостно улыбнулась. Одного зуба не было.

¹⁰⁷ *Зачеркнуто:* Жандармъ выхватилъ саблю изъ ноженъ и сталъ у дверей. Во время перваго еще удаленія присяжныхъ Нехлюдова выбрали старшиной. Онъ стоялъ за оправданіе, но голоса раздѣлились, и отвѣты были невыгодны для подсудимыхъ. 1) Виновна ли Евфимія и т. д. – Да, виновна. 2) Виновенъ ли Симонъ и т. д. – Да, виновенъ. 3) Виновна ли Екатерина

Проходя въ комнату, Нехлюдовъ взглянулъ еще разъ на Катюшу. Ея умиленное настроеніе уже прошло, и на нее нашло, очевидно, опять то бѣсовское, какъ называлъ это для себя Нехлюдовъ, съ которымъ она рассказывала, какъ было дѣло. Она что то оживленно шептала и улыбалась.

Первое, что сдѣлали присяжные, войдя въ совѣщательную комнату, было то, что они достали папиросы и стали курить. И тотчасъ же начался оживленный разговоръ о бывшемъ дѣлѣ.

– Дѣвчонка не виновата, запутали ее, – сказалъ купецъ.

Полковникъ сталъ возражать. Нехлюдовъ вступился, доказывая, что она не могла взять деньги въ то время, какъ пріѣзжала одна съ ключемъ, а что ея пріѣздъ подаль мысль коридорнымъ, и они воспользовались этимъ, чтобы свалить все на нее. Нехлюдовъ и не думалъ о томъ, что онъ будетъ защищать Катюшу и какъ онъ будетъ защищать ее; онъ просто началъ разговоръ съ Полковникомъ, но кончилось тѣмъ, что онъ убѣдилъ всѣхъ, только одинъ прикащикъ возражалъ.

– Тоже мерзавки эти дѣвчонки, – говорилъ онъ и сталъ рассказывать, какъ одна украла на бульварѣ часы его товарища. Одинъ присяжный по этому случаю сталъ рассказывать про еще болѣе поразительный случай.

– Господа, сядемте и давайте по вопросамъ, – сказалъ старшина.

Всѣ сѣли, и старшина прочелъ вопросы: виновна ли Евфимія такъ то, въ томъ, что, и т. д. Евфимію признали виновной, но заслуживающей снисхожденія.

Виновенъ ли Симонъ и т. д. въ томъ, что, и т. д.

И Симона признали виновнымъ и въ томъ и въ другомъ.

– Виновна.¹⁰⁸

Присяжные позвонили. Жандармъ, стоявшій съ вынудой на голо саблей у двери, вложилъ саблю въ ножны и посторонился. Судьи вошли, сѣли, и одинъ за другимъ вышли присяжные. Полковникъ, съ важнымъ видомъ неся листъ, подошелъ къ Предсѣдателю и подаль его. Предсѣдатель прочелъ, посовѣщался. Отвѣты оказались правильными, и онъ подаль ихъ назадъ для чтенія. Старшина прочелъ. Предсѣдатель спросилъ прокурора, какимъ наказаніемъ онъ полагаетъ подвергнуть. Прокуроръ, взволнованный и, очевидно, огорченный тѣмъ, что ему не удалось погубить всѣхъ, справился гдѣ то, привсталъ и сказалъ:

– Симона полагаю подвергнуть наказанію на основаніи статьи 1805, Евфимію Бочкову – на основаніи ст. 117 и Екатерину Маслову – на основаніи ст. 1835, 2 примѣчанія. Судъ удался. Всѣ встали съ мѣстъ и ходили. Одни подсудимые все также сидѣли передъ солдатами съ оружіемъ. Нехлюдовъ прошелъ мимо подсудимыхъ довольно близко.

Она очень измѣнилась: были морщинки на вискахъ, рѣсницы (ея удивительная красота тогда) были меньше, но тѣже прелестные агатовые глаза съ своимъ таинственно притягательнымъ выраженіемъ. Она подняла ихъ, скользнула взглядомъ и по немъ и, не узнавъ его (очевидно, она такъ далека была отъ возможности этого), опять опустила ихъ. Да, понятно, что даже пьяный купецъ полюбилъ ее и повѣрилъ ей ключъ.

Довольно скоро вышелъ судъ. Всѣ встали и опять сѣли.

Предсѣдатель объявилъ приговоръ: Евфимія была приговорена къ каторжнымъ работамъ на два года, къ тому же Симонъ,¹⁰⁹ Екатерина Маслова – лишенію всѣхъ особыхъ правъ¹¹⁰ и къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь.

и т. д. – Да, виновна в томъ, что поднесла съ коньякомъ, но заслуживаетъ снисхожденія.4) Виновенъ ли фармацевтъ. – Да, виновенъ.

¹⁰⁸ Вопрос, очевидно, относился к Масловой, но начатая фраза не имеет в рукописи продолжения.

¹⁰⁹ Зачеркнуто: Фармацевтъ къ ссылкѣ въ Сибирь.

¹¹⁰ Зач.: заключенію въ тюрьму и потомъ

Из суда въ 5-мъ часу Нехлюдовъ пошелъ домой. Онъ шелъ машинально по знакомымъ улицамъ: дворцомъ,¹¹¹ Знаменкой, Арбатомъ домой, весь полный тѣми сложными впечатлѣніями, которыя онъ получилъ, и мыслями, которыя они вызвали. Онъ не столько думалъ, сколько вспоминалъ и сопоставлялъ воспоминанія: воспоминанія давнишнія, того времени, когда онъ впервые зазналъ Катюшу, и воспоминанія того, что было въ судѣ, воспоминанія того, какъ онъ смотрѣлъ на жизнь, на ея требованія отъ себя тогда, когда онъ¹¹² въ первый разъ былъ у тетокъ и потомъ, когда онъ во второй разъ пріѣхалъ туда по дорогѣ въ Турцію, и какъ онъ смотрѣлъ на нее теперь, недавно, до нынѣшняго дня, когда былъ на готовѣ женитьбы на Алинѣ Кармалиной.¹¹³

Все это сдѣлалось незамѣтно.¹¹⁴ Сначала военная служба съ сознаніемъ того, что поступленіе на службу во время войны есть что то не только хорошее, но благородное, возвышенное, потомъ выходъ въ отставку и занятіе въ деревнѣ въ земствѣ, и устройство школъ учебныхъ и ремесленныхъ, и больница, которую устроила мать. Все это казалось хорошимъ, благороднымъ. Потомъ болѣзнь матери, его уходъ за ней и роль нѣжнаго, преданнаго сына, все это было доброе, благородные поступки. Потомъ съ послѣдней зимы сближеніе съ Кармалиными. И это было все очень хорошее. Нехорошо было немножко то, что тѣ первые планы борьбы со зломъ землевладѣнія были забыты и оставлены и что, вмѣсто того чтобы освободить себя отъ землевладѣнія, какъ онъ хотѣлъ этого и рѣшилъ и зналъ, что должно сдѣлать, въ первые времена молодости, онъ владѣлъ теперь всѣмъ большимъ имѣніемъ матери и еще получилъ наслѣдство тетокъ.

Теперь только онъ видѣлъ, что все это были только ширмы, за которыми онъ скрывалъ себя, свою неправду, и что началось это съ того самаго времени, какъ онъ, совершивъ этотъ скверный поступокъ съ Катюшей, такъ ужаснулся его, что не только не сталъ поправлять, но сталъ думать, помнить о немъ и такъ съ тѣхъ поръ и пошелъ все подъ гору, все больше и больше сталъ лгать себѣ и обманывать себя. Теперь только вся эта ложь сразу соскочила съ него.

Проходя Арбатскими воротами, онъ вспомнилъ, что обѣщалъ обѣдать Кармалинымъ.

«Нѣтъ, не пойду, – подумалъ онъ, чувствуя такой полный разладъ между своимъ теперешнимъ настроеніемъ и настроеніемъ ихъ дома, что ему показалось невозможно сидѣть среди нихъ, слушать ихъ, говорить съ ними. – Нѣтъ, не пойду».

И онъ вернулся домой въ свою большую, роскошную квартиру, въ которой онъ жилъ съ матерью, въ которой онъ продолжалъ жить, оставивъ и лакея и повара. Теперь, войдя въ свою столовую съ рѣзнымъ дубовымъ шкапомъ и стульями и каминомъ и заглянувъ въ гостиную съ ея драпировками, роялемъ, цвѣтами и картинами, все это показалось ему чѣмъ то постыднымъ. Какъ могъ онъ такъ переимѣниться и дойти до этого. «Все, все не то. Все это переимѣнить надо, – говорилъ онъ себѣ, – все это обманъ, все это ширмы, скрывающія праздность, развращенность, жестокость. Ширмы, какъ эти выжженные Алиной, которыя я купилъ на базарѣ. Базаръ съ раз-

¹¹¹ Зачеркнуто: Волхонкой, Остоженкой

¹¹² Зач.: бросилъ военную службу и вернулся въ деревню, и воспоминанія нынѣшней зимы, какъ онъ сблизился съ семьей Алины и какъ понемногу

¹¹³ Зач.: Это было страшное пониженіе: все было забыто, всѣ планы служенія людямъ и самосовершенствованія. Потомъ былъ подъемъ послѣ войны, когда онъ бросилъ службу, а тутъ болѣзнь, смерть матери и невольное сближеніе съ Алиной и еще худшее пониженіе въ этой Капуѣ утонченности, въ которой онъ жилъ всю нынѣшнюю зиму. Сначала сочувствовали его горю, ему даже приписывали гораздо больше горя, чѣмъ онъ испытывалъ, и соболѣзновали ему, и ему нельзя было не быть признательнымъ за это соболѣзнованіе. Но кончилось все тѣмъ, что онъ, самъ не зная какъ, дошелъ до того положенія, въ которомъ онъ чувствовалъ себя уже чѣмъ то связаннымъ съ семействомъ Кармалиныхъ и уже вполне готовымъ на самую ту великосвѣтскую, роскошную, пошлую жизнь, которую онъ такъ осуждалъ и отъ которой надѣялся всегда быть далеко. Положеніе было таково, что если бы онъ теперь прекратилъ свои частыя посѣщенія и не сдѣлалъ бы предложенія, всѣ сказали бы и заинтересованные почувствовали бы, что онъ поступилъ нехорошо.

¹¹⁴ Разумѣется, его заманивали, но все это дѣлалось такъ тонко, умѣренно, благородно, самъ онъ такъ мало былъ способенъ думать, что заманиваютъ, что онъ, разумѣется, не думалъ этого. Вспоминая объ этомъ, онъ вспомнилъ и то, что его просили прямо изъ суда придти къ нимъ и у нихъ обѣдать.

ряженными дамами въ дорогахъ туалетахъ, продающихъ шампанское, цвѣты, вѣра для бѣдныхъ. Ложь, ложь, ложь! И я весь по уши въ ней». На столикѣ за ширмами¹¹⁵ была еще записочка отъ Алины. Въ записочкѣ было¹¹⁶ написано: «maman велитъ сказать Вамъ, чтобы Вы не вздумали гдѣ нибудь обѣдать, выходя изъ суда. Если Вы не освободитесь къ 6-ти, то все равно обѣдъ будетъ ждать Васъ хоть до ночи. Maman dit que c'est le moins de ce que puissent faire les bonnes citoyennes pour ceux, qui administrent la justice dans l'interêt de tous. Venez donc absolument à quelle heure que cela soit.¹¹⁷ А. С.»

Все это: эти французскія фразы, эти шуточки, не шуточки, а какія то игривости, въ которыхъ никогда нельзя было понять, гдѣ кончается иронія и начинается серьезное, все это, прежде даже нравившееся ему, показалось ему теперь не то чтобы противнымъ, а жалкимъ и грубымъ, какъ грубая декорация, когда смотришь на нихъ не со сцены, а изъ за кулисъ. «А, впрочемъ, лучше пойти, – сказалъ онъ себѣ, – вѣдь надо развязать всю эту ложь. Лучше оборвать теперь, чѣмъ все дальше и дальше запутываться самому и запутывать другихъ».

Было только 6 часовъ, такъ что онъ могъ застать ихъ обѣдъ. Онъ почистился, помылъ руки¹¹⁸ и подошелъ къ зеркалу и сталъ по привычкѣ чесать свои густые волосы и небольшую курчавую бороду. «Экая мерзкая, подлая рожа, главное, слабая, – говорилъ онъ, остановивъ руки со щетками и съ отвращеніемъ глядя на свое испуганное, пристыженное лицо. – Слабое и подлое. Да», сказалъ онъ себѣ рѣшеніе и, окончивъ прическу, отошелъ отъ зеркала.

До дома Кармалиныхъ на Покровкѣ было далеко, онъ взялъ перваго попавшагося извозчика и тотчасъ же, чтобы разсѣять свои мысли, вступилъ съ нимъ въ разговоръ.

– Здѣшной губерніи? – спросилъ онъ извозчика, какъ обыкновенно начиналъ свой разговоръ съ извозчикомъ.

– Здѣшной, Волоколамскаго уѣзда, – словоохотливо отвѣчалъ извозчикъ, молодой черноволосый малый въ чистомъ синемъ кафтанѣ.

– Чтожъ, давно живешь?

– Да ужъ 12 годъ.

– Какже? Ты молодой.

– Да я съизмальства въ этой каторжной должности.

– Зачѣмъ же ты живешь, коли каторжная?

– А то какже. Кормиться надо.

– Да развѣ кормятся здѣсь? Кормятся въ деревнѣ.

Извозчикъ оглянулся.

– Извѣстно, въ деревнѣ. И радъ бы кормился въ деревнѣ, да земли нѣтъ.

– Ну, да вы, Московскіе, уже привыкли къ городской жизни, я думаю, и пахать разучились.

– Нѣтъ, баринъ, мы охотники работать, было бы на чемъ. Дома дѣлать нечего. Дѣдъ одинъ обрабатываетъ.

– Чтоже своя земля?

– Своей почестъ ничего, – наемная. Да и то нанять негдѣ.

Извозчикъ, привыкшій разговаривать съ господами, заинтересовался разговоромъ и разсказалъ все положеніе своей семьи. Въ семьѣ было всѣхъ 9 душъ. Всѣхъ кормить надо, а хлѣба съ своей земли не хватаетъ до Рождества. Да подати надо отдать 26 рублей, да все съ копѣечки,

¹¹⁵ *Зачеркнуто*: было письмо, про которое сказалъ Провъ, встрѣчая его. Письмо было толстое, сѣрое, поддѣлка подъ грязную бумагу, но пахло какимъ то апопонаксомъ. <«Какова степень паденія, что я знаю, что есть на свѣтѣ апопонакъ».>

¹¹⁶ *Зач.*: красивымъ почеркомъ, не по французски, а по русски, но по русски въ томъ же смыслѣ, какъ бумага была сѣрая:

¹¹⁷ [Матушка говорит, что это самое меньшее, что могутъ сделать добрые гражданки для тех, кто отправляетъ дело правосудія въ общихъ интересахъ. Приходите же непременно, когда угодно. А. К.]

¹¹⁸ *Зачеркнуто*: захватилъ свѣжихъ папиросъ и, выйдя на улицу, взялъ перваго хорошаго извозчика и поѣхалъ на Поварскую. Действительно, <Ивины> Кармалины были еще

какъ онъ говорилъ. Выходило ясно, что положеніе извозчика было таково, что выходъ быть только одинъ: работа въ городѣ. Да и то надо было быть исключительно трудолюбивымъ и воздержнымъ, чтобы сводить концы съ концами. И всему этому была одна причина: недостатокъ земли, той земли, которая тутъ же рядомъ пустовала у помѣщиковъ.

8.

Кармалины еще были за столомъ и кончали обѣдъ, когда Нехлюдовъ вошелъ къ нимъ. Еще въ сѣняхъ, поспѣшно отворяя безшумно огромную дверь, толстый швейцаръ объявилъ, что кушаютъ.

— Пожалуйте, Ваше Сіятельство, васъ приказано просить.

Въ столовой за столомъ сидѣли противъ огромнаго дубоваго буфета съ вазами старикъ¹¹⁹ Кармалинъ, его братъ, дядюшка, докторъ, Иванъ¹²⁰ Ивановичъ Колосовъ, бывшій профессоръ, либераль,¹²¹ Реджъ, маленькая сестра Алины Варя и Катерина Александровна, 40 лѣтняя дѣвушка, другъ дома, славянофилка и благотворительница, сама Алина и главное лицо дома, меньшей братъ Алины, единственный сынъ Кармалиныхъ гимназистъ Петя, для котораго вся семья, ожидая его экзаменовъ, оставалась въ городѣ. Софья Васильевна Кармалина, какъ всегда лежащая, не выходила изъ своего кабинета и тамъ обѣдала.

— Ну вотъ и прекрасно. Садитесь, садитесь, мы еще только за жаркимъ, — весело кивая головой, сказалъ старикъ¹²² Кармалинъ. — Степанъ, — обратился онъ къ толстому, величественному буфетчику.

— Сію минуту подадутъ, — сказалъ онъ, доставая съ буфета большую разливную ложку и кивая другому красавцу съ бакенбардами, лакею, который тотчасъ сталъ оправлять нетронутый приборъ рядомъ съ Алиной, съ крахмальной гербовой салфеткой.

— Ну, садитесь, расскажите, — обратился¹²³ Колосовъ, оглядываясь на вошедшаго мертвыми, безстрастными глазами, — продолжаетъ ли судъ присяжныхъ подрывать основы?¹²⁴

Нехлюдовъ ничего не отвѣтилъ и, снявъ салфетку, сѣлъ на указанное мѣсто.

Вся энергія его уничтожилась. Онъ чувствовалъ себя подавленнымъ. Катерина Александровна, какъ всегда, несмотря на свое славянофильство, привѣтствовала его по французски:

— Oh, le pauvre Dmitry Ivanovitch, vous devez être terriblement fatigué.¹²⁵

— Да, очень, — отвѣчалъ Нехлюдовъ.¹²⁶

— Что же вы оправдали или обвинили? — спрашивала она.

— Ни оправдали, ни обвинили, — отвѣчалъ Нехлюдовъ, недовольно морщась и оглядываясь на Алину.

---

¹¹⁹ Зачеркнуто: Ивинъ,

¹²⁰ Зач.: Ильичъ Черенинъ,

¹²¹ Зач.: Марья Власьевна, бѣдная родственница,

¹²² Зач.: Ивинъ.

¹²³ Зач.: Черенинъ,

¹²⁴ Зач.: Пожалуйста, мнѣ грибовъ еще, — подозвалъ онъ обносившаго грибы къ жаркому.

¹²⁵ Зачеркнуто: [— Ах, бедный Дмитрий Иванович, вы, должно быть страшно устали.]

¹²⁶ Зач.: — Интересный были дѣла? — спросилъ дядюшка, оттирая вино, съ усовъ и бороды. Дядюшкѣ, какъ всегда, никакого дѣла не было ни до какихъ дѣлъ на свѣтѣ, кромѣ своего животнаго удовлетворенія, но надо было сказать что нибудь, и онъ сказалъ и успокоился, не получивъ и не ожидая отвѣта, и продолжалъ ѣду. — Чтоже привезли, что обѣщали? — сказала Алина. Она говорила о романсѣ. — Нѣтъ, забыть. Простите. — Отчего же? Вы обѣщали мнѣ, — сказала она, какъ бы не замѣчая того, что онъ сказалъ: забыть, а не отказывался принести. — Не стоитъ того. Пожалуйста, позвольте мнѣ не показывать вамъ, — отвѣчалъ онъ. — Развѣ такъ дурно? Я же показываю вамъ свое рисованье. — Не то что дурно, а мнѣ стыдно заниматься этимъ. Мнѣ просто стыдно. — Не понимаю, — сказала она. <Хотите сливокъ?> Лакей въ это время подошелъ съ своимъ серебряннымъ подносомъ къ Миссъ Реджѣ за пять шаговъ, какъ бы дѣлая какое то дѣло, несъ налитую чашку чая Нехлюдову. Катерина Александровна предлагала разныхъ сортовъ печенья. Онъ взялъ что попало и молча сталъ пить чай.

Алина привѣтственно улыбнулась, но тотчасъ же улыбка ея потухла: она сразу замѣтила тѣмъ необманивающимъ женскимъ властолюбивымъ чутьемъ, что плѣнникъ ея освободился, или высвобождается, или хочетъ освободиться: на лицѣ его было то сосредоточенное и, какъ ей всегда при этомъ казалось, осудительное выраженіе, съ которымъ она давно уже боролась и которое, къ торжеству ея, совсѣмъ исчезло въ послѣднее время.

— Извините меня, пожалуйста. Да мнѣ и не хочется совсѣмъ ѣсть, — говорилъ Нехлюдовъ,¹²⁷ поспѣшно обходя столъ и здороваясь со всѣми сидѣвшими.

Изъ мужчинъ только старикъ Кармалинъ не всталъ, а подаль руку сидя. Однако онъ сѣлъ и долженъ былъ обѣдать.

Все нынче имѣло для Нехлюдова въ домѣ Кармалиныхъ совсѣмъ другой, чѣмъ обыкновенно, новый и непріятный характеръ.¹²⁸ Ему непріятенъ былъ этотъ самоувѣренный, пошлый политически-либеральный вопросъ Колосова, непріятна была самоувѣренная манера старика Кармалина, жадно ѣвшаго свой обѣдъ, которому онъ приписывалъ величайшую важность, непріятны были французскія фразы славянофилки Катерины Александровны, непріятны были степенные лица гувернантки и репетитора, непріятенъ былъ видъ всей этой роскоши: серебра, хрусталя, дорогихъ кушаній, винъ, лакеевъ, которую онъ замѣчалъ теперь, также, какъ и вся его жизнь — плодъ преступленія, того самаго преступленія, про которое только что такими простыми словами рассказывалъ ему извозчикъ.¹²⁹

— Я не буду васъ стѣснять, — сказалъ старикъ и всталъ изъ за стола. За нимъ встали и всѣ остальные, кромѣ Алины и Катерины Александровны.¹³⁰

Алина и Катерина Александровна остались за столомъ, чтобы ему не скучно было одному.

Перемѣнъ было много, какъ всегда за ихъ обѣдами, но теперь, когда онъ обѣдалъ одинъ и два человѣка служили ему, ему это показалось невыносимо. Онъ поѣлъ супъ съ пирожками и отказался отъ остальнаго.

— Вы не видали новый модель Алины? — спросила Катерина Александровна.

— Нѣтъ.

— Пойдемте.

Они пошли въ уставленную вещицами, мольбертами комнату Алины, и тамъ ему показали новый рисунокъ ея съ дѣвочки съ распущенными волосами.

Все это было теперь невыносимо Нехлюдову.

— Однако я вижу, на васъ обязанность присяжнаго дѣйствуетъ угнетающе.

— Да. Но, главное, со мной въ судѣ именно случилось очень важное и не то что разстроившее меня, а заставившее стать серьезнѣе.

— Что же это? Нельзя сказать?

— Пока нельзя.

— Тяжелое для васъ? — сказала Алина съ искреннимъ участіемъ, тронувшимъ его.

— Да и нѣтъ. Тяжелое, потому что заставило меня опомниться и смириться, и не тяжелое, потому что открываетъ возможность, даже потребность улучшенія своей жизни. Я не могу сказать вамъ.

---

¹²⁷ *Зач.*: чувствуя, какъ начинаютъ опутывать его опять тѣ паутины, которыя его опутали. Но онъ не боялся ихъ теперь.

¹²⁸ *Зач.*: Онъ видѣлъ теперь эту простую обжорливость отца и дяди, мертвенность и непомѣрную гордость друга дома Черенина, видѣлъ просто глупость Катерины Александровны, видѣлъ изысканность простоты наряда Алины, видѣлъ главное, это

¹²⁹ *На поляхъ противъ послѣднихъ пяти строкъ рукой Толстого написано и затемъ зачеркнуто*: Споръ съ Чич[еринымъ]. «Да вѣдь вы же владѣете» — «Владѣю еще, но не буду владѣть».

¹³⁰ *Зачеркнуто*: И Нехлюдовъ зналъ, что это значить только то, что ему, старику, хочется скорѣе курить свою сигару и пить кофе. Онъ старался не думать. Онъ зналъ только, что такъ оставить этого онъ не можетъ, что это должно произвести переворотъ во всей его жизни. Какъ? Что? Онъ не зналъ. Онъ зналъ одно, что завтра

– Секретъ? – сказала Катерина Александровна. – Я не переносу секретовъ и потому догадаюсь. Это было въ самомъ судѣ? Касается только васъ?

– Не могу ничего сказать, Катерина Александровна. И я лучше уйду.

– Помните, что то, что важно для васъ, важно и для вашихъ друзей.

– Завтра приде

– Едва ли. Прощайте пока. Благодарю васъ очень за ваше участіе, котораго я не стою.

– Что такое, *comme cela m'intrigue*,¹³¹ – говорила Катерина Александровна, когда Нехлюдовъ ушелъ. – Я непременно узнаю. Какая нибудь *affaire d'amour propre*. Il est très susceptible, notre cher Митя.¹³²

– Онъ странный. Я давно вижу, что онъ собирается to turn a new leaf,¹³³ только бы не слишкомъ радикально, какъ онъ все дѣлаетъ, – сказала Алина.

Нехлюдовъ между тѣмъ шелъ одинъ домой и думалъ о томъ, что онъ будетъ дѣлать. Онъ зналъ одно, что завтра онъ употребитъ всѣ мѣры, чтобы увидеть ее одну и просить у нее прощенія.

Онъ заснулъ поздно. Видѣлъ во снѣ¹³⁴ Катюшу больную. Будто она идетъ куда [то] въ дверь и никакъ не можетъ войти, и онъ не можетъ помочь ей. И мѣшаютъ этому перпендикулярныя палки. И палки эти – рѣчь прокурора. И отъ того, что поздно заснулъ, онъ проспалъ долго и потому на другое утро онъ былъ въ судѣ только въ 10 часовъ. Онъ хотѣлъ идти къ Предсѣдателю, но уже некогда было. Начиналось опять дѣло. Всѣ въ комнатѣ присяжныхъ, и судебный приставъ, и сторожа, встрѣтили его уже какъ своего. Но настроеніе его было совсѣмъ другое, чѣмъ вчера: то, что вчера казалось ему если не важнымъ то приличнымъ, нынче казалось ему чѣмъ то нелѣпымъ и смѣшнымъ.

Дѣло нынѣшняго [дня] было о кражѣ со взломомъ. Укралъ половики пьяный фабричный 22 лѣтъ. Изъ всего дѣла видно было, что мальчикъ этотъ, будучи безъ мѣста, пьянствовалъ и въ пьяномъ видѣ, возвращаясь на квартиру, съ которой его сгоняли, почему то вздумалъ украсть то, что попало. Его поймали. Онъ тотчасъ же покался. Половики эти, очевидно, никому не нужны были. Свидѣтели: пострадавшій и городской, очевидно, только тяготились тѣмъ, что ихъ допрашивали. Все это было возмутительно. Возмутительно было то, что изъ жизни человѣческой дѣлали игрушку. Нехлюдовъ думалъ все это, слушая теперь процедуру суда, и удивлялся, какъ могъ онъ не видать этого прежде. Съ трудомъ просидѣлъ онъ это дѣло. Нѣсколько разъ онъ хотѣлъ встать и сказать всѣмъ, кто былъ тутъ: «Полноте, перестаньте, какъ не стыдно вамъ делать игрушку изъ страданій человѣческихъ» – танцору, прокурору и всѣмъ этимъ чиновникамъ, отъ Министра до курьера, получающимъ за это жалованье. Если ужъ нельзя не отдавать этимъ людямъ трудовъ народа, то пускай бы такъ, на домъ, отдавать имъ всѣмъ каждое 20-е число тѣ миллионы, к[оторые] они стоятъ, но только бы не дѣлали они этой безобразной гадости издѣвательства надъ человѣческими страданіями, не развращали бы они этого народа. Вѣдь вы знаете, что, во 1-хъ, этотъ мальчикъ не виноватъ, что въ такихъ условіяхъ, какъ онъ, всѣ мы были бы въ 100 разъ хуже; во 2-хъ, то, что никакой, даже приближенной справедливости вы не достигаете никогда своими грубыми приѣмами, въ 3-хъ, что наказанія, которымъ вы ихъ подвергаете, не имѣютъ никакого смысла. Мстить – вы знаете, что не нужно и не хорошо и противно той вѣрѣ, которую вы будто бы исповѣдуете. Пресѣчь возможность новаго преступленія вы уже никакъ не достигаете, ссылая ихъ въ Сибирь, т. е. въ другую мѣстность Россіи; объ исправленіи же, запирая его въ сообщество съ ослабшими[?], развращенными людьми, очевидно не можетъ быть рѣчи. Онъ нѣсколько разъ хотѣлъ подняться и

¹³¹ [как это меня занимает,]

¹³² [Какое-нибудь дело, в котором замешано самолюбие. Он очень обидчив, наш дорогой Митя.]

¹³³ [перевернуть страницу]

¹³⁴ *Зачеркнуто:* Алину съ нею.

сказать это, но, во первых, не доставало силы разбить это внѣшнее благообразіе суда, невольно гипнотизировавшее его, во 2-хъ, онъ боялся, какъ бы выходка эта не помѣшала себѣ выхлопотать отъ прокурора разрѣшеніе на свиданіе съ Катюшей.¹³⁵

Онъ пересилилъ себя и рѣшилъ досидѣть еще нынѣшній день. Следующее за этимъ дѣло было дѣло о сопротивленіи властямъ. Крестьяне, уже давно судившіеся съ помѣщикомъ о принадлежности имъ луга, вышли косить на лугъ, считавшійся прежде ихнимъ, потомъ перешедшій къ помѣщику. Крестьяне отказались сойти съ луга и прогнали управляющаго и побили рабочихъ, хотѣвшихъ помѣшать имъ косить. На скамѣ подсудимыхъ сидѣли 30 человѣкъ домохозяевъ, виновныхъ въ томъ, что, кормя всѣхъ этихъ чиновниковъ своими трудами съ земли, они хотѣли пользоваться этой землей, тѣмъ болѣе, что имъ сказали, что земля эта по бумагѣ ихняя. Опять и надъ этими людьми совершалось тоже издѣвательство, таже попытка механическимъ путемъ достигнуть справедливости. Но, несмотря на очевидность дѣла, прокуроръ обвинялъ возмутительно, съ тою же жадностью, и вопросы были поставлены такъ, что, несмотря на всю борьбу Нехлюдова съ присяжными, крестьяне были обвинены и присуждены къ тюремному заключенію.

Дѣло кончилось поздно, такъ что только на другой день Нехлюдовъ пошелъ къ Предсѣдателю. Предсѣдатель былъ въ своемъ кабинетѣ. Предсѣдатель принялъ его стоя, собираясь уже уходить.

— Что вамъ угодно? — строго спросилъ Предсѣдатель. Онъ былъ недоволенъ настоятельностью, съ которой Нехлюдовъ требовалъ свиданія съ нимъ.

— Я присяжный, фамилія моя Нехлюдовъ, и мнѣ необходимо видѣть подсудимую Маслову, — сказалъ Нехлюдовъ, чувствуя, что онъ совершаетъ что то рѣшительное и потому весь дрожа отъ волненія.

Предсѣдатель былъ невысокій, смуглый человѣкъ съ сѣдьющими волосами и бородой и очень выдающейся нижней скулой.

— Для чего вамъ это нужно? — сказалъ онъ рѣзко и потомъ, какъ бы желая смягчить, прибавилъ: — я не могу разрѣшить вамъ этого, не зная, для чего вамъ это нужно.

— Мнѣ нужно это, — весь вспыхнувъ заговорилъ Нехлюдовъ, — для того, что¹³⁶ я виновникъ того, что она явилась на скамѣ подсудимыхъ. Я соблазнилъ ее и привелъ къ тому преступленію.

— Для чего же вамъ нужно видѣть ее? — поднимая съ нѣкоторымъ безпокойствомъ брови, спросилъ Предсѣдатель.

— Для того, что я хочу жениться на ней, — сказалъ Нехлюдовъ, въ первый разъ тутъ, въ этомъ разговорѣ, рѣшивъ, что онъ женится на ней.

Предсѣдатель долго молчалъ, поглядывая то на столъ, то на Нехлюдова.

— Вы, кажется, тотъ Нехлюдовъ, который былъ въ Красномъ крестѣ, — сказалъ Предсѣдатель.

— Извините, я не думаю, чтобы это имѣло связь съ моей просьбой.

— Конечно, нѣтъ, но ваше желаніе такъ необыкновенно и такъ выходитъ...

— Что же, могу я получить разрѣшеніе?

— Изволите видѣть, это отъ меня не зависитъ. Если она присуждена, то теперь находится въ вѣдѣніи гражданской власти, въ Бутырскомъ замкѣ. Туда вамъ и совѣтую обратиться.

— Къ кому же я долженъ обратиться?

---

¹³⁵ После этих слов на полях следующего листа рукой Толстого написано другое продолжение: Только что кончилось дѣло и сдѣланъ былъ перерывъ передъ началомъ другаго, Нехлюдовъ вышелъ въ коридоръ и, узнавъ, гдѣ кабинетъ предсѣдателя, пошелъ къ нему.

¹³⁶ В рукописи лист, заключающий в себе продолжение текста после слов: для того, что до слов: это отъ меня не зависитъ, утрачен. Поэтому недостающий текст извлекаем из оригинала, с которого списывалась данная рукопись, — из рукописи № 3.

– Къ Губернатору или къ тюремному начальству, – холодно сказалъ Предсѣдатель, дѣлая движеніе, показывающее, что аудіенція кончилась.¹³⁷

– Я еще долженъ заявить, – сказалъ Неклюдовъ, – что я не могу продолжать участвовать въ сессіи.

– Такъ-съ. Почему же вы не можете? Нужно, какъ вы знаете, представить уважительныя причины. И потому вы на судѣ можете представить ихъ.

– Причины тѣ, что я считаю всякій судъ нетолько бесполезнымъ, но и безнравственнымъ.

– Такъ-съ, – слегка улыбаясь, сказалъ Предсѣдатель, какъ бы показывая этой улыбкой то, что такія заявленія знакомы ему и принадлежатъ къ извѣстному ему забавному разряду. – Такъ-съ, но вы, очевидно, понимаете, что я, какъ предсѣдатель суда, не могу согласиться съ вами.¹³⁸ И потому совѣтую вамъ заявить объ этомъ на судѣ, и судъ, разсмотрѣвъ ваше заявленіе, признаетъ его уважительнымъ или неуважительнымъ и въ такомъ случаѣ наложить на васъ взысканіе.

– Я заявилъ и больше никуда не пойду, – сердито проговорилъ Нехлюдовъ.

– Мое почтеніе, – сказалъ предсѣдатель, еще ниже наклоняя голову, очевидно, желая поскорѣе избавиться отъ этого страннаго посѣтителя.

– Кто это у васъ былъ? – спросилъ членъ суда, вслѣдъ за выходомъ Неклюдова входя въ кабинетъ предсѣдателя.

– Нехлюдовъ, знаете, который еще¹³⁹ въ Красноперскомъ уѣздѣ въ земствѣ работалъ. И представьте, онъ присяжный, и въ числѣ подсудимыхъ оказалась женщина или дѣвушка, приговоренная въ ссылку, которая, какъ онъ говоритъ, была соблазнена имъ. И онъ теперь хочетъ жениться на ней.

– Да не можетъ быть.

– Такъ онъ мнѣ сказалъ. И въ какомъ то странномъ возбужденіи.

– Что то есть, какая то ненормальность въ нынѣшнихъ молодыхъ людяхъ.

– Да онъ уже не очень молодой.

– Ну ужъ какъ надоѣлъ, батюшка, вашъ прославленный Ивашенковъ. Онъ изморомъ беретъ. Говорить и говорить безъ конца.

– Ихъ надо просто останавливать, а то вѣдь настоящіе обструкціонисты.¹⁴⁰

–

---

¹³⁷ Против этого абзаца на полях рукой Толстого написано карандашом: Черезъ 4 недѣли приговоръ въ окончательной формѣ.

¹³⁸ Зачеркнуто: Если вы не явитесь, на васъ наложить взысканіе.

¹³⁹ Зач.: во время войны отказался отъ участія въ сраженіи и перешелъ въ Красный Крестъ.– Знаю, знаю. Странности разныя.

¹⁴⁰ Зач.: – Да я и останавливалъ, а то бы мы никогда не кончили. Отъ предсѣдателя Нехлюдовъ поѣхалъ къ Губернатору. Губернатора не было дома, онъ принималъ только до двухъ. Нехлюдовъ съ своимъ обычнымъ упорствомъ поѣхалъ къ Вице-Губернатору, и тамъ ему отказали, онъ поѣхалъ къ тюремному начальнику. Тотъ сказалъ, что не можетъ безъ разрѣшенія Губернатора. Губернаторъ на другое утро сказалъ, что не можетъ безъ начальника тюрьмы. Всѣмъ, и тому и другому, Неклюдовъ говорилъ, что ему нужно видѣть преступницу, потому что онъ женится на ней. Его еще, вѣроятно, долго бы водили, если бы онъ не вошелъ вдругъ у Губернатора въ свое находившее на него иногда бѣшенство негодованія и гордости. Вмѣсто того чтобы просить, онъ началъ кричать на губернатора.– Да скажите же наконецъ, къ кому нужно обратиться и что нужно дѣлать. Я, кажется, прошу у васъ не милости. Не стану просить у васъ милости, а прошу, чтобы вы дали мнѣ возможность видѣть ту несчастную женщину, которую вы замучали и мучаете. Прошу разрѣшенія исправить то зло, которое вы сдѣлали, прошу наконецъ того, чтобы вы меня посадили въ тюрьму съ нею.– Позвольте васъ попросить говорить прилично, а не кричать, – сказалъ Губернаторъ. – Иначе....– Иначе что? Чѣмъ вы хотите испугать меня? Тѣмъ, что вы меня выведете? Это вы можете, но я по крайней мѣрѣ скажу вам *votre fait* [всѣ начисто], то, что я не беру жалованья отъ васъ, чтобы служить вамъ, а вы берете деньги отъ насъ, чтобы служить намъ, и потому я имѣю право требовать отъ васъ, чтобы вы исполняли свою обязанность. Впрочемъ, если я васъ обидѣлъ, то прошу васъ извинить меня. Выйдешь изъ терпѣнія.– Да что вамъ нужно? Губернаторъ притворился обиженнымъ, потомъ кроткимъ, прощающимъ, но кончилось тѣмъ, что онъ тотчасъ послалъ чиновника провести Нехлюдова въ тюрьму для свиданія съ той особой, которую онъ желаетъ видѣть. Всѣ эти хлопоты продолжались два дня. Во всѣ эти два дня Нехлюдовъ, за исключеніемъ того времени, которое онъ проводилъ въ поѣздкахъ, былъ дома. Онъ лежалъ на диванѣ, ходилъ отъ двери первой комнаты къ окну второй и думалъ.

[illegible]

Страница рукописи первой редакции „Воскресения,“ написанная рукой М. Л. Толстой и исправленная Л. Н. Толстым.

Размер подлинника

«Ну и чтожь, и женюсь, — говорилъ себѣ Нехлюдовъ, выходя изъ суда. — Да, и женюсь. И это лучшее, что могу сдѣлать. Только бы поскорѣе увидать ее. Къ губернатору, такъ къ губернатору». И онъ взялъ извозчика и тотчасъ же поѣхалъ на Тверскую.

Губернатора не было дома, да и кромѣ того, вышедши къ нему, дежурный сказалъ, что по вечерамъ Губернаторъ не принимаютъ и что не угодно ли пожаловать завтра въ 12-мъ часу.

Губернаторъ сказалъ Нехлюдову, что острогомъ и свиданіями съ заключенными завѣдуетъ Вицегубернаторъ, но что кромѣ того есть дни, въ которые принимаютъ всѣхъ.

Нехлюдовъ поѣхалъ къ Вицегубернатору.

Вицегубернаторъ сказалъ, что онъ можетъ видать кого ему нужно въ назначенные дни: воскресенье и четвергъ, стало быть, черезъ два дня, т. е. послѣ завтра, так какъ была пятница.

Да, вся жизнь его, онъ чувствовалъ, должна была перевернуться вверхъ дномъ, потому что такъ вверхъ дномъ перевернулось его пониманіе цѣли жизни. То, что ему когда то давно представилось единственно возможной, радостной цѣлью жизни, тогда давало жизни такой ясный, радостный смыслъ и освѣщало всю жизнь такимъ яркимъ свѣтомъ и то, что потомъ такъ незамѣтно, подъ вліяніемъ общаго неодобренія потускнѣло, стерлось, превратилось въ какія

то пустые мечты, все это теперь, вследствие встречи с Катюшей, вдруг опять выступило из мрака и охватило его душу с такой несомненной силой, что он почувствовал, что только это одно понимание жизни было истинно.

То, что сознание этой цели жизни после стольких лет забвения выступило не только еще с большей ясностью и грустной прелестью воспоминания, чем 14 лет тому назад, было несомненным доказательством того, что это было истинно и что¹⁴¹ все то, что в продолжении этих 14 лет скрывало это сознание, было ложь и обман.

Понимание жизни, открывшееся тогда, состояло в том, что цель ее только в том, чтобы жить в атмосфере любви: чтобы любить, быть любимым. Для того же чтобы быть любимым, надо было быть добрым, а для того чтобы быть добрым, надо было любить других. Это и это одно тогда стояло целью жизни, и потому надо было откидывать, уничтожать в себе все то, что мешало этому: все личные похоти роскоши, корысти, праздности, любовначалия. «Дух же целомудрия, смиреномудрия любви и терпения даруй мне», – вспоминал он теперь столь любимую им тогда и введенную в свои ежедневные молитвы давно им оставленную молитву Ефрема Сирина.

Он живо вспоминал теперь то свое душевное состояние, в котором он был тогда, когда в первый раз гостил у тетюшек, и ту внутреннюю работу, которая шла в нем тогда, и те мысли, планы и работы, которые занимали его тогда. Впоследствии он признал эту внутреннюю работу и планы и работы, занимавшие его тогда, неосуществимыми мечтами, почти нелпыми, но вот прошло 14 лет жизни, не мечтательной, а той, которая считалась самой настоящей, и как ясно ему было теперь, что только в тех мечтах была настоящая жизнь, а что все то, что он делал в продолжении этих 14 лет, было хуже, чем мечта, было ничто, заменившее настоящую жизнь. Тогдашние мечты его ясно рисовались ему так: жениться на Катюше, но чтобы тетюшки не мешали этому, чтобы ничего никому не объяснять, не оправдываться, тайно уехать с ней на Кавказ, купить землю, поселиться там, жить, охотиться, работать и писать свое сочинение об освобождении людей от рабства личного землевладения.

Тогда он и не видел противоречия того, чтобы, не признавая собственности на землю, купить землю.

«Я не сделал этого, – думал он, – и потерял 14 лет, в чем?» Трудно было даже и вспомнить то, чем были наполнены эти 14 лет. Попытки службы гражданской, потом военной, потом земство, поездка за границу, музыка, ухаживание за матерью и борьба с ней, и вот теперь эта последняя зима в Москве с замирающей совестью. «Но нет, и эти 14 лет не потеряны, – говорил он себе. – Ничто не теряется. Никакие доводы в мир не могли так убедить меня в истинности того, что я считал истиной, как очевидная ложь противоположного. И когда же случилось это? Тогда, когда я готов был погубить еще одно существо и себя окончательно, потому что я не любил Алины и не переставая боялся ее. Она была только та последняя тяжесть, которая должна была окончательно, без возможности спасения, потопить меня. Но не в том только дело, что она не помогла бы мне в моей духовной жизни, а,

¹⁴¹ *Зачеркнуто:* не только надо отдать свою жизнь, но что нельзя жить, не подчиняя всю свою жизнь этой истине. Истина же эта была в том, что жизнь не независима, не свободна, что не может человек располагать ею как хочет, а что есть Бог, есть Тот, кто послал меня в эту жизнь затм, чтобы я делал волю Его, а воля Его в том, чтобы я не врал, не лгал, не скрывал от себя то, что жизнь моя, меня одного, не имеет смысла, а что смысл ее только в том, чтобы если не жить для блага других, то по крайней мере не мешать благу других там, где я вижу, что моя жизнь стоит на дороге этому благу. А я не только не служил этому благу, а я прямо погубил и человеческое существо, да еще какое милое, доброе существо. *Следующий абзац обведен сбоку чертой с пометкой:* пр[опустить]: Он вспомнил робкую улыбку за кустом сирени и вчера на судъ ту же беззубую, жалкую улыбку и лицо в рамъ сѣраго воротника арестантскаго халата. «Погубил, бросил и хочу устроить свою жизнь с новой женщиной, отобрал землю, вырастил на ней картофель для водки и на эти деньги хочу устроить жизнь, которая должна быть полезна этимъ людямъ». И он вспоминал крестьянъ, наполнившихъ залу суда, спокойно подчинявшихся насилію, но ни на минуту не признававшихъ себя виноватыми.

напротивъ, затушила бы послѣдніе просвѣты ея, но дѣло въ томъ, что какъ же я хочу жениться на ней, когда я женатъ, 14 лѣтъ какъ женатъ и даже ребенокъ былъ у меня».

«Благодарю тебя, Господи», молился онъ Богу, присутствіе котораго и связь свою съ которымъ онъ послѣ долгой разлуки съ Нимъ вновь почувствовалъ.

«Но что же? Неужели жениться на ней? На ней, послѣ всѣхъ этихъ гостей, купцовъ, всего этого ужаса развращенности? Развращенность? Развращенность въ томъ, что она топила свое горе въ винѣ и развратѣ, и то дѣлала такъ потому, что не могла дѣлать иначе. Или развращенность моя который погубилъ, бросилъ ее и поставилъ ее въ то положеніе, въ которомъ она погибла».

«Да, и женюсь и сдѣлаю то самое, что хотѣлъ сдѣлать 14 лѣтъ тому назадъ, только съ той разницей, что тогда я поѣхалъ бы на Кавказъ, на свою землю, а теперь поѣду въ Сибирь, на ту землю, которую укажутъ мнѣ, и, главное, съ той разницей, что тогда я могъ колебаться: для счастья, котораго я искалъ, можно было найти лучшую подругу, чѣмъ Катюша, хотя трудно было найти тогда что нибудь чище и милѣе ея, — онъ вспомнилъ всю ея чистую, тихую прелесть тогда. — Но тогда я думалъ, что не стоитъ останавливаться на ней, что можно было найти еще много женщинъ лучше ея. И какъ тебѣ казалось, что можно было найти женщину лучше ея, также тебѣ казалось, что [можно] было найти и форму жизни еще болѣе разумную и добрую, чѣмъ поселеніе на Кавказѣ и работу надъ уничтоженіемъ земельной собственности. Почему Кавказъ, а не Тироль, Неаполь, и почему работы надъ освобожденіемъ отъ земли, а не что нибудь другое? — думалъ я тогда».

И такъ какъ можно было выбрать и то, и другое, и третье, онъ не начиналъ ничего, все откладывая и откладывая, и вотъ дошелъ до того упадка, до котораго дошелъ теперь. Но теперь уже нѣтъ выбора, и это было хорошо. «Бросить ее, погубленную Катюшу, нельзя ужъ теперь, надо хоть чѣмъ нибудь заплатить ей, и я заплачу, отдавъ ей себя такого, какой есть, и мѣста выбирать нельзя, надо ѣхать съ ней въ Сибирь. И выбирать дѣятельности нельзя, потому что грѣхъ владѣнія землей весь окружаетъ меня, и онъ то запуталъ меня. Не было бы этого, я бы не жилъ такъ, какъ жилъ, не жила бы такъ и моя мать. И это мнѣ надо распутать. Это будет Single Tax¹⁴² Генри Джорджа».

По проѣкту Генри Джорджа земля, рента съ земли, т. е. та цѣнность ея, которая произошла не отъ труда, положеннаго на нее, тотъ излишекъ цѣнности лучшей земли передъ худшей, эту ренту должны платить тѣ, которые пользуются ею, и платить не кому нибудь, а всему обществу за то, что они пользуются лучшей землей, чѣмъ другіе.

Эта плата то и составляетъ тотъ естественный капиталъ, принадлежащій всему обществу, который долженъ быть употребленъ на нужды всего общества, на то, на что употребляются теперь подати и всѣ доходы государства. Но теперь подати употребляются неразумно, на ненужныхъ чиновниковъ, на вредныя учрежденія. И потому эти подати надо разсматривать какъ неудобство, лежащее на всѣхъ членахъ общества, ренту же земли употреблять на общественныя, общія дѣла, какими могутъ быть школы, богадѣльни, пріюты, пріобрѣтеніе машинъ, сѣмянъ, племенныхъ животныхъ, на продовольствіе въ дурные годы, даже на уплату податей».

«Такъ думалъ онъ о практической сторонѣ дѣла, избѣгая мысли о ней, о Катюшѣ. Ему страшно было думать о ней: она двоилась въ его глазахъ: то тихая, милая, ласковая, преданная тогда въ Пановѣ, то та же, но съ несчастнымъ и наивнымъ выраженіемъ рассказывающая о томъ, какъ она, Любка, пріѣзжала за деньгами и допила коньякъ. Но какъ ни ужасны были эти ея показанія, это все-таки была она, та самая Катюша, которая была въ Пановѣ.

Какъ, что онъ будетъ говорить съ ней, онъ не зналъ и боялся думать и представлять себѣ, но онъ не отчаявался и зналъ, что онъ долженъ сказать ей то, что онъ намѣренъ сказать.»¹⁴³

¹⁴² [единый налог]

¹⁴³ Взятое в ломанные скобки отчеркнуто сбоку чертой с пометкой пр[опустить].

7.

На другой день, въ обычный день приѣма, Нехлюдовъ поѣхалъ въ Бутырскую тюрьму. Было воскресенье. <Во всѣхъ церквахъ еще шла обѣдня, и надъ Москвой стоялъ тотъ непріятный, напоминающій о суетѣ, невѣжествѣ и фарисействѣ звонъ различныхъ жертвованныхъ благодѣтелями колоколовъ, гулъ которыхъ заглушаетъ людскую совѣсть.> Весна уже совсѣмъ установилась. Было тепло, листья березы, черемухи, тополя уже совсѣмъ распустились, и въ домахъ и магазинахъ выставляли и вытирали окна. Еще было рано. Лѣвая сторона улицы была въ тѣни и прохладна, но по серединѣ поднималась уже пыль отъ гремящихъ по мостовой возовъ и пролетокъ. Еще слышенъ былъ ранній странный крикъ мужиковъ съ молокомъ и овощами, приѣхавшими изъ деревень; на площадяхъ, засоряя ихъ навозомъ и сѣномъ, еще стояли воза съ сѣномъ и соломой и на Смоленскомъ рынкѣ, мимо котораго онъ проѣзжалъ, кишѣла около палатокъ густая¹⁴⁴ толпа народа съ сновавшими между нею продавцами съ сапогами и перекинутыми черезъ плечо многими парами выглаженныхъ панталонъ и жилетовъ.

У трактировъ уже тѣснились высвободившіеся изъ своей 6-дневной каторги фабричные – мужчины въ глянцовитыхъ поддевкахъ и сапогахъ и женщины въ шелковыхъ яркихъ платкахъ и пальто съ стеклярусомъ. Городовые съ желтыми снурками пистолетовъ стояли на мѣстахъ, по бульварамъ проходили прохожіе, и уже сидѣли няньки съ дѣтьми, изрѣдка проѣзжала коляска или карета.

На Долгоруковской улицѣ Нехлюдову встрѣтились похороны съ пѣвчими, священниками въ ризахъ, золотой парчей, факельщиками и колесницей, запряженной лошадьми въ черныхъ попонахъ съ ушами, и поѣздомъ съ прилично заплаканными лицами въ первыхъ двухъ экипажахъ и равнодушными и даже веселыми лицами въ послѣднихъ линейкахъ.

Вотъ, налѣво завиднѣлись башни острога, вотъ и калитка его сада и изъ за нее рядъ распустившихся уже акацій. Извозчикъ зналъ, гдѣ впускаютъ, и прямо туда подвезъ Нехлюдова – не къ самой тюрьмѣ, а къ повороту, ведущему къ тюрьмѣ. Уже нѣсколько человѣкъ мужчинъ и женщинъ, большей частью съ узелками, стояли тутъ на этомъ поворотѣ къ тюрьмѣ, шагахъ въ ста отъ нея. Это былъ какъ [бы] широкій, короткій переулокъ, съ права какія то невысокія деревянныя строенія, слѣва двухъ этажный деревянный домъ, принадлежавшій тюрьмѣ и съ какой то выѣской. Впереди виднѣлось огромное каменное зданіе тюрьмы съ дверью, ведущей въ нее, и часовой, солдатъ съ ружьемъ стоялъ въ этомъ переулкѣ шаговъ за 100 отъ входа въ тюрьму и не пускалъ посѣтителей дальше. Съ правой стороны, противъ часоваго, сидѣлъ вахтеръ, очевидно, для наблюденія порядка при впускѣ. Къ нему подходили и записывали, кого кто желалъ видѣть. Узнавъ это, Нехлюдовъ подошелъ къ нему и назвалъ Катерину Маслову. Тотъ записалъ.

– Почему не пускаютъ еще? – спросилъ Нехлюдовъ.

– Обѣдня идетъ, – отвѣчалъ вахтеръ. – Вотъ отойдетъ обѣдня, тогда впустятъ. – Ты куда лѣзешь, – крикнулъ онъ на оборванца въ смятой шляпѣ, который выдвинулся впередъ изъ толпы.

Посѣтители были, по внѣшнему виду судя, мѣщане, мелкіе торговцы и ихъ жены, но болѣе всего было оборванцевъ, которые держали себя очень свободно и весело.

Приѣхали на хорошей своей лошади студентъ съ дѣвушкой. Студентъ несъ въ рукахъ большой узелъ. Они тоже подошли къ вахтеру и спросили, можно ли и какъ передать милостыню – калачи, которые они привезли заключеннымъ. Это были женихъ съ невѣстой, купцы, какъ послѣ узналъ Нехлюдовъ, которые въ ознаменованіе своей радости привезли заключеннымъ калачей.

¹⁴⁴ Зачеркнуто: грязная

Нехлюдовъ закурилъ у кутившаго просто одѣтаго челоѣка папирску и разговорился съ нимъ. Это былъ швейцаръ изъ банка, пришедшій провѣдать своего брата, попавшаго сюда за подлогъ. Добродушный челоѣкъ этотъ разскалъ Нехлюдову всю свою исторію и не успѣлъ еще досказать ее, какъ большія двери тюрьмы отворились и изъ нихъ посыпали дѣти. Это были дѣти преступниковъ и тѣхъ, которыя идутъ съ мужьями въ Сибирь. Дѣти, чисто одѣтыя, въ платицахъ, рубашечкахъ, пальтецахъ, картузикахъ, и дѣвочки, повязанныя платочками, расположенныя такъ, что меньшія впереди и сзади по порядку высшія подъ руководствомъ начальницъ прошли колонкой въ домъ, бывшій съ лѣвой стороны. Это былъ устроенный благотворителями пріютъ для дѣтей преступниковъ.

Только когда дѣти прошли, вахтеръ объявилъ, что теперь можно, часовой посторонился, и всѣ посѣтителы, какъ будто боясь опоздать, поспѣшно, а кто и рысью, пустились къ двери тюрьмы. Всѣхъ было челоѣкъ 60.

— Куда бѣжите, поспѣете, — говорилъ вахтеръ.

Нехлюдовъ подошелъ къ двери тюрьмы, она отворилась, и солдатъ, отворившій ее, сталъ по одному пропускать всходящихъ. Вслѣдъ за оборванцемъ и впереди того швейцара, съ которымъ онъ говорилъ, Нехлюдовъ вошелъ въ первую дверь. Солдатъ, стоявшій наружу, считая, дотронулся до спины его рукой и сказалъ: «17-ый». За первой дверью тотчасъ же была другая. За этой другой дверью стоялъ еще солдатъ и начальникъ и также считали внутри зданія, дотрогиваясь рукой и часто хлопая рукой по каждому проходившему. Надо было счетомъ впустить и счетомъ выпустить, не оставить посѣтителя въ тюрьмѣ и не выпустить заключеннаго изъ тюрьмы.

За дверьми были большіе сѣны со сводами, и въ сѣняхъ этихъ совершенно неожиданно Нехлюдовъ увидалъ въ нишѣ большое изображеніе распятія. «Точно люди, устроившіе эту тюрьму и стерегущіе и мучающіе въ ней узниковъ, поставили это изображеніе для того, чтобы ободрить себя напоминаніемъ о томъ, что не они одни мучали невинныхъ», — подумалъ онъ. Онъ шелъ вмѣстѣ съ народомъ, весь дрожа отъ волненія при мысли о томъ, что ожидало его. Онъ и не замѣтилъ, какъ вахтеръ на дорогѣ спросилъ: «въ мужскую или въ женскую?» и пришелъ туда, куда шло больше посѣтителей. Пройдя большую комнату, онъ вслѣдъ за другими, отставая отъ нихъ, вошелъ въ длинную комнату, раздѣленную на двое проволоочными рѣшетками, шедшими отъ потолка до земли. Рѣшетокъ было двѣ на разстояніи аршинъ $2\frac{1}{2}$ одна отъ другой. Между рѣшетками ходили солдаты. На той сторонѣ рѣшетки были заключенные, по сю сторону посѣтителы. Съ обѣихъ сторонъ тѣ и другіе стояли прижавшись къ рѣшеткамъ, и во всей комнатѣ стоялъ гулъ кричащихъ голосовъ. Каждый посѣтитель ходилъ, отыскивая того, къ кому онъ пришелъ, и, прижимаясь къ рѣшеткѣ, становился противъ него. Каждый старался говорить такъ, чтобы его слышалъ его собесѣдникъ, но сосѣди тоже говорили, ихъ голоса мѣшали слышать, и надо было кричать. Это была арестантская мужская.

Только тутъ Нехлюдовъ догадался, что онъ попалъ не туда, куда надо.

— Где же женская? — спросилъ онъ у ходившаго позади народа челоѣка въ родѣ смотрителя.

— Женская другая, отъ туда ходь. Вамъ развѣ женскую надо?

— Да, мнѣ женскую.

— Такъ вы бы тамъ говорили. А теперь нельзя.

— Какже быть. Нельзя ли? Мнѣ очень нужно, — сказалъ Нехлюдовъ.

Смотритель покачалъ головой.

— Нельзя, вѣдь теперь всѣ заперты здѣсь по счету.

— Да неужели нельзя? — говорилъ Нехлюдовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуя нѣкоторое облегченіе при мысли о томъ, что еще не сейчасъ объясненіе, а еще отсрочка. — Да неужели послѣ, когда выпустятъ, нельзя?

— Послѣ никакъ нельзя. Въ 12 запирается, и свиданія кончаются.

Смотритель посмотрѣлъ внимательно на Нехлюдова, какъ будто взвѣсивая, насколько онъ стоитъ того исключенія, которое онъ намѣревался сдѣлать, и, какъ будто рѣшивъ, что онъ стоитъ этаго, сказалъ:

– Ну, да что съ вами дѣлать, пожалуй, какъ исключенье. Сидоровъ, – обратился онъ къ красавцу, толстому вахтеру, – проводи вотъ ихъ въ женскую.

– Слушаю-съ.

И Нехлюдовъ, поблагодаривъ смотрителя, пошелъ за красавцемъ Сидоровымъ. Все было странно Нехлюдову, и страннѣе всего то, что ему приходилось благодарить и чувствовать себя обязаннымъ передъ однимъ изъ тѣхъ людей, которые дѣлаютъ это ужасное дѣло, какъ онъ думалъ теперь, запиранія людей, какъ звѣрей, за рѣшетками.

Вахтеръ отперъ огромную дверь, вывелъ Нехлюдова опять въ сѣни, гдѣ былъ Христоръ, сказалъ тутъ вахтеру, что одинъ изъ мужскихъ посѣтителей перечисляется въ женскіе, и повелъ его вверхъ по лѣстницѣ, тамъ опять отперъ тяжелую дверь и ввелъ его въ такую же комнату, раздѣленную на трое двумя рѣшетками. Тутъ было тоже самое, только тутъ были вмѣсто солдатъ женщины сторожихи, тоже въ мундирныхъ съ свѣтлыми пуговицами и погонахъ кофточкахъ, и тутъ было меньше заключенныхъ. Тутъ было ихъ всего 8. Одна старуха, говорившая, очевидно, съ сыномъ, одна цыганка, говорившая съ матерью, потомъ какая то толстая бѣлая дѣвка, говорившая съ нарядной дѣвицей, худая женщина съ ребенкомъ, двѣ, очевидно, крестьянки и она.

Въ первую минуту Нехлюдовъ не увидалъ ее, потому что ее загораживали говорившія у рѣшетки, она же стояла въ сторонѣ у окна.

– Вамъ кого нужно? – спросилъ его Вахтеръ.

– Катерину Маслову,¹⁴⁵ – едва могъ выговорить Нехлюдовъ.

– Катерина Маслова, къ тебѣ, – крикнулъ солдатъ.

Только тогда Нехлюдовъ увидалъ ее фигуру, отдѣлившуюся отъ окна, подлѣ котораго она стояла, загораживаемая цыганкой.

Она подошла къ рѣшеткѣ¹⁴⁶ съ правой стороны цыганки, Нехлюдовъ же былъ съ лѣвой стороны и поспѣшно перешелъ на мѣсто противъ нее. Онъ стоялъ прямо передъ ней и, хотя черезъ двѣ решетки, ясно видѣлъ выраженіе ея лица: оно было оживленное и любопытное.

– Катюша! это я, – проговорилъ онъ, не могъ договорить того, что хотѣлъ, и остановился, стараясь успокоиться.

– Кто же вы то? – сказала она улыбаясь, вглядываясь въ него и не узнавая, но, очевидно, довольная тѣмъ, что къ ней пришелъ посѣтитель и хорошо одѣтый.

– Я, Нехлюдовъ, Дмитрій Ивановичъ. Катюша!

«Да я дѣлаю то, что должно. Я каюсь», подумалъ онъ. И только что онъ подумалъ это, какъ слезы выступили ему на глаза и подступили къ горлу. Онъ не могъ больше говорить, схватился руками за рѣшетку и разрыдался.

Лицо ея усталое, безжизненное вдругъ освѣтилось мыслью, глаза загорѣлись, и даже румянецъ, не тотъ румянецъ, красный, яркій, который, бывало, заливалъ ея пухлыя дѣтскія милыя щеки, а слабый румянецъ, чуть пробившись сквозь нездоровую желтизну ея кожи, выступилъ на ея лицо, и она, схватившись руками за рѣшетку, приблизилась къ ней... И очевидно узнала. Но, узнавши, она тотчасъ же немного нахмурилась и отстранилась.

– Катюша! Узнала меня? – повторилъ онъ.

– Ну, узнала. Ну такъ чтожъ? – сказала она. – Дмитрій Ивановичъ,¹⁴⁷ уйдите!

---

¹⁴⁵ В подлиннике: Маслова,

¹⁴⁶ Зачеркнуто: и стала вглядываться, очевидно не узнавая. – Чего вамъ? – сказала она съ небрежностью, очевидно ни отъ чего и не отъ кого не ожидая ничего хорошаго.

¹⁴⁷ Зачеркнуто: зачѣмъ вы приходите? Уйдите вы прочь. И тогда васъ просила и теперь прошу.

Онъ не слышалъ хорошо, что она сказала, рядомъ кричала цыганка,¹⁴⁸ и для того чтобы сказать ей то, что онъ хотѣлъ сказать, надо было кричать.

«Какъ кричать при всѣхъ то, что я имѣю сказать», – подумалъ Нехлюдовъ, и тотчасъ же ему пришла мысль: «не постыдился тайно дѣлать мерзости, кайся при всѣхъ громко», и онъ громко заговорилъ:

– Я пришелъ затѣмъ, чтобы просить у тебя прощенья. Катюша, прости меня, я виноватъ передъ тобой. Такъ виноватъ, что ничѣмъ не могу заглавить вину, но всетаки прости меня.

Тутъ онъ не могъ дальше говорить, разрыдался и остановился.

– Не слышать, что говорите,¹⁴⁹ – прокричала она.¹⁵⁰

Нехлюдовъ былъ такъ взволнованъ, что не могъ ничего больше выговорить и отошелъ отъ рѣшетки, стараясь успокоиться.

Смотритель, тотъ самый, который пустил Нехлюдова въ женское отдѣленіе, очевидно заинтересованный имъ,¹⁵¹ пришелъ въ это отдѣленіе и, увидавъ Нехлюдова не у рѣшетки, спросилъ его, почему онъ не говорить съ той, съ кѣмъ ему нужно.

– Мнѣ нельзя сказать то, что я имѣю сказать, черезъ рѣшетку. Мнѣ нужно многое говорить съ нею. А ничего не слышно.¹⁵²

Опять смотритель задумался.

– Ну чтожъ, можно вывести ее сюда на время. Назарова, выведите Маслову наружу. Можете здѣсь говорить.

Черезъ минуту Катюша въ котахъ и халатѣ вышла своей все таки той же легкой и скромной походкой и, положивъ руку на руку, стала передъ нимъ¹⁵³ опустивъ глаза.

– Катюша, я пришелъ за тѣмъ, чтобы просить тебя простить, чтобы ты, если тебѣ не противно, если ты можешь, простить меня.¹⁵⁴

– Провѣдать пришли, – сказала она, какъ бы не понявъ того, что онъ говорилъ. – Вотъ я куда попала. Не ожидали, – прибавила она и улыбнулась.

– Катюша, развѣ ты не слышишь, что я говорю: я говорю: прости меня и пойдѣ за меня замужъ, – повторилъ онъ.

Она подняла потухшіе глаза и посмотрѣла на него съ любопытствомъ и безпокойствомъ: что то на мгновеніе заглохло въ ея взглядѣ.

– Вы все глупости говорите, – сказала она, – что жъ вы или лучше меня не нашли? Вы лучше деньжонокъ мнѣ дайте потихоньку. А то ни чаю, ни табаку нѣтъ. А я безъ табаку не могу.

Нехлюдовъ молча съ ужасомъ смотрѣлъ на нее.

– А то тутъ не заработаешь: вахтера тутъ плуты, норовятъ даромъ, – и она захохотала.

– Катюша, прости меня.¹⁵⁵ Я чувствую теперь, какъ я виноватъ передъ тобой.

– Что мнѣ прощать? – сказала она, покраснѣвъ и опять опустила голову. – Никто не виноватъ. Такая ужъ судьба моя.

И что онъ ни говорилъ ей, она только заглядывала на него изподлобья и молчала.

<«Она не можетъ простить, – думалъ Нехлюдовъ. – И разумѣется, слова не могутъ заглавить погубленной жизни. И она знаетъ это, но не хочетъ сказать мнѣ этаго».

¹⁴⁸ *Зач.*: но видѣлъ, что она жалѣетъ его.

¹⁴⁹ *Зач.*: прокричала она. – Да и нечего говорить. Все переговорено.

¹⁵⁰ *Зач.*: и отошла отъ рѣшетки къ окну.

¹⁵¹ *Зач.*: прошелъ мимо, глядя на него. Нехлюдовъ подаль ему записку губернатора.

¹⁵² *Зачеркнуто*: – Да что же вамъ, собственно, нужно? – Я имею намѣреніе жениться на этой женщинѣ. – Это можно, – сказалъ смотритель.

¹⁵³ *Зач.*: какъ всегда, улыбаясь глазами и готовая.

¹⁵⁴ *Зач.*: Чтобы ты вышла за меня замужъ. – Поздно, Дмитрій Ивановичъ. Не гоюсь я теперь, не то что вамъ, никому въ жены

¹⁵⁵ *Зач.*: Она закрыла лицо руками и заплакала.

А между [тѣмъ] Катюша думала совсѣмъ не о прошедшемъ. Она думала о теперешнемъ, сей часномъ своемъ положеніи. <Она радовалась тому, что Нехлюдовъ, баринъ, пришелъ къ ней, радовалась особенно тому, что для нея сдѣлали исключеніе, вывели.> Когда она узнала его, она удивилась и вспомнила свою любовь къ нему, какъ что то не только далекое, но такое, что когда то случилось съ какой то другой женщиной, а не съ нею. Воспоминаніе о томъ времени, какъ молнія, мелькнуло въ ея сознаніи, но тотчасъ же исчезло и замѣнилось желаніями настоящаго, а желанія эти были въ томъ, чтобы добыть кофей или чаю, сахару и, если можно, вина, а главное, табаку.

То что онъ говорилъ ей о прощеніи, о томъ, что онъ женится на ней, она¹⁵⁶ совсѣмъ не понимала. Она не вникала въ его положеніе, съ тѣмъ чтобы понять, чего ему нужно. Она ждала только того, чтобы онъ кончилъ, для того чтобы попросить у него денегъ.>

Въ то время какъ онъ говорилъ ей о томъ, какъ онъ мучался, когда, послѣ войны, вернувшись къ тетушкамъ, узналъ, что она отошла отъ нихъ и была беременна, она¹⁵⁷ перебила его.

– Все это прошло, и не помню я этаго ничего, – сказала она.

Онъ взялъ ея руку и пожалъ.

<– Ты мучалась одна, рожала, а я? Прости, прости меня.

– Что дѣлать? – сказала она, чтобы прекратить скорѣе бесполезный разговоръ и подойти къ тому, который нуженъ былъ.>

– И гдѣ же ребенокъ? – робко спросилъ Нехлюдовъ, глядя ей въ лицо.

– Тогда же померъ, – коротко отвѣтила она. – И не помню ничего. Все забыла. А вотъ что, вы мнѣ теперь дайте денегъ. Тутъ все купить можно. А безъ папироски мнѣ бѣда.

Нехлюдовъ отстранился и посмотрѣлъ на нее. Она робко улыбнулась, выставя пустое мѣсто между зубовъ.

– Привычка! – сказала она. – Лучше безъ ѣды буду.

– Сейчасъ, – сказалъ Нехлюдовъ, доставая бумажникъ.

– Это вы при всѣхъ зрителю дайте. Это тогда, когда насъ поведутъ: мои будутъ, а еще вы потихоньку, вотъ когда онъ отойдетъ, мнѣ дайте. Положите такъ на лавку, чтобы не видѣлъ. Вотъ, миленькій, спасибо.

«Боже мой, – думалъ Нехлюдовъ. – Гдѣ она? гдѣ та Катюша, которую я зналъ? Вѣдь это мертвая женщина, это ужасный живой изуродованный трупъ. И я сдѣлалъ это».¹⁵⁸

– Катюша! это я все сдѣлаю, но ты не сказала мнѣ главнаго. Ты не отвѣтила мнѣ на то, что я хочу жениться на тебѣ. Пойдешь ли ты за меня?

Она подняла голову и улыбнулась кривою улыбкой, скосивъ еще больше глаза.

– Да развѣ это можно?

– Разумѣется, можно. Не знаю, захочешь ли ты, но я только затѣмъ буду жить, чтобы облегчить твою жизнь, чтобы хоть чѣмъ нибудь заплатить за то, что я сдѣлалъ.

– Чтожь, если не смѣетесь. Отчего же. Мнѣ говорили, тутъ одна обвѣнчалась. А не знаете, когда отправка наша будетъ?

– Такъ ты пойдешь?

– Удивительный вы, – сказала она, покачавъ головой. – Чтожь вамъ такъ понадобилась такая, какъ я. – И она опять улыбнулась. – <Какъ же вѣдь я въ Сибирь пойду.

– И я пойду съ тобой.

---

¹⁵⁶ *Зачеркнуто:* не принимала серьезно, какъ всѣ тѣ слова, которыя она слышала отъ пьяныхъ гостей.

¹⁵⁷ *Зач.*: все думала о своемъ и, чтобы расположить его къ себѣ, подвинулась къ нему и рукавомъ слегка прижалась къ нему въ своемъ халатѣ. Это движеніе ея умилило его.

¹⁵⁸ *Зач.*: Но тѣмъ хуже. Нѣтъ, она не трупъ, она должна проснуться.

Все ее существо было поглощено желаніем куренья и вина. Все, что онъ говорилъ ей, она понимала, но не связывала это съ своимъ и его положеніемъ, не связывала этого съ прошедшимъ.

– Чудно это что то, – сказала она.>

Она была безобразна въ своемъ халатѣ, съ этимъ желтымъ цвѣтомъ лица и синевою подъ глазами, главное же, она отталкивала своей душевной мертвенностью, отсутствіемъ всякой духовной жизни. Она казалась полудиоткой. Но, удивительное дѣло, Нехлюдова это не только не отталкивало, но еще больше, какой то особенной новой силой притягивало къ ней. Онъ чувствовалъ, что ему должно разбудить, зажечь, хотя бы согрѣть ее своей любовью. Если даже не согрѣть, то сдѣлать все что можно, чтобы согрѣть и воскресить ее. И любовь его къ ней росла, именно потому, что онъ ничего не желалъ себѣ отъ нея, а желалъ только для нея, желалъ всего себя отдать для нея.

– Я знаю, какая ты, помню тебя, помню твое сердце тогда, когда мы въ первый разъ видѣлись у тетушки.

– Что вспоминать, – сказала она, и на щекѣ ее дрогнуло что то.

– И мнѣ лучше тебя не надо жены, – продолжалъ Нехлюдовъ, – не то что лучше не надо, а я не стою тебя.

– Ну, это ваше дѣло, – сказала она, опять овладѣвъ собой, тѣмъ же ровнымъ, почти идиотскимъ голосомъ. – Давайте теперь, – быстро оглянувшись, проговорила она, замѣтивъ, что смотритель отошелъ на другой конецъ комнаты.

Нехлюдовъ досталъ двѣ 3-хъ рублевые бумажки и положилъ ей въ руку.

– Вотъ это хорошо, – сказала она, робкимъ воровскимъ жестомъ пряча бумажки въ рукавъ. – Приходите опять въ четвергъ. Поскорѣй бы сослали. А то вахтеры здѣсь такіе – пристають.

Скоро послѣ этого къ нимъ подошелъ смотритель и потребовалъ Катюшу за рѣшетку. Нехлюдовъ былъ минуту въ сомнѣніи, какъ проститься съ ней: поцѣловаться или пожать только руку. Она стояла передъ нимъ сложивъ руки и ожидая. Онъ вспыхнулъ, она тоже покраснѣла, также, какъ 14 лѣтъ тому назадъ за кустомъ сирени, но стыдъ этотъ былъ совсѣмъ другой, чѣмъ тотъ. Думалось и то, что надо поцѣловать, чтобы она не думала, что я не хочу, и ставлю ей въ вину ее позоръ. И она думала тоже. Думалось и то, что поцѣлуй можетъ навести на мысль о тѣхъ отношеніяхъ, которыя, несмотря на женитьбу, не должны быть, думалось и то, что совѣстно при всѣхъ этихъ людяхъ. И онъ рѣшилъ, что не надо, и пожалъ ее руку. Рука была та же твердая и пріятная.

– Прощай, Катюша, скоро буду.

Скоро зашумѣли арестанты, съ звономъ цѣпей выходя изъ за рѣшетки, и посѣтители стали выходить, и опять вахтера, выпуская, въ двѣ руки считали ихъ, чтобы не вышелъ лишній и не остался въ тюрьмѣ.

Прежде чѣмъ ѣхать домой, Нехлюдовъ пошелъ къ смотрителю и спросилъ о всѣхъ тѣхъ формальностяхъ, которые нужно исполнить для того, чтобы жениться на приговоренной. Формальностей оказалось очень много. Нехлюдовъ записалъ ихъ всѣ и въ тотъ же день принялся за исполненіе ихъ.

–

Изъ Москвы уже всѣ уѣхали, уѣхали и Кармалины, очень недовольные Нехлюдовымъ, и Нехлюдовъ оставался одинъ съ нянюшкой въ своей большой квартирѣ, ожидая окончанія формальностей для вступленія въ бракъ и отправленія вмѣстѣ съ партіей въ Сибирь. Вѣнчанье было назначено на 6 Іюня, а на 9 Іюня отправка партіи.

Чѣмъ больше проходило времени со времени рѣшенія Нехлюдова, тѣмъ больше онъ утверждался въ немъ и не только не раскаивался, но испытывалъ новое чувство радости и энергіи. Катюша была все также мертва и непривлекательна, но именно эта непривлекательность,

отвратительность ея только увеличивала въ немъ его чистую любовь къ ней, не ждущую ни отъ нея, ни отъ кого бы то ни было какойнибудь награды, любовь, ищущую радости и блага не себѣ, а другимъ. Онъ испытывалъ чувство подобное тому, которое бы испытывалъ человѣкъ, отогрѣвая замерзшаго друга. Съ каждымъ днемъ и часомъ онъ чувствовалъ, какъ разгорается все больше и больше тепло въ его душѣ, и это увеличеніе тепла, т. е. любви, не то чтобы радовало его — радости тутъ не было, напротивъ, тяжелое, напряженное чувство, — но удовлетворяло его, давало ему сознаніе того, что онъ дѣлаетъ то, что нужно дѣлать и лучше чего онъ ничего не можетъ дѣлать. Удастся ему пробудить въ ней жизнь,¹⁵⁹ вызвать въ ней всѣ лучшія воспоминанія ея чистой жизни, вызвать въ ней хоть не любовь, но сочувствіе къ себѣ, это будетъ огромное, сверхъ должное счастье, не удастся, и она останется такою и его женою, онъ все также будетъ окружать ее заботой и любовью, и ему будетъ также хорошо. Кромѣ приготовления къ женитьбѣ, это послѣднее время Нехлюдова занимали и его проекты освобожденія себя отъ земельного рабовладѣльчества.

Проектъ его былъ готовъ, и въ ближнюю Рязанскую деревню, въ то самое, унаслѣдованное ему отъ тетушекъ имѣніе онъ съѣздилъ самъ, чтобы написать съ крестьянами условіе, въ дальнія деревни Нижегородскія и Самарскія онъ писалъ,¹⁶⁰ что пріѣдетъ тогда, когда будетъ отправлена партія, т. е. въ Іюль. Въ Рязанской губерніи у него было 800 десятинъ прекрасной черноземной земли. Едва ли гдѣ въ Россіи была лучшая земля и едва ли тоже гдѣ въ Россіи народъ находился въ худшей нищетѣ, бѣдности и униженіи. Рабство земельное, и ужасное, жестокое рабство, было здѣсь совершенно очевидно.

Тогда, 14 лѣтъ тому назадъ, когда онъ гостилъ у тетушекъ, онъ ничего не видалъ этаго. Земли были всѣ захвачены дворянами,¹⁶¹ и крестьянамъ отдана только самая малая и худшая часть, такъ что теперь, 30 лѣтъ послѣ освобожденія, при кое гдѣ удвоившемся населении, крестьянамъ кормиться съ своихъ надѣловъ было невозможно: недоставало хлѣба на полгода. Уйти, переселиться крестьянамъ воспрещалось, — тогда правительство было противъ переселеній, — такъ что крестьяне волей-неволей должны были закабаляться помѣщикамъ, чтобы работать на нихъ или нанимать землю по 15, 20 рублей за десятину или обрабатывать по 4 рубля серебромъ сороковую десятину. Голода, признаннаго голода тогда еще не было, но Нехлюдовъ теперь, съ своей точки зрѣнія земельного рабства глядя на крестьянъ этой мѣстности, былъ пораженъ ихъ нищетой.¹⁶² Держались только тѣ, которые могли отпускать своихъ работниковъ въ города въ каменщики, плотники, дворники, и богачи, закабальвашіе себѣ бѣдняковъ и захватывавшіе ихъ земли.

Проектъ Нехлюдова, который онъ сообщилъ собраннымъ крестьянамъ изъ трехъ деревень, къ которымъ примыкала его земля, былъ принятъ сначала недовѣрчиво и даже враждебно. Всѣ выслушали молча, и на другой день пришли выбранные отъ одной изъ деревень, самой большой и богатой, съ предложеніемъ отдать имъ землю просто по старому, въ наймы и дороже, чѣмъ онъ назначалъ, — онъ назначалъ по 6 рублей въ кругъ, а они давали 8, — но только безъ всякихъ новостей, а по старому. Купецъ мельникъ, съ своей стороны, давалъ по прежнему по 9 рублей. Нехлюдовъ отказалъ и опять собралъ крестьянъ, не всѣхъ, но болѣе умственныхъ, къ себѣ вечеромъ. Онъ жилъ въ маленькомъ флигелькѣ-конторѣ, но для этаго случая открылъ домъ и, угашивая мужиковъ чаемъ въ тетушкиномъ залѣ, — собралось около 20 человѣкъ, — высказалъ имъ свой взглядъ на грѣхъ и незаконность собственности земли, описалъ имъ ихъ положеніе рабства такъ вѣрно, что нѣкоторые, болѣе смѣлые, разогрѣтые чаемъ, разговорились, и вдругъ прорвалось все то постоянно живущее въ народѣ негодованіе на ту кабалу, въ

¹⁵⁹ *Зачеркнуто:* отгучить ее отъ вина и папиросъ,

¹⁶⁰ *Зачеркнуто:* приглашая пріѣхать къ себѣ уполномоченныхъ отъ общества.

¹⁶¹ *Зач.*: и частью перепроданы или отданы въ аренду купцамъ,

¹⁶² *Зач.*: Были кое гдѣ богатые крестьяне, но большинство были нищіе.

которую они пойманы. «Ни прутика лѣса, ни травы, за ботву картофельную платимъ по 5 рублей или десятину обработать, ни пастбища. Земли всѣ за 5 верстъ, а на барскую внесли цѣну такъ, что не оправдываетъ. Веревки вяжутъ изъ насъ какъ хотятъ. Хуже барщины».

Когда они высказались, Нехлюдовъ сталъ спрашивать, какъ бы они думали устроить.

— Ну, если бы Царь сказалъ: «дѣляйте съ землей какъ хотите», какъ бы вы сдѣляли?

— Какъ сдѣляли? Раздѣлили бы всю по душамъ, что мужику, что барину, всѣмъ по ровну.

Всѣ согласились съ этимъ проэктомъ, но Нехлюдовъ сталъ указывать на неудобство его. Если всѣмъ раздѣлить, всѣ господа, лакеи, повара, чиновники, писцы, всѣ городскіе люди возьмутъ свои пай, а богачи скупаютъ у нихъ. А у тѣхъ, которые на своей долѣ, опять народится народъ, и опять богачи заберутъ крестьянъ въ руки.

— Запретить, чтобы не продавали землю, а только кто самъ пашетъ.

И на это Нехлюдовъ возразилъ, что усмотрѣть нельзя будетъ, кто для себя пашетъ, кто для другого. Главное же, нельзя равно раздѣлить:

— За что однимъ вамъ будетъ черноземъ, а Московскимъ глина или песокъ? Всѣ сюда захотятъ.

Еще одинъ предложилъ устроить такъ, чтобы всѣмъ артелью пахать. И кто пашетъ, на того и дѣлить.

И этотъ коммунистическій проэктъ легко было разбить тѣмъ, что для этого порядка надо, чтобы всѣ люди по совѣсти работали, не отставали, или много начальниковъ надо. А въ начальники некого поставить.

Крестьяне согласились. Тогда Нехлюдовъ объяснилъ имъ проэктъ единой подати. Земля ничья, Божья.

— Это такъ, — отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Есть земли лучше и хуже. И на хорошую всѣ лѣзутъ. Какъ же быть, чтобы уравнивать? А такъ, чтобы тотъ, кто будетъ владѣть хорошей, платилъ бы тѣмъ, которые¹⁶³ не владѣютъ землей, то, что его земля стоитъ. А такъ какъ трудно распределить, кто кому долженъ платить, и такъ какъ на общественныя нужды деньги собирать нужно, то и сдѣлать такъ, чтобы тотъ, кто владѣетъ землей, платилъ въ общество на всякія нужды то, что земля стоитъ. Такъ всѣмъ ровно будетъ. Хочешь владѣть землей, плати. А не хочешь владѣть, ничего не платишь, а подать на общественныя нужды за тебя платятъ тѣ, кто землею владѣетъ.

— Такъ точно, правильно будетъ, только бы плата была посильная.

— А плата должна быть такая, чтобы было въ самый разъ: не дорого и не дешево. Если дорого, то не выплачивать, и убытки будутъ, а если дешево, всѣ кинутся, перекупать другъ у друга будутъ, торговать землею будутъ. Вотъ это самое я хотѣлъ сдѣлать у васъ.

Черезъ нѣсколько дней крестьяне сами пришли къ Нехлюдову и согласились на его условія.

На согласіе это имѣло вліяніе то, что, во 1-хъ, три дня крестьяне всѣхъ трехъ деревень каждый вечеръ собирались и толковали о предстоящемъ дѣлѣ; во 2-хъ, то, что мельникъ грозилъ снять землю, хоть по 10 рублей заплатить, въ 3-ихъ, и главное, то, что между крестьянами прошелъ слухъ, не лишенный основанія, что къ Нехлюдову пріѣзжалъ отъ Губернатора исправникъ съ требованіемъ прекратить свои сношенія съ крестьянами, производящія въ народѣ волненія.

«Если начальство противъ него, значить, онъ за насъ», рѣшили крестьяне и согласились; такъ что домашнее условіе было подписано, и Нехлюдовъ уѣхалъ назадъ въ Москву съ радостнымъ сознаніемъ удачи, т. е. осуществленія того, что было ему ясно теоретически, но за практическое осуществленіе чего онъ очень боялся. «Если здѣсь удалось, то, вѣроятно, удастся и въ Нижнемъ и въ Самарѣ», думалъ онъ.

---

¹⁶³ Зачеркнуто: владѣютъ худшей или вовсе

Одно, что смущало его немного, несмотря на непрерывающую радость сознанія того, что онъ дѣлаетъ то самое, что должно, было то, что, привыкнувъ къ роскошной жизни, онъ останется теперь безъ состоянія и съ женою, которая рассчитываетъ на то, что онъ богатъ, и положеніе которой, почти душевной болѣзни, можетъ потребовать расходовъ. И это его затрудненіе разрѣшилось тутъ же. Въ имѣніи былъ домъ и картофельный заводъ. Онъ не зналъ, что дѣлать и съ тѣмъ и съ другимъ. И тутъ появился покупатель на заводъ и домъ, и то и другое на свозъ, за который ему заплатили 12 тысячъ. Этихъ денегъ ему было, какъ онъ думалъ, нетолько достаточно, но съ излишкомъ довольно для путешествія и устройства въ новомъ мѣстѣ и изданія той книги о земельной собственности, которую онъ теперь намѣренъ былъ кончить.

Въ послѣдніе дни своего пребыванія въ Пановѣ Нехлюдовъ пошелъ въ домъ и занялся перебираниемъ оставшихся вещей. Многое изъ дома еще прежде было увезено, но много еще оставалось хорошихъ старинныхъ вещей, который прежде такъ цѣнили Нехлюдовъ.

Теперь онъ самъ на себя удивлялся тому, какъ совершенно исчезло для него значеніе всѣхъ этихъ вещей. Прежде ему бы обидно было думать, что мужику Бѣляеву достанутся эти кресла краснаго дерева съ золочеными лирами и такіе же столъ и шифоньерка съ брюхомъ и съ бронзовыми львиными головами, держащими кольца; теперь все это отошло куда то далеко-далеко назадъ, впереди было открытое, радостное, полное несомнѣннаго дѣла будущее; сердечное дѣло обновленія, оживленія Катюши и работа – изученіе земельного вопроса. Точно онъ смотрѣлъ прежде внизъ или даже назадъ и оттого видѣлъ все это, а теперь поднималъ голову вверхъ, и открылись огромные горизонты, а то все перестало быть виднымъ.

Смотрѣлъ онъ и перебиралъ шифоньерку Софьи Ивановны только для того, что надѣялся найти тамъ что нибудь о Катюшѣ. Въ нижнемъ ящикѣ было много писемъ. О Катюшѣ ничего не было. Только отвѣтъ пріятельницы Софьи Ивановны, въ которомъ говорилось о неблагодарности этой жалкой дѣвушки, такъ дурно отплатившей вамъ за вашу любовь. Въ письмахъ ничего не было, но въ нижнемъ ящикѣ, среди всякаго сброда старыхъ портфелей, преспапье, очковъ, какихъ то коробочекъ, въ книжкѣ записной Нехлюдовъ нашелъ старую выцвѣтшую фотографію. Это была группа, которую снялъ тогда сосѣдъ любитель. На терассѣ сидѣли обѣ тетушки, у ногъ ихъ сидѣлъ на ступенькѣ лѣстницы молодой съ вьющимися длинными волосами, безъ усовъ и бороды, 17 лѣтній юноша съ добрымъ, веселымъ и чистымъ лицомъ. Позади, между плечами обоихъ тетушекъ, въ бѣломъ фартучкѣ стояла дѣвочка и чуть держалась отъ смѣха. Дѣвочка была прелестна. И это была Катюша. «Покажу ей», подумалъ Нехлюдовъ и взялъ группу.

—

Окончивъ успѣшно свое дѣло, Нехлюдовъ послѣ 5-дневнаго отсутствія вернулся въ Москву.¹⁶⁴

Помывшись и переодѣвшись, онъ побѣжалъ въ тюрьму. Катюша была все въ томъ же состояніи. Когда онъ рассказывалъ ей про Паново, она какъ будто сердилась и на всякіе воспоминанія Нехлюдова говорила:

— Не помню, ничего не помню. Все забыла.

Группу она не стала смотрѣть. Но Нехлюдовъ всетаки оставилъ ее у нея. Она жила теперь, по ходатайству Нехлюдова, въ отдѣльной камерѣ.

На другой день онъ опять побѣжалъ къ ней. Было воскресенье, 5 Іюня. Было яркое лѣтнее утро. Было страшно жарко по раскаленнымъ улицамъ, и только по тѣнистой сторонѣ можно было дышать. Въ магазинахъ, въ чистыхъ окнахъ, краснѣли апельсины и необыкновенной формы бутылки, городовые унылые въ лѣтнихъ небѣленныхъ мундирахъ стояли на солнцѣ посреди улицъ, извозчики пыльные дремали въ своихъ смятыхъ шляпкахъ и синихъ халатахъ,

¹⁶⁴ *Зачеркнуто:* Квартира его уже была сдана, но онъ <остановился въ гостинницѣ недалеко отъ Бутырской тюрьмы> и жилъ еще въ ней.

изрѣдка пролетала коляска на шинахъ съ какой то дамой. Конки, тоже съ кондукторомъ въ небѣленомъ и съ прикрытыми головами и ушами лошадей шапочками, позванивали на встрѣчахъ, молодой человѣкъ шелъ въ очевидно ссѣвшихъ отъ мытья бѣлыхъ канифасовыхъ панталонахъ, обтягивающихъ ему ляжки. Дама или некрасивая дѣвица, вся въ розовомъ, съ зонтикомъ съ бахромой и съ открытой шеей, переходила улицу съ сознаниемъ своей, обращающей на себя вниманіе нарядности.¹⁶⁵

Въ воротахъ великолѣпнаго дома съ замазанными известью стеклами сидѣлъ въ одной рубахѣ дворникъ, любуясь на дѣтей, играющихъ въ лошадки. Въ открытыя окна видна богатая квартира съ закутанными люстрами и чехлами на мебели. По раскаленной мостовой везетъ въ ящикѣ мороженое пыльный мужикъ. На бульварахъ дѣти въ серсо. Изъ за заборовъ помахиваютъ въ полномъ листу вѣтви тополя, липы. Тамъ чудный садъ, а тутъ мостовщики лежатъ на солнцѣ въ пыли. Идетъ въ китайской палевой легкой матеріи упитанный господинъ въ прюнелевыхъ башмачкахъ и за нимъ нищій; босой золоторотецъ съ красной опухшей щекой и съ одной распоранной выше колѣна соплей розовыхъ полосатыхъ штановъ.

Жарко. Нехлюдовъ идетъ тротуаромъ, улицами, наблюдая и ни о чемъ не думая. Идетъ онъ, какъ всегда, въ острогъ, чтобъ увидать ее и сговориться съ священникомъ о днѣ вѣнчанія. Это дѣло уже такъ рѣшено у него, что сомнѣній уже нѣтъ никакихъ, и онъ обдумываетъ только, какъ лучше сдѣлать это. Людей изъ своего прежняго круга онъ теперь никого не видитъ. И Москва, лѣтомъ въ которой онъ прежде никогда не бывалъ, въ это время кажется ему той самой пустыней, которую ему нужно въ его теперешнемъ настроеніи.

Съ Кармалиными онъ не видѣлся съ тѣхъ поръ и разъ только отвѣтилъ на письмо, которое ему написала Алина, въ которомъ говорила, что желаетъ ему счастья на его новомъ пути, что хотя она и не понимаетъ его дѣла, она знаетъ его и увѣрена, что дѣло, которому онъ отдаетъ свои силы, хорошее дѣло, и потому желаетъ ему успѣха. Но вотъ въ концѣ Долгоруковской улицы кто-то остановилъ извозчика и соскочилъ къ нему.

Высокій офицеръ въ очкахъ. Орнатовъ – узнаетъ его Нехлюдовъ. Скучный болтунъ, кутила, со всѣми другъ, бывший товарищъ его и по университету и по военной службѣ.

– Нехлюдовъ, ты какъ здѣсь?

– Да у меня дѣло тутъ. Здравствуй. Ты какъ?

– Я и всегда тебѣ радъ, но теперь, въ Москвѣ, тѣмъ паче. Чтожъ, обѣдаемъ вмѣстѣ? Гдѣ хочешь? Въ кабачкѣ какомъ нибудь. У меня дѣла по опеку. Я опекуномъ вѣдь.

Оказывалось, что этотъ безпутный человѣкъ, именно потому что онъ прожилъ все свое состояніе, былъ назначенъ опекуномъ надъ состояніемъ богача.

И лицо полупьяное, и тотчасъ же папироска, и эта опека, и планы, гдѣ бы выпить и поѣсть, и болтовня, и полное равнодушіе ко всему, и мнимое товарищеское добродушіе – все это такъ далеко ужъ было отъ сознанія Нехлюдова, что онъ, какъ новое, слушалъ Орнатова.

– Да, да вѣдь ты что то въ острогѣ женишься на преступницѣ. Мнѣ Кармалины говорили. Что такое? Расскажи. Вѣдь ты всегда чудакъ былъ.

– Да, да все это правда, но только мнѣ некогда, я туда, въ острогъ и иду. Ты не сердись на меня, но знаешь, наша жизнь совсѣмъ теперь врозь. Ты, пожалуйста, не сердись, но это такъ.

– Вотъ, сердиться. И почему ты думаешь, что я тебя не пойму? Ты напрасно думаешь, что я такой. Ну, впрочемъ, прощай. – Покупка у тебя? – сказалъ онъ извозчику. – Ну, прощай. Жалко. *A revoir.*¹⁶⁶

Встрѣча эта скорѣе пріятна, чѣмъ непріятна была Нехлюдову, показавъ ему то разстояніе, которое положено теперь между собою и прежними своими знакомыми. Тяжело было, что не было никакихъ знакомыхъ теперь, не было людей, съ которыми бы онъ могъ дѣлать свои

¹⁶⁵ В подлиннике: нарядностью.

¹⁶⁶ [До свиданья.]

мысли и чувства. Катюша оставалась чуждою, мертвою, а кромѣ ея никого не было. Правда, начинали складываться знакомства въ самомъ острогѣ. И знакомства эти были пріятны ему. Были и просто уголовные, были и политическіе, съ нѣкоторыми изъ которыхъ онъ, помогая имъ, вошелъ въ сношеніе.

Придя обычной уже дорогой, разгоряченный и пыльный, онъ постучалъ въ дверь, и когда его впустили въ прохладные сѣни подъ своды, онъ почувствовалъ удовольствіе и прохлады и того, что онъ въ своемъ мѣстѣ, въ томъ, что ему теперь вмѣсто дома.

Онъ вошелъ на верхъ и подошелъ коридоромъ къ Катюшиной двери. Вахтеръ съ ключемъ шелъ за нимъ.

– Что то нездорова она, чтоль, ничего не ѣла со вчерашняго дня, – сказалъ вахтеръ.

Они подошли къ двери. Сквозь рѣшетку можно было видѣть камеру. Катюша была одѣта теперь уже не въ арестантскій халатъ, а въ полосатой сѣрой кофтѣ, которую она сама купила и заказала себѣ (она сама, несмотря на всѣ уговоры Нехлюдова, ничего не работала), голова ея была причесана по модѣ, на талии былъ широкій поясъ.

Нехлюдовъ тихо подошелъ и посмотрѣлъ на нее сквозь рѣшетку. Она сидѣла неподвижно, повалившись руками на столъ и спрятавъ голову въ руки.

Едва ли она спала. Не было ровнаго дыханья. Нехлюдовъ все-таки не окликнулъ ее, не желая будить, если она спитъ. Вахтеръ, гремя замкомъ, сталъ отпирать дверь, но шумъ этотъ не заставилъ ее измѣнить своего положенія. Когда дверь отворилась, и Нехлюдовъ вошелъ, она на минуту приподняла голову, взглянула на вошедшего и тотчасъ же опять спрятала лицо, но теперь она уже не лежала спокойно, а все тѣло ея вздрагивало отъ сдерживаемыхъ рыданій.

– Катюша! Что съ тобой? – спросилъ Нехлюдовъ, волнуясь не менѣе ее и чувствуя, какъ слезы подступаютъ ему къ горлу. – Катюша! Что ты?

Она не отвѣтила, но рыданія вырвались наружу, и она вся затряслась.

– Что ты? Что?

Она не отвѣтила, не поднялась со стола, но только, выпроставъ лѣвую руку, вытянула ее назадъ къ нему, показывая ему фотографію, которую онъ оставилъ ей вчера.

– Зачѣмъ вы показали мнѣ, – заговорила она сквозь рыданія. Что вы со мной сдѣлали? Зачѣмъ? Не хотѣла я помнить. Не хотѣла. А теперь что дѣлать?

– Теперь будемъ любить другъ друга, Катя, какіе мы есть, – едва выговорилъ сквозь радостныя слезы Нехлюдовъ.

– Да ужъ того нѣтъ и не будетъ. И развѣ можно меня любить?

– Можно, можно, можно.

– Нѣтъ, нельзя. – Она встала, слезы текли по ея щекамъ, и выраженіе лица было печальное, но живое.

– Нельзя забыть, Дмитрій Ивановичъ, что я была и что я теперь. Нельзя этого, – и она опять зарыдала.

– Ты была моей женой и будешь такой. И не тебѣ каяться, а мнѣ. И Богъ видитъ, какъ я каялся и каюсь.

Она поднялась и пристально долго смотрѣла на него.

– Зачѣмъ вы это хотите дѣлать? Меня не спасете, а себя погубите. Ничего не выйдетъ изъ этого, бросьте вы меня.

– Не могу я, моя жизнь въ тебѣ. И вотъ то, что ты говоришь такъ, что ты очнулась, это такая радость мнѣ.

– Какая это радость? Вотъ была радость тогда.

Она взяла въ руки фотографію и стала вглядываться въ нее.

– Тогда была радость. Вы такой же. А я что? Гдѣ я? Нѣтъ, Дмитрій Ивановичъ, голубчикъ, бросьте меня. Я не могу такъ жить. Я повѣшусь или сопьюсь. Пока не думаю о прежнемъ, могу жить. А какъ вздумую...

– Зачѣмъ думать о прежнемъ? Катюша, помнишь, мы съ тобой говорили о Богѣ. Вѣришь ли ты въ Бога, что Богъ милосердъ...

– Прежде вѣрила.

– И теперь вѣришь. Такъ вотъ Богъ видитъ наши души и хочетъ отъ насъ только того, чтобы мы были добры, чтобы мы служили Ему. И какъ только мы станемъ на этотъ путь, такъ все прошлое ужъ прощено. Давай жить для Бога. Я хочу такъ жить, но хочу жить такъ съ тобой.

– И за что вы меня такъ любите? – вдругъ сказала она и улыбнулась.

– За то, что виноватъ передъ тобой.

Это была первая минута пробужденія Катюши. Но пробужденіе это не дало ей успокоенія. Напротивъ, она теперь начала мучаться больше, чѣмъ прежде. Мысль о томъ, что Нехлюдовъ, женившись на ней, погубить свою жизнь, страшно удручала ее.

На другой день послѣ этаго разговора, когда Нехлюдовъ пришелъ въ острогъ, его не пустили къ Катюшѣ, потому что она сидѣла въ карцерѣ. Она достала вина, напилась пьяна и такъ шумѣла и буянила, что ее посадили въ карцеръ.

На другой день она успокоилась и хорошо и долго говорила съ Нехлюдовымъ и о прошедшемъ и о будущемъ и общала больше не пить и, по его совѣту, согласилась работать. Читать же она не могла и не хотѣла.

– Не могу я, Дмитрій Ивановичъ, читать эти повѣсти и романы. Все это такъ мало въ сравненіи съ моею жизнью. Какъ подумаю о себѣ, что съ этимъ сравнится.

Съ этаго дня положеніе ея стало улучшаться. Она стала спокойнѣе и проще.

Послѣ Петрова дня ихъ обвѣнчали въ острожной церкви, а въ срединѣ Іюля партія, въ которой была Катюша, отправилась въ Нижній.

Нехлюдовъ впередъ поѣхалъ въ Нижній и Самару, чтобы тамъ устроить свои дѣла и соединиться къ партіи въ Тюмени.¹⁶⁷ Такъ онъ и сдѣлалъ. И въ Тюмени поступилъ въ острогъ и уже какъ арестантъ ѣхалъ сначала водой, потомъ сухимъ путемъ до Троицко Савска, гдѣ его выпустили, и онъ съ женою поселился въ предмѣстіи города.

–

Планы Нехлюдова далеко не осуществились. Устройство сада и огорода, въ которомъ бы онъ самъ работалъ, не удалось ему. Не удалось потому, что часть его времени была занята перепиской съ проповѣдниками идеи освобожденія отъ земельного рабства какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ, другая же часть – сочиненіемъ книги о земельной собственности и кромѣ того обученіемъ дѣтей, которые приходили къ нему. Такъ что огородомъ и садомъ онъ могъ заниматься мало и передалъ это дѣло работнику и женѣ. Катюша со времени поселенія своего, кромѣ домашняго хозяйства, много читала и училась и, понявъ дѣло своего мужа, помогала ему и гордилась имъ. Средства Нехлюдова, его 12 тысячъ, съ устройствомъ домика, помощью нуждающимся и затратой на печатаніе брошюръ и книгъ, которыя всѣ запрещались цензурой, скоро истощились. Такъ что онъ долженъ былъ добывать себѣ средства жизни, что онъ и дѣлалъ, садомъ и огородомъ и статьями въ русскихъ и заграничныхъ изданіяхъ. Скоро однако дѣятельность его показалась правительству столь вредной, что его рѣшили сослать въ Амурскую область. Лишенный средствъ существованія и угрожаемый еще худшей ссылкой, Нехлюдовъ воспользовался представившимся случаемъ и бѣжалъ съ женою за границу. Теперь онъ живетъ въ Лондонѣ съ женою, прошедшее которой никто не знаетъ, и, пользуясь уваженіемъ своихъ единомышленниковъ, усердно работаетъ въ дѣлѣ уясненія и распространенія идеи единой подати.

Л. Т. 1 Іюль 1895.

---

¹⁶⁷ В подлиннике: Тюмень

[ВАРИАНТЫ ОТДЕЛЬНЫХ РЕДАКЦИЙ]

(Печатаются в пределах каждой редакции применительно к порядку повествования в окончательной редакции романа.)

2-я РЕДАКЦИЯ.

** № 1 (рук. № 9).

Воскресенье.

Было 28 апрѣля. Въ воздухѣ была весна. И какъ не старались люди изуродовать ту землю, на которой они жались нѣсколько сотъ тысячъ, какъ ни забивали камнями землю, чтобы ничего не росло на ней, какъ ни счищали всякую пробивающуюся травку, какъ ни дымили каменнымъ углемъ и нефтью, какъ ни обрѣзывали деревья и не выгоняли животныхъ, птицъ, – весна была весною даже и въ Москвѣ. Солнце грѣло, воздухъ ласкалъ, трава курчавилась и зеленѣла вездѣ, гдѣ только не соскребали ее, березы, тополи, черемуха распускали свои клейкіе и пахучіе листья, липа надувала лопавшіеся почки. Кромѣ галокъ, воробьевъ и домашнихъ голубей, по весеннему радостно готовящихся ужъ гнѣзда, въ сады уже прилетѣла отлетная птица, скворцы занимали свои домики. Веселы были и животные, и люди, и въ особенности дѣти.

Было ясное, яркое весеннее утро, когда въ Таганской тюрьмѣ, въ коридоръ женскаго подслѣдственнаго отдѣленія, гремя ружьями, вошелъ конвой, и вахтеръ, растворивъ дверь одной изъ камеръ, потребовалъ Маслову.

– Готова, что-ль, франтиха? Собирайся! – крикнулъ онъ.

Изъ двери камеры, гдѣ ихъ было болѣе 10 женщинъ, вошла невысокая молодая женщина въ сѣромъ халатѣ, надѣтомъ на бѣлую кофту и бѣлую юбку. На ногахъ женщины были полотняные чулки, голова была повязана бѣлой косынкой, но такъ, что изъ подъ нея виднѣлись очень черные волосы, красиво обрамлявшіе бѣлый, гладкій, невысокій лобъ. Лицо у женщины было измученное и болѣзненное; немного подпухшіе черные глаза косили; но,¹⁶⁸ несмотря на это, женщина была не лишена привлекательности, если бы не болѣзненная блѣдность и тупое,¹⁶⁹ унылое выраженіе лица.

– Ну съ Богомъ! Часъ добрый, – сказала ей, провожая ее, высокая старуха арестантка.

– Спасибо, не давай же имъ сундучка трогать.

– Не дамъ.

– Ну, ну, маршъ! – крикнулъ вахтеръ.

Женщина вышла. Изъ сосѣдней камеры выведена была другая женщина. Въ мужскомъ отдѣленіи, внизу, вывели еще мужчину, и ихъ всѣхъ троихъ свели въ контору и повели по улицамъ въ Кремль, въ Окружный Судъ.

Дѣло ихъ слушалось въ нынѣшнее утро.

Женщина эта, Маслова, была проститутка и обвинялась въ отравленіи купца. Другая женщина и мужчина – ея сообщники.¹⁷⁰

---

¹⁶⁸ *Зачеркнуто:* видно было, что она была очень красива и теперь еще,

¹⁶⁹ *Зач.*: почти безмы[сленное]

¹⁷⁰ *Зач.*: Катерина Маслова была воспитанница двухъ старыхъ дѣвъ помѣщицъ – Катерины Ивановны и Софьи Ивановны Юшенцовыхъ. Она получила нѣкоторое образованіе, хорошо читала и писала и одно время готовилась въ гимназію.

И ихъ повели по Москвѣ, по срединѣ улицы. Извозчики, лавочники, рѣдкіе прохожіе съ любопытствомъ смотрѣли на нихъ и невольно больше останавливали вниманіе на красивой, миловидной Масловой.

Она шла опустивъ голову, стараясь ступать легче по камнямъ, отвыкшими отъ ходьбы ногами. Утро было красивое, весеннее, веселое.

Исторія Масловой была старая, самая обыкновенная исторія.

Дѣдъ Масловой былъ дворовый портной, пьяница; жена его, бабка, была прачка господъ Юханцевыхъ Рязанской губерніи.

Портной былъ пьяница,¹⁷¹ и семья его пропала бы, потому что онъ все пропивалъ съ себя, если бы Пелагея, жена¹⁷² его, которую господа оставили у себя въ прачкахъ, не работала до старости. Одну изъ дочерей своихъ, самую плохую, Пелагея оставила при себѣ прачешничать. Вотъ эта то плохая, болѣзненная дѣвушка родила. Мать была ее и хотѣла отослать ребенка, дѣвочку, въ воспитательный домъ, но случилось, что барышни узнали про это и взяли дѣвочку къ себѣ. Скоро послѣ этаго Пелагея умерла, и ея [дочь] отошла отъ Юханцевыхъ и ушла въ Москву и тамъ скоро тоже умерла отъ простуды. У дѣвочки никого не осталось.

Дѣвочка росла у старыхъ барышень, и дѣвочка вышла прелестная, такъ что привязались къ ребенку. Барышни считали себя благодѣтельницами за то, что они спасли дѣвочку отъ смерти и развратной матери, и потомъ, воспитавъ ее такъ, что дѣвочка Катюша стала ловкой, грамотной горничной, они считали, что сдѣлали для нее больше, чѣмъ требовалось.

Когда дѣвочкѣ минуло 18 лѣтъ и она стала красивой женщиной, случилось, что къ старымъ барышнямъ пріѣхалъ ихъ племянникъ и наслѣдникъ. Племянникъ этотъ ѣхалъ на войну въ полкъ.

Онъ и прежде, за годъ передъ этимъ, жилъ 2 мѣсяца у тетушекъ, но тогда ничего не случилось. Ему было 18, Катюшѣ было 16 лѣтъ, и, хотя имъ и случилось разъ, играя въ горѣлки, поцѣловаться, между ними ничего не было, и племянникъ краснѣлъ, какъ красная дѣвушка, всякій разъ, какъ встрѣчалъ ее. Но тутъ, когда онъ ѣхалъ въ армію, случилось то, что она отдалась ему и потеряла невинность. Она и прежде, когда онъ пріѣзжалъ годъ тому назадъ, любила его. Теперь же она не могла устоять противъ него. Онъ былъ молодъ, красивъ, онъ ѣхалъ въ армію. Она никакихъ не знала радостей и полюбила его. И она потеряла себя.

На другой же день послѣ той ночи, когда она отдалась ему, онъ уѣхалъ въ армію, а она осталась подметать комнаты, варить кофе, дѣлать постирушечки. Тяжело, мучительно ей было; но она продолжала жить по прежнему: плакала по ночамъ и работала днемъ. Но черезъ 5 мѣсяцевъ стало уже несомнѣнно, что она беременна. Она надѣялась выкинуть, прыгала съ комода, пила уксусъ, но ничего не помогло.

Въ это самое время она узнала, что соблазнитель ея ѣдетъ изъ арміи и долженъ проѣхать мимо нихъ. Сначала старыя барышни говорили, что онъ заѣдетъ, но потомъ узнали, что онъ раненъ и не заѣдетъ;¹⁷³ и она рѣшила убить себя и пошла ночью на желѣзную дорогу, чтобы лечь подъ тотъ поѣздъ, въ которомъ онъ проѣдетъ. Но тутъ, какъ разъ тутъ, въ эту ночь, она почувствовала движеніе ребенка. И вся душа ея перевернулась. Съ тѣхъ поръ она стала готовиться къ отходу отъ господъ и къ родамъ. Но еще прежде чѣмъ она стала проситься уйти, ее прогнали. Замѣтили, что она дурно работаетъ, и узнали, что она дурно вела себя.

Идти ей было некуда. Родныхъ у ней были двѣ тетки и два дяди, но они всѣ были бѣдны, и она мало знала ихъ, и она пошла къ крестной. Крестная была бѣдная вдова сапожника, деревенская бабка. Одного сына ея отдали въ солдаты. Крествая держала шинокъ, приняла къ себѣ

---

¹⁷¹ *Зач.*: Одну изъ дочерей портного мать выдала за двороваго же человѣка, шорника. Шорникъ тоже былъ пьяница.

¹⁷² *Зач.*: шорника. Она была такая же хорошая

¹⁷³ *Зачеркнуто*: Тогда барышни послали лакея своего съ письмомъ на большую станцію. Катюша одна ночью побѣжала на станцію, съ тѣмъ чтобы увидать его. Но сколько она не смотрѣла въ окна, она не увидѣла его, и только передъ самымъ отходомъ она увидала его наискоски въ окнѣ. Поѣздъ

Катюшу и, рассчитывая на тѣ 127 рублей, которые Катюша принесла съ собой, приняла ея ребенка – тоже дѣвочку – и держала у себя все время ея болѣзни.

Катюша заболѣла послѣ родовъ и лежала въ сильномъ жару, когда крестная призвала старуху, занимавшуюся доставленіемъ дѣтей въ воспитательный домъ, и отдала ей ребенка. Обѣ старухи выпили, sprysнули Катюшу.

Старуха-ребятница взяла ребенка къ себѣ и, кормя его соской, продержала 8 дней у себя, пока собрался у нея «камплеть», какъ она называла ребятъ, для поѣздки въ Москву. А то для каждого брать отдѣльный билетъ было дорого; съ 4-мя же ребятами на каждого ложилось не больше рубля.

Приладивъ большую корзину съ гнутой ручкой, съ двумя отдѣленіями, старуха-ребятница положила запеленутыхъ ребятъ по два на каждую сторону, приладила сосочку, и, усѣвшись въ 3-емъ классѣ такъ, чтобы можно было вынимать корзину изъ подъ сидѣнья и затыкать сосочкой рты тѣмъ, которые пищали, она повезла вмѣстѣ съ другими и Катюшинаго ребенка въ воспитательный, гдѣ, хотя и безъ этой корзины, точно также умирало 80 дѣтей изъ ста.

Несмотря на дурной воздухъ, холодъ изъ двери, нечистоту, въ которой лежала Катюша въ гнилой избушкѣ крестной, несмотря даже на лѣкарства, которыя давала ей бабка, она выздоровела и черезъ 7 недѣль шатаясь встала съ грязной, полной насѣкомыхъ постели. Крестная взяла у Катюши денегъ за прожитіе, за кормъ, за чай – 20 рублей за два мѣсяца, 30 рублей пошли на отправку ребенка, и теперь крестная просила дать ей еще въ займы 40 рублей на корову. Для самой же Катюши крестная пріискала мѣсто къ лѣсническому въ горничныя. Катюша согласилась.

Со времени ночи, проведенной Катюшей на откосѣ желѣзной дороги, душа ея вся измѣнилась. Съ 14, 15 лѣтъ она сблизилась съ Матреной Павловной, съ Софьей Ивановной она читала книги, читала Достоевскаго, Тургенева, вѣрила въ то, что есть добродѣтель и порокъ, что можно и должно быть хорошей. Эти вѣрованія еще усилились, когда племянникъ тетюшекъ Дмитрій Ивановичъ гостилъ въ первый разъ и давалъ ей читать книги. Но съ того времени, какъ онъ соблазнилъ ее и ухалъ, въ особенности съ той ночи, когда она хотѣла убить себя, она поняла, что все было вздоръ и господскія игрушки. И все то, что она увидала у крестной, вся эта нужда, вся жестокая борьба изъ за денегъ, всѣ эти бѣдныя радости, состоящія только въ одурманеніи себя, и ея собственная нужда, въ которой никто не принималъ участія, подтвердили ей это, и она разъ навсегда поняла, и несомнѣнно поняла, что всякій только до себя и что всѣ эти слова: добродѣтель и порокъ, все вздоръ, обманъ. Жить надо, и что слаще и богаче, то лучше.

Катюша поступила къ лѣсническому за 5 рублей въ мѣсяць и чай.

Лѣсничій былъ женатый черный толстый человекъ. Съ перваго же дня она увидала, что онъ смотритъ на ея груди, и въ первое время это смущало ее, но потомъ, когда онъ сталъ приставать къ ней, она подумала воспользоваться этимъ. Но онъ былъ опытенъ и хитръ ея и, выждавъ минуту, овладѣлъ ею. Ей было гадко и стыдно, и она стала пить. Тутъ же началась ревность жены. Жена догадывалась и злилась и разъ прибила Катюшу и выгнала ее. Денегъ было 17 рублей. Обѣздчикъ, съ которымъ Катюша была знакома, посовѣтовалъ ѣхать въ Москву. Въ Москвѣ была одна изъ тетокъ за переплетчикомъ. Тетка оказалась въ бѣдности. Мужъ пилъ. Они все таки приняли Катюшу, но кончилось тѣмъ, что Катюша отдала ей всѣ деньги, чтобы кормить дѣтей.

Дорогой съ ней ѣхала барыня въ перстняхъ и браслетахъ. Барыня эта дала свой адресъ и общала мѣсто. Катюша прошла къ ней. Она подпоила ее и предложила поступить въ ея заведеніе. Она дала ей денегъ, взяла обязательство, и Катюша поступила. Въ заведеніи она называлась Любашей, и пошла жизнь ночью, освидѣтельствowanія ежедневныя и гости: прикащики, студенты, офицеры, старики, молодые, гимназисты.

Такъ прошло 3 года. Всѣхъ лѣтъ со времени Дмитрія Ивановича прошло 7 лѣтъ. И вотъ случилось, что прислалъ за ней купецъ въ номера, она поѣхала, потомъ купецъ къ нимъ пріѣхалъ, посылалъ ее въ номера за деньгами, потомъ опять она къ нему поѣхала; пилъ много купецъ, бушевалъ, коридорный посовѣтывалъ ей всыпать купцу порошковъ сонныхъ въ вино. Она всыпала, купецъ умеръ. И вотъ ее посадили въ острогъ и хотятъ засудить въ каторгу за то, что она отравила купца. Сидитъ она уже 7 мѣсяцевъ, въ тюрьмѣ кормить вшей, платье ея все [1 неразобр.], пища плохая, чая нѣтъ, только вахтеръ подарилъ разъ за ласку. И вотъ ведутъ теперь на судъ вмѣстѣ съ горничной изъ номеровъ и тѣмъ коридорнымъ, который порошки далъ. Они и говорить съ ней не хотятъ, а она знаетъ, что это ихъ дѣло, а они на нее все свалить хотятъ. «Ну, да хоть бы одинъ конецъ», думаетъ она.

Въ судъ привели рано, еще 9 часовъ не было, а судъ начался только въ 12. Намучалась пока и наголодалась, да и скучно было. Но вотъ позвали въ судъ и посадили.

* № 2 (рук. № 6).

Неловко и совѣстно ему было вотъ отъ чего. Еще на 3-мъ курсѣ университета онъ прочелъ «Прогрессъ и бѣдность» Генри Джорджа и былъ такъ пораженъ истинностью и практичностью этого ученія, что сдѣлался страстнымъ поклонникомъ этого ученія, врагомъ земельной собственности и пропагандистомъ Single Tax system.¹⁷⁴ Сочувствія своему увлеченію онъ не встрѣтилъ тогда ни среди своихъ родныхъ и знакомыхъ, что было очень понятно, потому что они всѣ почти были землевладѣльцы, но, что было менѣе понятно, не встрѣтилъ сочувствія этому ученію и среди профессоровъ университета. Профессора самые либеральные, социалистически настроенные, проповѣдывавшіе 8-часовой рабочій день, обезпеченіе рабочихъ, союзы ихъ и стачки, презрительно относились обѣ ученію Генри Джорджа, очень неосновательно доказывая его несостоятельность. Это такъ разсердило Нехлюдова, что онъ тогда же объявилъ матери, что выйдетъ изъ университета. И действительно вышелъ изъ университета съ намѣреніемъ посвятить всѣ свои силы на распространеніе этого ученія. Само собой разумѣется, что онъ тогда же рѣшилъ, что устроить свою жизнь такъ, чтобы она не противорѣчила его проповѣди, и потому никогда не будетъ владѣть землею. И дѣйствительно, онъ при жизни матери получалъ отъ нея деньги, не владея землею. Хотя съ тѣхъ поръ прошло 14 лѣтъ, во время которыхъ Нехлюдовъ пережилъ многое, онъ никогда не отказывался отъ своихъ мыслей, и вотъ теперь въ первый разъ ему пришлось проверить искренность своихъ убѣжденій. Мать теперь уже не мешала ему устроить свою жизнь сообразно съ своими убѣжденіями, но онъ не только не радовался теперь этой возможности, но напротивъ, стѣснялся ею. И отъ этого ему было неловко и совѣстно.

* № 3 (рук. № 8).

Хотя жизнь его пошла не такъ, какъ онъ мечталъ: за границей онъ не нашелъ того сочувствія своимъ убѣжденіямъ, котораго ожидалъ, переводъ его Генри Джорджа былъ запрещенъ цензурой, какъ и сочиненіе его остановилось на второй главѣ, и онъ, вмѣсто скромной жизни, которою онъ рѣшилъ жить, жилъ часто совсѣмъ другою, роскошною светскою жизнью, въ которую невольно втягивали его родные и, главное, мать, онъ никогда вполнѣ не отказывался отъ идеи своей юности и по прежнему считалъ земельную собственность такимъ же преступленіемъ, какъ рабовладѣльчество, хотя если бы онъ строго разобралъ свое положеніе, онъ бы увидалъ, что, получая деньги отъ матери, получаемыя съ имѣній, съ земли, и проживая ихъ, жизнь его противорѣчитъ его принципамъ, онъ все таки прямо не нарушалъ своихъ убѣжденій, не признавалъ своего права на земельную собственность. Теперь же приходилось это сдѣлать.

¹⁷⁴ [системы единой подати]

И этот первый экзаменъ, первое испытаніе прочности и искренности его убѣжденій, которое представилось ему въ письмѣ арендатора, заставило его испытать чувство стыда. Чувство стыда онъ испытывалъ потому, что въ глубинѣ души уже зналъ, какъ онъ рѣшитъ этотъ вопросъ. Онъ зналъ впередъ, что онъ рѣшитъ этотъ вопросъ положительно, т. е. отдастъ землю если не арендатору, то крестьянамъ, получить съ нихъ деньги за право, которое онъ не только не признавалъ, но признавалъ безбожнымъ. Признаетъ же онъ это право и возьметъ деньги потому, что, во 1-хъ, не только вся жизнь его теперь сложилась такъ, что по его привычкамъ ему нужны деньги, если и не всѣ тѣ, на которыя онъ по наслѣдству матери имѣетъ право, то хотя малая часть ихъ. А признать право на пользованіе малой частью незаконнаго или всѣмъ – развѣ не все равно; во 2-хъ, потому, что не только его жизнь, но всѣ тѣ учрежденія въ имѣніяхъ матери, какъ то: школы, больница, лавка, товарищество, которыя устроены имъ, должны рушиться, если онъ отдастъ имъ землю, и, въ 3-хъ, главное, то, что теперь, когда онъ думаетъ жениться на дѣвушкѣ, привыкшей къ роскоши, онъ не можетъ именно теперь отказаться отъ своихъ правъ, рассчитывая на ея имѣнье. Служить же правительству при теперешнемъ реакціонномъ его направленіи онъ никакъ не можетъ, найти же дѣятельность, которая бы давала средства для жизни, къ которой и она и онъ привыкли, онъ теперь, въ 32 года, не служивъ нигде и не выработавъ въ себѣ никакой спеціальности, никакъ не можетъ. Все это онъ не обдумалъ такъ, какъ это написано здѣсь, но общій выводъ изъ всѣхъ этихъ доводовъ былъ ему уже ясенъ въ его душѣ.

И потому онъ, оставивъ письмо арендатора безъ отвѣта, имѣя въ виду то, что до срока аренды еще два мѣсяца, во время которыхъ должны же выясниться его отношенія къ Алинѣ, онъ поспѣшно написалъ Кармалиной, что благодарить за напоминаніе и постарается придти вечеромъ. И взявъ съ собой въ мѣшечекъ папиросъ и книгу, поѣхалъ въ судъ.

* № 4 (рук. № 6).

Въ эту минуту танцоръ предсѣдатель былъ занятъ вовсе не танцами и еще меньше сессіей суда, въ которой ему предстояло предсѣдательствовать. Занятъ онъ былъ очень непріятной исторіей, происшедшей у него вчера вечеромъ въ клубѣ съ партнеромъ. Онъ, разсердившись, сказалъ партнеру: «такъ не играютъ даже сапожники», на что партнеръ сказалъ: «вы сами глупо назначили, а теперь меня обвиняете». – «Такъ не говорятъ въ порядочномъ обществѣ», сказалъ на это предсѣдатель. И тутъ партнеръ вдругъ взбѣленился – долженъ быть пьянъ – и сталъ говорить грубости и бросилъ карты.

* № 5 (рук. № 7).

Предсѣдатель былъ высокій, статный мужчина съ прекрасными бакенбардами. <Нехлюдовъ узналъ его. Онъ встрѣчалъ его въ обществѣ и зналъ за большого любителя танцевъ. Еще въ нынѣшнемъ году зимой Нехлюдовъ видѣлъ, какъ онъ на одномъ маленькомъ вечерѣ старательно и одушевленно танцевалъ мазурку и, обливаясь потомъ и выкрикивая: «les dames en avant»¹⁷⁵ и т. д., дирижировалъ котильономъ.

Въ эту минуту танцоръ предсѣдатель былъ занятъ вовсе не танцами и еще меньше сессіей суда, въ которой ему предстояло предсѣдательствовать. Занятъ онъ былъ очень важнымъ дѣломъ, могущимъ изменить всю его жизнь.¹⁷⁶ Жена его была родственница миліонера Полтавина, и въ самое послѣднее время Полтавинъ переѣхалъ въ Москву, поссорился съ своимъ наслѣдникомъ племянникомъ, даже прогналъ и сблизился съ его женою, такъ что были всѣ

¹⁷⁵ [«дамы, вперед»]

¹⁷⁶ *Зачеркнуто*: Знаменитый банкиръ и богачъ Еврей Полтавинъ предлагалъ ему мѣсто въ открывавшемся имъ банкѣ, такое, при которомъ, кромѣ особенныхъ наградныхъ, доходящихъ до Ему предлагали мѣсто по администраціи за границу международнымъ

вѣроятія того, что если не все, то большая доля его наслѣдства перейдетъ къ нимъ. Вчера еще только онъ подарилъ женѣ председателя прекрасный беккеровскій концертный рояль и просилъ предсѣдателя привезти къ нему нотариуса.

Предсѣдатель танцоръ былъ полонъ мыслями объ этомъ ожидающемъ его богатствѣ, и потому предстоящее веденіе сессіи мало интересовало его.¹⁷⁷

*** № 6 (рук. № 8).**

Подсудимые, какъ всегда, вслѣдствіи того положенія, въ которое они были поставлены: тѣхъ солдатъ, которые съ обнаженными саблями находились съ ними, и того мѣста, которое они занимали въ залѣ за рѣшеткой, представлялись ему людьми изъ другого, таинственного, чуждаго ему и страшнаго міра. Особенно страшна ему казалась женщина въ арестантскомъ халате, и наглая и стыдливая, и привлекательная и отталкивающая; страшна именно этой какой то своей бѣсовской привлекательностью. И Нехлюдовъ принялъ рѣшеніе быть какъ можно внимательнѣе и безпристрастнѣе особенно къ ней. Она, судя по ея професіи и по ея привлекательности и по ея арестантскому халату, должна была быть, по его предположеніямъ, главной пружиной преступленія.

*** № 7 (рук. № 7).**

Третья подсудимая была черноволосая, чернобровая,¹⁷⁸ широколицая женщина съ очень бѣлымъ пухлымъ лицомъ¹⁷⁹ и черными глазами. Женщина эта была одѣта¹⁸⁰ также въ арестантскій халатъ, только волосы ея были не покрыты. Женщина эта была бы красива – особенно черные глаза, которые она то опускала, то поднимала, были очень красивы – еслибы не печать разврата на всей ея фигурѣ и лицѣ. Глаза какъ то невольно притягивались къ ней, и вмѣстѣ съ тѣмъ совѣстно было смотрѣть на нее. Даже жандармъ, мимо котораго она проходила, улыбнулся, посмотрѣвъ на нее, и потомъ тотчасъ же отвернулся и сталъ смотрѣть прямо.

Женщина взошла, опутивъ голову и глаза, и подняла ихъ только тогда, когда ей надо было обходить скамью и садиться. Глаза у нея были узкіе, подпухшіе и очень черные. То, что видно было изъ лица этой женщины, было желтовато бѣло, какъ бываютъ бѣлы ростки картофеля, проросшаго въ погребѣ, и руки и лица людей, живущихъ въ тюрьмахъ безъ солнца.

*** № 8 (рук. № 8).**

<Волосы ея были зачесаны наверхъ съ большими, торчавшими въ нихъ полумѣсяцами шпильками, на лбу и вискахъ были завитки. Черные, заплывшіе агатовые глаза,¹⁸¹ ярко блестящіе изъ подъ¹⁸² тонкихъ бровей. Носъ былъ не правильный, но все неестественно бѣлое лицо съ небольшимъ пріятнымъ ртомъ было привлекательно. Полная, особенно открытая шея

---

¹⁷⁷ *Зач.*: Онъ надѣялся быть въ состояніи скоро взять годовой отпускъ и поѣхать за границу. В дальнейшем Толстой написал еще один вариант на тему о том, чем был занят председатель, но зачеркнул его: Занятъ онъ былъ тѣмъ, что ожидаемый имъ отпускъ былъ замѣненъ предсѣдателемъ. Сейчасъ въ кабинетѣ своемъ онъ получилъ непріятный отвѣтъ отъ Предсѣдателя Окружнаго Суда на просьбу его уволить его отъ этой сессіи. Председатель писалъ, что онъ очень сожалѣетъ, что не можетъ исполнить его желаніе, такъ какъ всѣ товарищи уже разъѣхались, и предсѣдательствовать не кому. «Почему же тѣ разъѣхались, а я долженъ сидѣть, когда мнѣ именно теперь нужно съѣздить въ Петербургъ, – думалъ онъ. – Непремѣнно напишу ему», и онъ обдумывалъ то колкое письмо, которое онъ напишетъ.

¹⁷⁸ *Зачеркнуто*: красивая

¹⁷⁹ *Зач.*: и съ сильно развитою грудью, подтянутой корсетомъ.

¹⁸⁰ *Зач.*: въ свое зеленое, бархатомъ отдѣланное платьѣ, на бѣлой полной шеѣ была бархатка, и короткіе волосы выпущены на лобъ.

¹⁸¹ *Зач.*: подъ очевидно наведенными бровями блестяли изъ полного, неестественнаго бѣлаго лица.

¹⁸² *Зач.*: красивыхъ

была особенно бѣла, какъ бывають бѣлы руки и лица людей, живущихъ безъ солнца и труда въ больницахъ и тюрьмахъ.>

* № 9 (рук. № 11).

<Женщина эта была бы красива: красивы были и невысокій, но прекрасно обрамленный черными волосами лобъ, и прямая тонкія брови, и тонкій небольшой носъ, и изогнутыя губы съ дѣтски выдающейся верхней губой, и, въ особенности, агатовые большіе добрые, немного косившіе глаза. Она была бы красива, если бы не вялое, унылое выраженіе одутловатаго лица.>

* № 10 (рук. № 6).

Несмотря на впечатлѣніе неловкости и стыда, оставленное присягой, усиленное еще рѣчью предсѣдателя, въ которой онъ внушалъ присяжнымъ, что если они нарушатъ присягу, они подвергнутся уголовному суду, точно какъ будто само собой разумѣлось, что присягѣ никто не вѣритъ и что удержать отъ клятвопреступленій можетъ только страхъ уголовной кары, несмотря на это непріятное впечатлѣніе, Нехлюдовъ находился въ самомъ серьезномъ и строгомъ къ себѣ настроеніи, собираясь съ величайшимъ вниманіемъ исполнить свою обязанность общественной совѣсти.

* № 11 (рук. № 11).

Ему немножко совѣстно было, держа въ странномъ положеніи руку, обѣщаться не лгать, какъ будто предполагалось, что онъ готовится къ этому, и непріятно обѣщаться и клясться крестомъ и евангеліемъ, когда онъ не приписывалъ никакого значенія ни кресту ни евангелію.¹⁸³ «Но чтожь, вѣдь это пустая формальность», повторялъ онъ себѣ обычное разсужденіе людей въ такихъ случаяхъ. Дѣлать ему помогало то, что дѣлалъ не онъ одинъ, а *всѣ* дѣлали. Кромѣ того, въ этомъ случаѣ помогала Нехлюдову его способность видѣть комическую сторону вещей. Онъ наблюдалъ, какъ нѣкоторые повторяли иногда половинки словъ, нѣкоторые же совсѣмъ шептали или отставали отъ священника и потомъ не во время догоняли его, какъ одни крѣпко-крѣпко, какъ бы боясь, что выпустятъ, держали свою щепотку, а нѣкоторые распускали ее и опять собирали. «Неужели – думалъ онъ – старику священнику этому самому не смѣшно и не совѣстно!» Сначала, когда священникъ, ожидая подхода къ нему присяжныхъ, перебиралъ лѣвой рукой цѣпочку своего креста и ощупывалъ самый крестъ, Нехлюдову показалось, что ему совѣстно. Но когда онъ подошелъ ближе и разсмотрѣлъ опухшее лицо и въ особенности почему то пухлую руку священника с ямочками надъ костяшкой каждаго пальца, онъ убѣдился, что старичку этому нетолько не совѣстно, но что онъ не можетъ усомниться въ томъ, что дѣлаетъ очень полезное и важное дѣло.

* № 12 (рук. № 8).

Она теперь была совсѣмъ не та, какою она вошла въ залу. Она не потупляла болѣе голову, не медлила говорить и не шептала, какъ прежде, а, напротивъ, смотрѣла прямо, вызываяще и говорила рѣзко, громко и быстро.

– Признаю, что налила въ вино купцу капли, но не знала и не думала, что отъ нихъ можно умереть. А то бы ни за что не дала, а и то согласилась дать только потому, что была очень

---

¹⁸³ *Зачеркнуто:* какъ внѣшнему символу. Просто было совѣстно взрослому человѣку, держа въ странномъ положеніи руку, повторять глупыя слова присяги.

пьяна, – сказала она и улыбнулась, и улыбка эта, открывъ недостатокъ одного передняго зуба, произвела на Нехлюдова впечатлѣніе, какъ будто онъ шель, шель и вдругъ оборвался куда то.

* № 13 (рук. № 8).

Но съ тѣхъ поръ, какъ они такъ нечаянно поцѣловались, играя въ горѣлки, они уже больше никогда не цѣловались и какъ будто оба боялись этаго.

Въ числѣ тѣхъ мечтаній, въ которыхъ жилъ въ это время Нехлюдовъ, было и то – одно изъ самыхъ главныхъ мечтаній – то, что онъ встрѣтитъ ту женщину, которая предназначена ему, и, не зная и не любя никакой другой женщины, не растративъ себя, онъ отдастъ всей душой этой любви, и она полюбитъ его, и онъ будетъ божественно счастливъ. Женщина эта будетъ имѣть всѣ совершенства. Она будетъ и хороша, и чиста, и умна, и добра и не будетъ похожа ни на одну изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ онъ видалъ. Катюша немного была похожа на эту женщину, но та будетъ совсѣмъ не то. Несмотря на такое представленіе о будущей женѣ своей, иногда все таки Нехлюдовъ думалъ и о Катюшѣ, какъ о будущей женѣ своей. Почему же не она, если я люблю ее и она любитъ меня? Но эти мысли только изрѣдка нечаянно приходили ему, и потому онъ ничего никогда не говорилъ объ этомъ Катюшѣ, а говорилъ съ ней только о не касающихся его и ея предметахъ.

* № 14 (рук. № 11).

Заграничное пребываніе не дало ему того, что онъ ожидалъ. Онъ не встрѣтилъ и тамъ, въ Германіи, сочувствія своимъ идеямъ. Генри Джорджа тамъ почти не знали, а если знали, то очень рѣшительно опровергали, считая его учете неосновательнымъ. Мысли его никого не удивляли и не привлекали, и всѣ намекали ему на недостаточность его знаній. Чтобы пополнить эти знанія, онъ сталъ слушать лекціи политической экономіи и потомъ философіи въ нѣмецкихъ университетахъ, но государственный социализмъ, который преподавался съ кафедръ политической экономіи, отталкивалъ его. Философія же не интересовала его въ томъ видѣ, въ которомъ она преподавалась. Ему съ первыхъ же лекцій хотѣлось возражать профессору. Такъ что слушаніе лекцій скоро кончилось, и онъ поѣхалъ въ Италію, гдѣ увлекся живописью, къ которой у него были способности. Онъ нанялъ студию, сошелся съ художниками и сталъ усердно работать, мечтая о томъ, чтобы сдѣлаться знаменитымъ художникомъ. Но и это увлеченіе продолжалось не долго. Мать ѣхала въ Петербургъ и звала его ѣхать съ собой. Онъ поѣхалъ съ ней, намѣреваясь вернуться, но тутъ въ первый разъ онъ вступилъ въ Петербургское высшее свѣтское общество, въ которомъ были связи его отца и матери. Онъ былъ принятъ какъ свой и какъ желательный женихъ. По просьбѣ матери онъ согласился поступить въ дипломатическій корпусъ и подъ вліяніемъ тщеславія, удовлетворяемаго его успѣхомъ въ свѣтѣ, такъ какъ онъ былъ красивъ и оригиналенъ, прожилъ зиму въ Петербургѣ такъ, какъ живутъ обыкновенно свѣтскіе молодые люди: ухаживалъ за замужней кузиной самымъ платоническимъ образомъ и также одновременно за пріѣзжей актрисой. Онъ не отказался отъ своихъ мыслей о несправедливости земельной собственности и даже проповѣдывалъ эти свои мысли въ свѣтѣ и тѣмъ казался очень оригинальнымъ, но самъ жилъ, проживая большія деньги, получаемыя съ земли, и обходилъ это противорѣчіе тѣмъ, что землей владѣлъ не онъ, а его мать, и она давала ему деньги. Въ эту зиму онъ началъ пить и курить, и въ эту же зиму съ нимъ случилось то, что одинъ разъ послѣ ужина, на который они съѣхались съ пріятелями, изъ театра они поѣхали къ женщинамъ, и онъ палъ самымъ пошлымъ и обыкновеннымъ образомъ. Ему это было больно, но точно также какъ въ вопросѣ о собственности, и въ вопросѣ о цѣломудріи и бракѣ онъ не отказался отъ мысли о томъ, что онъ встрѣтитъ ту совершенную и непорочно чистую женщину, которая полюбитъ его перваго и которой онъ отдастъ всю свою жизнь, но онъ только допускалъ теперь то, что полная физическая чистота будетъ только съ ея стороны.

*** № 15 (рук. № 11).**

Онъ и въ Петербургѣ немного писалъ и рисовалъ, намѣреваясь весной вернуться въ Римъ къ своимъ занятіямъ живописью, но случилось то, что въ это время была объявлена война, и опять желаніе выказаться, заставить говорить о себѣ, побудило его къ тому, чтобы поступить солдатомъ въ гвардейскій полкъ.

Онъ говорилъ, что онъ теперь поступилъ на военную службу потому, что онъ не могъ бы оставаться спокойнымъ внѣ опасности, рисуя картинки тогда, когда зналъ бы, что люди наши русскіе идутъ на смерть за братьевъ. Но въ глубинѣ души ему только хотѣлось отличиться, хотѣлось узнать, что такое война, получить новыя впечатлѣнія, не пропустить чегонибудь, что могло случиться съ нимъ тамъ. И онъ поступилъ въ полкъ, одѣлся въ мундиръ, простился съ друзьями, съ кузиной и поѣхалъ на Дунай. По дорогѣ онъ заѣхалъ къ тетушкамъ.

*** № 16 (рук. № 11).**

«Что же это: большое счастье или большое несчастье случилось со мной? – спрашивалъ онъ себя и не находилъ отвѣта. – Всегда такъ, всѣ такъ», сказалъ онъ себѣ и, какъ будто успокоившись, пошелъ спать.

На другой день послѣ этой памятной ночи Шёнбокъ заѣхалъ за Нехлюдовымъ къ тетушкамъ, и они вмѣстѣ уѣхали, такъ какъ былъ уже послѣдній срокъ для явки въ полкъ; Нехлюдову не пришлось больше видѣться съ Катюшей и наединѣ говорить съ ней. Ему, впрочемъ, и нечего было говорить съ ней и не хотѣлось этаго. Быть съ нею ночью, какъ вчера, онъ бы хотѣлъ еще разъ, но днемъ быть съ ней, говорить съ ней ему даже не хотѣлось: было совѣстно.

Въ душѣ его въ этотъ день и въ послѣдующіе, когда свѣже было воспоминаніе этой ночи, поднимались и боролись между собой два чувства: одно мрачное – отчаяніе за то, что затоптано, осквернено, на вѣки погублено чувство любви, совершено ужасное кощунство надъ этимъ чувствомъ, и оно безвозвратно потеряно; другое – самодовольство достигнутой цѣли и жгучія чувственныя воспоминанія.

Любви, той любви, которая переноситъ человѣка въ душу любимаго существа, совсѣмъ не было.

*** № 17 (рук. № 7).**

«Какъ я могъ быть такъ близорукъ, такъ просто глупъ, главное такъ ужасно жестокъ, – думалъ онъ теперь, вспоминая свое тогдашнее состояніе. – Вѣдь я же жилъ въ этомъ же тетушкиномъ домѣ 2 года тому назадъ. Гдѣ же былъ я, тотъ хорошій, чистый юноша, который тогда поцѣловался съ Катюшей за кустомъ сирени и потомъ такъ испугался этого поцѣлуя, что собирався уже жениться на ней?! Какъ это сдѣлалось, что вдругъ забылось все это, и на мѣсто этаго чистаго юноши появился тотъ веселый и жестокій звѣрь, чистящій ногти, употребляющій фиксатуаръ и одеколонъ, въ обтянутыхъ синихъ рейтузахъ?»

Одно объясненіе этаго было то, что въ этомъ юношѣ тогда эгоизмъ его, благодаря той средѣ, въ которой онъ жилъ, былъ развитъ до состоянія душевной болѣзни. Онъ видѣлъ и помнилъ только себя и свои удовольствія. <Кромѣ того, онъ въ это время постоянно былъ занятъ и всегда торопился; всегда ему надо было поспѣвать куда-то. Если это не была служба, то это были другія дѣла. Потому, что онъ торопился, онъ не могъ помнить о другихъ. Для того же чтобы не помнить о другихъ, онъ всегда торопился>.¹⁸⁴ Для того же чтобы не видѣть значеніе своего поступка, ему надо было только не думать самому о немъ, а оцѣнивать его

---

¹⁸⁴ *Взятое в ломаные скобки обведено сбоку чертой с пометкой: пр[опустить].*

такъ, какъ его оцѣнивали люди его среды. Онъ зналъ, что у отца его былъ незаконный сынъ Мишенька, почтальонъ, происшедшій отъ такой же случайной интриги.

* № 18 (рук. № 7).

Допросъ свидѣтелей продолжался. Розанова вывели и ввели сначала прикащика, потомъ¹⁸⁵ горничную изъ номеровъ, стали спрашивать эксперта врача о признакахъ отравленія. Изъ показаній подсудимыхъ и свидѣтелей, не смотря на всю путаницу, внесенную въ дѣло рѣчами прокурора и предсѣдателя, перекрестными допросами свидѣтелей, присягой и всей мертвой закоснѣлой обстановкой суда, дѣло было совершенно ясно: Маслова, посланная купцомъ за деньгами, взяла только то, что ей велѣно было, Симонъ же и Бочкова, очевидно воспользовались этимъ случаемъ, взяли деньги, надѣясь свалить вину на Маслову. Возвращеніе же Масловой съ купцомъ спутало ихъ планы, и они рѣшили отравить купца и для этого подготавливали Маслову. Сколько бы не путали адвокаты и суды, дѣло было ясно, и присяжные, слѣдившіе за дѣломъ, уже составили себѣ мнѣніе и скучали, слушая ненужные допросы и рѣчи.

* № 19 (рук. № 8).

«Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, что же тутъ дѣлается, о чемъ идетъ рѣчь? По описанію протокола возникъ этотъ ужасный трупъ этого заплывшаго жиромъ великана купца, погибшаго почти юношей. Какъ онъ жилъ, что сдѣлалось съ его душой? Неужели только это и было? И только осталась эта гніющая вонючая масса. И тутъ же сидѣло оскверненное, изуродованное, когда то прелестное, полное жизни существо. Погибло ли оно? Есть ли для него спасеніе или тоже, что для купца? Только гніющая пища для червей и больше ничего». Все это невольно думалъ Нехлюдовъ, а тутъ передъ нимъ, надъ этимъ самымъ трупомъ, надъ этими двумя трупами шла такая же бессмысленная игра, гримасничали и ломались всѣ эти разряженные въ мундиры паясы, думая, что та обстановка: портрета человѣка въ странной одеждѣ съ орденами, называемого государемъ, и пирамидки съ орломъ, стоящей передъ ними, и высокихъ спинокъ кресель и участія священника со своими доспѣхами и возгласовъ: судъ идетъ – внушить къ нимъ уваженіе.>

* № 20 (рук. № 11).

И вотъ теперь дошло дѣло до того, что, увидавъ ту женщину, которую онъ любилъ, которая его любила и которую онъ безжалостно погубилъ и бросилъ, онъ не сразу понялъ свое преступленіе передъ ней.

Первое и главное чувство, овладѣвшее имъ теперь, было страхъ позора, если бы она узнала и указала его, и страхъ того, что это дойдетъ до Кармалиныхъ, и его предполагаемая женитьба разстроится.

Теперь, когда встрѣтилась эта возможность препятствія его женитьбѣ, его сомнѣнія о томъ, сдѣлать или не сдѣлать предложеніе, прекратились, и онъ только боялся того, что его поступокъ съ Катюшей узнается всѣми и въ особенности чистой, благородной Мисси. Теперь его занимала больше всего мысль, какъ бы скрыть свое прежнее отношеніе къ Катюшѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ сколько возможно помочь ей. «Оправдать ее или смягчить наказаніе и потомъ отъ неизвѣстнаго послать ей денегъ»... думалъ онъ.

---

¹⁸⁵ *Зачеркнуто:* ювелира, потомъ проститутку, произведшую большую сенсацию.

Правда, было еще въ глубинѣ души его чувство, не то что раскаянія, но отвращенія къ себѣ, гадливости передъ собой, но чувство это такое маленькое, не слышное, а чувство страха, стыда было такое большое, что это чувство недовольства собой было почти незамѣтно.

* № 21 (рук. № 11).

<А между тѣмъ отвѣтъ этотъ находился при дѣлѣ, зашнурованномъ на стр. 154. Отвѣтъ этотъ находился въ отношеніи Губернскаго правленія къ слѣдователю о выдачѣ фармацевту Блоку 19 р. 78 к. за реакенціи, употребленные имъ для изслѣдованія внутренностей купца Смѣлькова. Изслѣдованіе этихъ внутренностей стоило фармацевту не болѣе 80 копѣекъ, а онъ требовалъ и получилъ 19 р. 78 к., и потому понятно было, для чего онъ такъ старательно описывалъ результаты изслѣдованія. Точно тоже соображеніе относилось и къ городскому врачу, писавшему протоколъ; точно тоже относилось и къ секретарю, и прокурору, и предсѣдателю, и членамъ судебной палаты, и составителямъ законовъ, по которымъ все это дѣлалось, получающимъ свои десятки, сотни и тысячи каждое 20 число.>¹⁸⁶

* № 22 (рук. № 11).

«Какъ она расширѣла, – думалъ онъ, – откуда взялись эти широкія, одутловатыя щеки, эта подпухлость подъ глазами? Складъ губъ тотъ же, но какъ измѣнилось ихъ выраженіе. То было дѣтское, невинное, радостное, а теперь чувственное и мрачное. А главное – глаза. Нетолько нѣтъ того прежняго ласковаго, радостнаго и стыдливаго выраженія, а, напротивъ, что то остановившееся, наглое, безстыдное и скорѣе сердитое. И косины стало больше. А шея? Этотъ ужасный голый, бѣлый столбъ шеи, который она выставила, очевидно нарочно откинувъ воротникъ халата. И выпущенныя изъ подъ арестантской косынки пряди черныхъ волосъ. Это – это другая. Другая? Но кто же эта другая? Вѣдь женщина эта несомнѣнно та самая Катюша, которая въ Свѣтлое Христово Воскресенье у паперти церкви христосовалась тогда такъ невинно съ нищимъ, и потомъ снизу вверхъ смотрѣла на него, любимаго ея человѣка, своими влюбленными, смѣющимися глазами.

И какъ это сдѣлалось? Не я же одинъ виною этаго? Разумѣется, жестоко было то, что я тогда ухалъ, – главное эти ужасныя деньги. – Онъ всегда краснѣлъ, когда вспоминалъ, какъ онъ ей сунулъ ихъ. – Не я же одинъ. Развѣ не всѣ дѣлаютъ такъ? Только этотъ странный случай, что я попалъ въ присяжные въ это дѣло. Но все таки это ужасно, ужасно! И чѣмъ это кончится? Поскорѣй бы уйти и забыть»...

* № 23 (рук. № 7).

Тотчасъ же послѣ этаго судьи встали, встали и присяжные, и подсудимыхъ вывели. Всѣ, кромѣ подсудимыхъ и Нехлюдова, испытывали радостное чувство, точно послѣ длинной съ молебномъ и водосвятиемъ обѣдни. Предсѣдатель объявилъ присяжнымъ, что они могутъ идти по домамъ, съ тѣмъ чтобы явиться завтра къ 10 часамъ, и всѣ тронулись вонъ изъ залы по коридору къ сѣнямъ и швейцарской.

Все, что продѣлывалось на этомъ судѣ, и самый судъ и результатъ его – приговоръ – представлялось теперь Нехлюдову до такой степени нелѣпымъ, что онъ, выходя изъ суда и обгоняя выходявшихъ тоже судей и членовъ, удивлялся, какъ имъ не совѣстно все это дѣлать, какъ они могутъ не смѣясь смотрѣть въ глаза другъ другу и какъ могутъ эти старики сторожа и швейцары такъ почтительно вытягиваться, отвѣчать, подавать пальто и палки. Вѣдь во всемъ, что тутъ дѣлалось во имя справедливости и разума, очевидно, не было ни подобія того и другого, не

---

¹⁸⁶ Этот вариант отчеркнут сбоку чертой с пометкой: пр[опустить].

было даже приличія. Справедливости не было и подобія потому, что очевидно было, что если кто нибудь виноватъ въ томъ, что случилось, то, очевидно, виноваты въ этомъ прежде всего тѣ Розановы, которые держали такіе дома, тѣ купцы, которые ѣздили въ нихъ, тѣ чиновники, то правительство, которое признавало и регулировало ихъ, и тѣ люди, которые, какъ секретарь, прокуроръ, членъ суда въ золотыхъ очкахъ и самъ танцоръ предсѣдатель, которые ѣздили въ эти дома, и, главное, тѣ люди, которые, какъ Нехлюдовъ, приготавливали товаръ въ эти дома. Но никого изъ этихъ виноватыхъ не судили, даже не обвиняли, а обвиняли тѣхъ несчастныхъ, которые въ данныхъ условіяхъ не могли поступить иначе.

Разума же не было потому, что не было никакой разумной цѣли всего того, что дѣлалось. Возмездія не было потому, что за смерть возмѣщалось не смертью, а содержаніемъ въ тюрьмѣ и ссылкой, пресѣченія возможности преступленія не было потому, что приговоренные могли продолжать совершать преступления въ тюрьмѣ, на каторгѣ, въ Сибири, объ исправленіи не могло быть и рѣчи потому, что содержаніе людей на готовой пищѣ и большей частью въ праздности и сообществѣ такихъ же заблудшихъ людей могло только ухудшить, но никакъ не исправить. И не смотря на то, все это продѣлывалось съ величайшей серьезностью и подъ видомъ самаго важнаго служенія обществу. Вѣдь всѣ знали, что тутъ не было никакого служенія обществу, а была одна пустая комедія, и всѣ притворялись, что они вѣрятъ въ важность этого дѣла. Въ этомъ было ужасное лицемѣріе, лицемѣріе, откинувшее заботу о приличіи. Тотъ самый адвокатъ, который нынче распинаясь за оправданіе, переходилъ завтра въ прокуроры и распинаясь за осужденіе. Юноша прокуроръ, озабоченный только жалованьемъ и карьерой, смѣло говорилъ, что онъ озабоченъ состояніемъ общества, основы котораго подрываетъ проституція, та самая, безъ которой онъ, товарищъ прокурора, не могъ бы жить, и осуждаетъ воровъ за то, что они польстились на деньги богатаго купца, тогда какъ онъ польстился деньгами, собираемыми съ народа и платимыми ему за то, что онъ мучаетъ его.

*** № 24 (рук. № 8).**

«Что же это такое, — думалъ Нехлюдовъ, выходя изъ суда и направляясь пѣшкомъ домой по знакомымъ улицамъ. — Вѣдь я мерзавецъ, самый послѣдній негодяй и мерзавецъ. Любить, быть любимымъ и потомъ звѣрски соблазнить и бросить, откупившись чужими крадеными деньгами, воображая, что сдѣлалъ все, что должно, и забыть думать о ней. А она одна, молодая, нѣжная, безъ друга, безъ сочувствія, беременная, выгоняется на улицу. Вѣдь я зналъ, что у ней былъ ребенокъ, но я рѣшилъ, что не мой, и успокоился и не позаботился разыскать ее, а радъ былъ повѣрить тетушкѣ Катеринѣ Ивановнѣ, что она «испортилась», и жилъ и радовался, а она погибала и вотъ дошла до того положенія, въ которомъ я ее видѣлъ. Мерзавецъ, подлецъ. Но вѣдь этаго мало, вѣдь это не можетъ такъ оставаться. Вѣдь хорошо было, какъ всѣмъ подлецамъ, прятаться отъ своего грѣха, когда я не видалъ ее. А вотъ она тутъ, въ острогѣ теперь. А я поѣду обѣдать къ Кармалинымъ и дѣлать предложеніе невѣстѣ и буду пѣть ей сочиненный мною романсъ».

*** № 25 (рук. № 8).**

Нехлюдовъ снялъ пальто, вынулъ платокъ отеръ потъ и опять по привычкѣ посмотрѣлъ въ зеркало, и опять его лицо, какъ что то неожиданно противное, поразило его. «Какъ могъ я думать, что она (онъ думалъ про Алину) можетъ полюбить меня. Развѣ не видно на этомъ подломъ лицѣ все его мерзкое нечистое прошедшее?» Онъ поспѣшно отвернулся и пошелъ по знакомымъ лѣстницѣ и прихожей въ столовую.

* № 26 (рук. № 8).

«А кто знает, – подумалъ онъ, входя въ знакомую переднюю и снимая пальто, – можетъ быть, совсѣмъ не то мнѣ надо дѣлать. Можетъ быть, лучше бы было, если бы я прошедшее оставилъ прошедшимъ, а женился бы на этой прелестной дѣвушкѣ». Нехлюдовъ остановился внизу у зеркала, глядя на свое лицо, пока швейцаръ пошелъ докладывать. «Какъ? Опять назадъ, – сказалъ онъ себѣ, глядя на себя въ зеркало. – Экая мерзкая рожа, – подумалъ онъ, глядя на себя, – главное слабая, слабая и гордая». Швейцаръ отвлекъ его отъ разсматриванія своего лица.

* № 27 (рук. № 11).

И этаго Ивана Ивановича Колосова Нехлюдовъ видалъ и встрѣчалъ много разъ и зналъ его самоувѣренную манеру человѣка, безповоротно и давно уже рѣшившаго уже всѣ вопросы міра и теперь не имѣющаго другаго занятія, какъ осужденія и отрицанія всего того, что не сходило съ его теоріями. Теоріи же его о жизни были самыя простыя – это былъ конституціонный либерализмъ 50-хъ годовъ, дававшій ему удобную возможность ругать все то, что не доходило до этаго либерализма, чего такъ много въ Россіи, и все то, что переросло этотъ либерализмъ. Нехлюдовъ давно зналъ его, но теперь онъ показался ему особенно непріятенъ.

* № 28 (рук. № 11).

Мисси рассказывала ему, какъ они были въ Третьяковской галлерей и какъ она съ всегда новымъ восторгомъ любовалась Христомъ Крамского.

– Это не Христосъ, а полотерь, – сказалъ рѣшительно Колосовъ. – Хорошо тамъ только Васнецовскія вещи. Нѣтъ, не сойдемся мы съ вами, Мисси, – обратился онъ къ дочери своего друга.

Онъ изучилъ въ 60-хъ годахъ Куглера, смотрѣлъ въ Римѣ всѣ достопримѣчательности и потому считалъ себя великимъ знатокомъ въ искусствѣ, хотя былъ совершенно лишенъ всякаго личнаго вкуса и судилъ объ искусствѣ только по довѣрію къ авторитетамъ.

* № 29 (рук. № 11).

Миша былъ двоюродный братъ Сони, одинъ изъ самыхъ характерныхъ молодыхъ людей новой формаціи. Онъ былъ коректенъ до послѣдней степени, цѣловалъ руки у всѣхъ дамъ высшаго круга, имѣющихъ дѣтей, прижималъ подбородокъ къ груди при встрѣчахъ со всѣми дѣвицами, передъ обѣдомъ и послѣ обѣда крестился во весь размахъ руки, имена лицъ царской фамиліи всегда произносилъ почтительно, любилъ искусства, также любилъ выпить и избѣгалъ серіозныхъ разговоровъ, отлично говорилъ по французски, по нѣмецки, по англійски и на всѣхъ языкахъ умѣлъ вести шуточные разговоры, держался всегда самаго высшаго общества и ухаживалъ за всѣми хорошенькими барышнями и дамами. Ему было 33 года. Онъ былъ товарищъ Нехлюдова по университету, хотя другаго факультета. Они все таки были на ты.

Между ними съ начала зимы, съ тѣхъ поръ какъ Нехлюдовъ сблизился съ Мисси, установились странныя отношенія. Миша, какъ и за всѣми хорошенькими дѣвушками, ухаживалъ и за Мисси и по близости родства часто бывалъ у нихъ, иногда чувствовалъ себя влюбленнымъ въ нее и, увидавъ чувство, возникавшее между Нехлюдовымъ и ею, ревновалъ ее, но, разумѣется, скрывалъ это и вслѣдствіи этаго былъ всегда особенно ласково шутливъ съ Нехлюдовымъ. Сейчасъ онъ замѣтилъ тотъ серьезный и задушевный взглядъ, которымъ обмѣнялись Мисси съ Нехлюдовымъ, и сдѣлалъ видъ, что онъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

– Ну, когда я другой разъ буду присяжнымъ, я непременно заявлю суду требованіе устройства какого нибудь питательнаго заведенія. Я помню, главное чувство, испытанное мною, былъ голодъ и потому досада. Это нужно въ видахъ поощренія милосердія. Ты завтра-каль гдѣ нибудь?

– Нѣтъ, – отвѣчала Нехлюдовъ.

– Ну, отъ этого и обвиненіе. Нѣтъ, непременно надо, для того чтобы судъ былъ скорый и милостивый, чтобы онъ былъ сытый.

Нехлюдовъ слушалъ его и ѣлъ.

*** № 30 (рук. № 8).**

Алина была высокая, красивая дѣвушка съ золотистыми вьющимися волосами, съ особенно нѣжнымъ, правдивымъ выраженіемъ лица и глазъ. Проходя черезъ гостиную, въ комнатѣ никого не было. Онъ хотѣлъ начать говорить и не рѣшался. Она предупредила его. Она рѣшительно остановилась посерединѣ гостиной и, взявшись за спинку золоченаго стульчика, подняла къ нему свои правдивые голубые глаза и тихо сказала:

– Я вижу, что съ вами случилось что то. Что съ вами? – сказала она, и мускуль на щекѣ ея дрогнулъ. Она заговорила просто изъ участія къ нему и изъ любопытства, но, заговоривъ, она подумала, что это объясненіе вызоветъ, можетъ быть, его признаніе, и это взволновало ее.

*** № 31 (рук. № 8).**

<Убѣдившись, что Нехлюдовъ не въ духѣ, и пріятнаго, умнаго разговора отъ него не добьешься, Софья Васильевна начала рассказывать о страшномъ дѣлѣ, недавно происшедшемъ въ Тверской губерніи по случаю бунта на фабрикѣ. – Да, это возмутительное дѣло, – продолжала Колосовъ. – Вся гадость этого дѣла въ томъ, что крестьяне, нарушившіе право владѣнія землевладѣльцевъ, были преданы суду. И тутъ то этотъ г-нъ губернаторъ нашелъ нужнымъ изтязать крестьянъ.

– Говорятъ, умерло два человѣка, – сказала Кармалина. Я не могу этого понять, какъ въ наше время человѣкъ нашего воспитанія...

– Что же вы хотите, когда съ высоты престола проповѣдуются розги и возвращеніе къ 16 вѣку. Но тутъ возмутительно то, что именно тогда, какъ дѣло передано законному суду, является вмѣшательство администраціи.>

*** № 32 (рук. № 8).**

Убѣдившись, что Нехлюдовъ не въ духѣ, и пріятнаго, умнаго разговора отъ него не дождешься, Софья Васильевна обратилась къ Колосову съ вопросомъ о новой драмѣ Ибсена. Колосовъ, какъ всегда, все осуждалъ, осуждалъ и драму Ибсена, высказывая свои тонкія сужденія. Софья Васильевна вставляла свои слова, долженствовавшія выказать тонкость ея пониманія. Она защищала Ибсена. Нехлюдовъ слушалъ и не могъ перестать видѣть закулисную сторону ихъ разговора. Онъ видѣлъ, во первыхъ, это выхолощенное тѣло Колосова, сластолюбиво пригубливающаго кофе и ликеръ, во всемъ дорогомъ и лучшемъ, отъ рубашки, ботинокъ до толстаго англійскаго трико жилета и панталонъ, и зналъ, что, несмотря на его состояніе хорошее, онъ служитъ еще въ банкѣ, получая 12 тысячъ жалованья. Тоже видѣлъ онъ лежащую Софью Васильевну въ кружевахъ на шелковой подушкѣ въ дорогихъ перстняхъ на тонкихъ безсильныхъ пальцахъ, которые играли когда то, какъ говорятъ, прекрасно.

* № 33 (рук. № 8).

— А вы хотите посмотреть мой новый этюд? Хотите? Пойдемте.

Они встали и пошли. Она шла рядомъ съ нимъ и ничего не говорила, очевидно ожидая отъ него какихъ-нибудь объясненій. Но хотя онъ и видѣлъ, что онъ своимъ молчаніемъ огорчаетъ Алину, но онъ не могъ теперь ничего говорить ей, какъ прежде серьезно объ ея рисованіи. Ему, точно проснувшемуся человѣку, такъ странно было все то, что онъ дѣлалъ во снѣ. Ему хотѣлось одного: сказать ей, что онъ уѣзжаетъ, и какъ нибудь показать, что онъ оставляетъ тѣ надежды, которыя имѣлъ прежде, но сказать этого нельзя было. Онъ нетолько не имѣлъ права предполагать, что у нея были какія либо надежды, но онъ дѣйствительно такъ низко цѣнилъ себя теперь, что и не могъ предполагать, чтобы такая прелестная, чистая дѣвушка могла желать его любви. Глядя на нее, на всю ея изящную прелесть и сравнивая ее съ тѣмъ ужаснымъ существомъ въ песочномъ платьѣ, онъ испытывалъ радость жертвы, которую онъ приносилъ. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, что теперь, когда онъ отказался отъ брачныхъ взглядовъ на нее, онъ лучше любилъ ее, просто какъ сестру любилъ и жалѣлъ ее.

* № 34 (рук. № 8).

<Нехлюдовъ въ то время былъ страстно увлеченъ ученіемъ Генри Джорджа.>¹⁸⁷

Еще на первомъ курсѣ, прочтя книгу Генри Джорджа «Social Problems», а потомъ его большое сочиненіе «Progress and Poverty», онъ въ первый разъ съ необыкновенной ясностью понялъ весь ужасъ несправедливости земельной собственности, былъ пораженъ, ослѣпленъ мыслию Генри Джорджа, и съ горячей способностью самоотверженія молодости онъ рѣшилъ посвятить свою жизнь на разъясненіе и распространеніе этаго ученія и на уничтоженіе земельного рабства, какъ онъ называлъ тогда зависимость земледѣльцевъ отъ владѣтелей земли. Мысль эта казалась ему до такой степени простой, ясной, неопровержимой и удобоисполнимой, что онъ не могъ понять, какимъ образомъ люди, имѣя этотъ проэктъ Генри Джорджа, до сихъ поръ не осуществили его. Нехлюдовъ тогда всѣми средствами пропагандировалъ это ученіе: онъ проповѣдовалъ его устно и своимъ знакомымъ, и матери, и товарищамъ и написалъ профессору сочиненіе объ этомъ ученіи и переводилъ Progress and Poverty по русски. <Но не смотря на то, что онъ ни въ комъ не встрѣчалъ тогда сочувствія: знакомые и родные, всѣ землевладѣльцы, считали его ученіе вреднымъ социализмомъ, а либеральные профессора, сочувствующіе нѣмецкому социализму, считали теорію Джорджа невыдерживающей критики, — онъ не охладѣвалъ къ своей мысли. Онъ вышелъ тогда изъ университета и рѣшилъ самостоятельно посвятить свою жизнь осуществленію этой идеи.> И вотъ тогда то, весь переполненный восторгомъ отъ этой идеи, онъ уѣхалъ къ тетушкамъ и жилъ у нихъ, переводя сочиненіе Генри Джорджа, и писалъ свое русское сочиненіе объ этомъ предметѣ.

Рѣшивъ вообще, что земельная собственность есть грабежъ, Нехлюдовъ естественно рѣшилъ и то, что онъ самъ для себя долженъ избавиться отъ пользованія правомъ земельной собственности. И эта необходимая жертва съ его стороны въ осуществленіи его мысли болѣе всего утвердила его въ его рѣшеніи. Онъ тогда даже нѣсколько поссорился съ своей матерью, объявивъ ей, что онъ не хочетъ жить произведеніями труда, отнимаемыми у народа за незаконное наше владѣніе землей, и отдастъ небольшое имѣніе, принадлежащее ему, какъ наслѣдство отца, крестьянамъ. Мать не позволила ему сдѣлать это, такъ какъ онъ былъ еще несовершеннолѣтній. Изъ за этого была почти ссора и онъ, очень огорченный этимъ, уѣхалъ отъ матери къ своимъ неаристократическимъ, сравнительно бѣднымъ тетушкамъ.

---

¹⁸⁷ Взятое в ломаные скобки отчеркнуто сбоку с пометкой: пр[опустить].

Здѣсь Нехлюдовъ въ первый разъ увидалъ деревенскую жизнь и не только теоретически, но на дѣлѣ убѣдился въ справедливости того, что землевладѣніе есть владѣніе рабами, но только не извѣстными лицами, какъ это было прежде, а всѣми тѣми, кто лишенъ земли. И это открытіе приводило его въ восторгъ.¹⁸⁸

* № 35 (рук. № 8).

«Да, думалъ онъ, то было истина, и сколько ни прошло времени, истина останется истинной, и жизнь была только на томъ пути; на этомъ же пути медленное умираніе. Но что же дѣлать теперь? – опять спрашивалъ онъ себя. – Нельзя же вернуться къ тому, что было тогда. Нельзя опять взяться за освобожденіе людей отъ земельного рабства. Нельзя отдать отцовское имѣніе крестьянамъ, нельзя жениться на невинной Катюшѣ. Но отчего же нельзя, – вдругъ вскрикнулъ въ немъ тотъ лучший, давно подавленный и теперь оживавшій въ его душѣ прежній Нехлюдовъ. – Отчего нельзя? Нельзя перевернуть жизнь? Нѣтъ, 20 разъ можно перевернуть ее, только бы вернуться къ тому, что было тогда. Чтоже? Опять взяться за заброшенныя работы, отказаться отъ имѣнья? – спрашивалъ онъ себя. – Да, но тогда я съ этимъ вмѣстѣ женился на Катюшѣ. Теперь ужъ этого нельзя. Отчего нельзя? Она тутъ же, она не таже, но...» И онъ остановился въ ужасѣ передъ той мыслью, которая пришла ему.

«Жениться на ней? на этомъ трупѣ? Да, но вѣдь тутъ нѣтъ вопроса. Ты уже женатъ на ней, – опять сказалъ тотъ внутренній голосъ. Ты уже 14 лѣтъ женатъ на ней. У тебя былъ и ребенокъ отъ нея». Онъ поспѣшно сталъ закуривать, стараясь разогнать эти страшныя мысли. Но удивительное дѣло: чѣмъ больше онъ думалъ объ этомъ, тѣмъ больше это казалось ему необходимымъ. Только это одно отвѣчало на вопросъ: какъ быть и что дѣлать? Только при этомъ можно было представить себѣ жизнь безъ мученія раскаянія.

Вся жизнь его, онъ чувствовалъ, должна была перевернуться. «Чтожъ, и женюсь, – повторилъ онъ себѣ. – Только сдѣлавъ это, я могу хоть немного заглушить какъ нибудь тотъ стыдъ и боль, которые мучаютъ меня. Разумѣется, будетъ тяжело и даже стыдно, разумѣется, придется разойтись со всѣми теперешними друзьями и знакомыми (ну да Богъ съ ними!), будетъ мучительно жить съ нею, съ этой развращенной женщиной, – жить, разумѣется, не какъ мужъ съ женой, но просто жить вмѣстѣ въ одномъ домѣ. Бросить ее, оставить все какъ есть – будетъ мученье еще худшее. Мученье будетъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ. Разница же въ томъ, что, женившись на ней, мученье будетъ должное, а бросивъ ее, будетъ не должное. А то какже безъ мученія? Безъ мученія надо вернуться въ тотъ мракъ, въ которомъ я жилъ. Жениться на Алинѣ, если бы она даже и пошла за меня? Развѣ я могъ бы быть не то что счастливъ, но спокоенъ теперь, зная что она въ тюрьмѣ, въ Сибири, въ той корѣ разврата и одурѣнія, въ которую ее ввергла моя жестокость? Правда, я знаю, я одинъ знаю, чтò подъ этой корою. Но какъ разбить эту кору? И осилю ли я? И какъ приступить къ ней? Что я скажу ей, когда увижу ее? – Онъ вспомнилъ то, что онъ слышалъ про такихъ женщинъ, выходившихъ замужъ. Онъ зналъ примѣры возрожденія и зналъ примѣры такого паденія, отъ котораго уже не было возврата. И ему казалось, что Катюша теперь съ своимъ пристрастіемъ къ вину принадлежала къ этому второму разряду. Онъ видѣлъ передъ собой эти одутловатыя щеки, подпухшіе глаза, слышалъ этотъ хриплый голосъ. Вспоминалъ купца, котораго онъ себѣ представлялъ не иначе, какъ тѣмъ огромнымъ трупомъ, какъ онъ былъ описанъ въ протоколѣ; вспоминалъ ея отношенія къ этому купцу. И ужасъ отвращенія охватывалъ его.

«И какая будетъ польза отъ этой жертвы своей жизнью? – начиналъ говорить въ немъ голосъ искушителя. – Исправленіе для такихъ женщинъ невозможно. Да и если бы было возможно при вѣроятіи спасенія одной изъ ста, стоитъ ли затратить свои силы на эту одну, когда

¹⁸⁸ *Зачеркнуто:* потому что, увидавъ сущность болѣзни, ему казалось, что лѣченіе будетъ уже легкимъ.

можно ихъ употребить на самое разнообразное служеніе тысячамъ? Зачѣмъ такъ узко смотрѣть на грѣхъ, на искупленіе, что оно должно быть совершено надъ тѣмъ, кто пострадалъ отъ грѣха? Искупленіе въ томъ, чтобы не повторять грѣха и загладить его добрыми дѣлами. Развѣ нельзя жить хорошей, доброй жизнью, нельзя также, какъ я хочу теперь, освободиться отъ грѣха землевладѣнія и работать для освобожденія людей, не связавъ себя на вѣки съ трупомъ», – говорилъ онъ себѣ. И онъ начиналъ представлять себѣ, ему начинала рисоваться жизнь безъ нея; но, удивительное дѣло, онъ не могъ теперь представить себѣ такой жизни. И безъ нея не было жизни, и съ нею, съ этимъ трупомъ, жизнь представлялась ужасной. И вотъ онъ теперь дошелъ до того, до чего онъ дошелъ теперь. – Но что же дѣлать? Какъ поступить теперь, сейчасъ? Выхлопотать свиданіе съ ней, пойти, увидеть ее, покаяться передъ ней, дать ей денегъ? Онъ вспомнилъ тѣ деньги, которыя далъ ей тогда, и сейчасъ покраснѣлъ, точно онъ сейчасъ это дѣлалъ, и остановился отъ волненія. – Но чтожъ дѣлать еще? – Исправлять ее, употребить всѣ свои силы на то, чтобы исправить ее? Онъ чувствовалъ, что нужно было сдѣлать что то страшное, необыкновенное, самоистязующее и что только одно такое дѣло могло затушить въ немъ тотъ огонь раскаянія и отвращенія къ себѣ, который сжигалъ его. И это дѣло было именно такое.

* № 36 (рук. № 8).

Онъ оспаривалъ требованіе того, чтобы посвятить всю свою жизнь этой женщинѣ, хотя требованія этого ни онъ самъ и никто другой еще не заявлялъ. «И почему, согрѣшивъ передъ этой женщиной, непременно нужно исправлять эту самую женщину? – продолжалъ онъ оспаривать этотъ внутренній голосъ. – Если разбился сосудъ, то почему нужно глупо и непроизводительно употреблять всѣ силы на невозможное склеиваніе въ мелкіе дребезги разбитаго сосуда, а не на сбереженіе цѣлыхъ, на образованіе новыхъ? Развѣ нельзя дѣлать добро тѣмъ людямъ, которымъ оно нужно и пойдетъ на пользу, а не сентиментально безъ пользы затрачивать свою энергію на невозможное? Пьяницы и проститутки не излѣчиваются. И почему же нельзя мнѣ жить теперь хорошей, доброй жизнью? Почему же такъ ужъ стала невозможна женитьба на Алинѣ? – И онъ представилъ себѣ, что онъ дѣлаетъ предложеніе Алинѣ, и она не отказываетъ ему. – Но какъ же я буду жить съ нею, зная, что та въ тюрьмѣ, здѣсь, въ Москвѣ? Развѣ нельзя жить хорошей, доброй жизнью, нельзя также, какъ я хочу теперь, измѣнить свою жизнь, стать опять на путь, на которомъ я стоялъ тогда, когда жилъ въ первый разъ въ Пановѣ, не связавъ себя на вѣкъ съ трупомъ, – говорилъ онъ себѣ. И онъ начиналъ представлять себѣ жизнь безъ нея. Но, удивительное дѣло, онъ не могъ теперь представить себѣ такой жизни. И какъ же онъ теперь, сейчасъ поступить? Совсѣмъ бросить ее, скрыть отъ всѣхъ – правда, отъ всѣхъ уже не скроешь, уже сказано предсѣдателю и губернатору, – не будетъ видѣться съ ней, пошлетъ ей денегъ? Это нельзя. Увидѣть ее? – Что-же я скажу ей? Опять, какъ тогда, деньгами заплатить за свое преступленіе?» вспомнилъ онъ и покраснѣлъ. Сказать ей все и жениться? Но это ужасно.

* № 37 (рук. № 8).

Онъ перечелъ письмо управляющаго и задумался надъ нимъ. Сейчасъ надо было рѣшать вопросъ о своемъ правѣ на землю. Какъ нарочно, попался нынче этотъ бойкій малый извозчикъ, и завязался разговоръ съ нимъ. Нехлюдовъ выдвинулъ большой ящикъ стола, въ которомъ онъ еще вчера утромъ, отыскивая повѣстку, видѣлъ свой портфель съ давнишними бумагами, и досталъ изъ него и начатое сочиненіе и дневникъ того времени. Онъ раскрылъ это пожелтѣвшее сочиненіе, писанное совсѣмъ другимъ почеркомъ – точно и человѣкъ былъ другой, чѣмъ тотъ, который былъ у него теперь, и сталъ читать его. И въ головѣ его возстановился весь ходъ мыслей и чувствъ того времени. Онъ только удивлялся, какъ могъ онъ 14 лѣтъ тому назадъ такъ хорошо

обдумать и какъ могъ онъ перестать думать такъ, какъ онъ думалъ. «Да, это дѣло надо рѣшить теперь совсѣмъ иначе», подумалъ онъ о письмѣ управляющаго.

*** № 38 (рук. № 8).**

Еще болѣе взволнованный бесѣдой съ Губернаторомъ и неудачей, т. е. невозможностью увидеть ее нынче, Нехлюдовъ шелъ по Тверскому, полному народомъ бульвару, вспоминая теперь уже не судъ, а свои разговоры съ Предсѣдателемъ и Губернаторомъ. Онъ вспоминалъ, какъ они оба удивились, услыхавъ отъ него, объ его намѣреніи жениться на ней, и ему это было пріятно. Онъ зналъ, что рѣшеніе его было хорошо, и его радовало то, что онъ рѣшилъ сдѣлать хорошо. И не только это хорошо, но и всѣ тѣ смутныя мечтанія объ измѣненіи всей своей жизни, которыя со вчерашняго дня бродили въ его головѣ, и онъ чувствовалъ себя героемъ, уже сдѣлавшимъ это. То, что онъ искалъ свиданія съ нею и сказалъ про свое намѣреніе Предсѣдателю и Губернатору, было какъ бы началомъ исполненія. Ему хотѣлось точно также поскорѣе высказать кому нибудь свои намѣренія объ измѣненіи жизни и отношенія къ земельной собственности, сжечь свои корабли и подтвердить свое рѣшеніе, но онъ еще не зналъ хорошенько, въ какой формѣ оно выразится. Но не смотря на то, онъ шелъ теперь по бульварамъ, чувствуя себя героемъ, побѣдителемъ. Дома онъ пообѣдалъ, перечелъ письмо управляющаго, написалъ ему отвѣтъ, въ которомъ высказалъ то, что онъ не желаетъ отдавать землю въ аренду и скоро пріѣдетъ самъ, для того чтобы рѣшить дѣло о землѣ совсѣмъ инымъ способомъ.

*** № 39 (рук. № 8).**

Слѣдующее за этимъ дѣло было дѣло о сопротивленіи властямъ. Крестьяне, уже давно судившіеся съ помѣщикомъ о принадлежности имъ луга, скосили и убрали лугъ, который признанъ былъ въ одной инстанціи принадлежащимъ крестьянамъ, а въ другой – помѣщику, а въ третьей опять крестьяне были приговорены судомъ къ уплатѣ за скошенный лугъ и за судебныя издержки 385 рублей. Крестьяне не платили. Было рѣшено продать имущество крестьянъ, и для этого посланъ былъ судебный приставъ. Судебнаго пристава крестьяне прогнали. Тогда пріѣхалъ исправникъ съ становымъ и урядниками и съ краю деревни приступилъ къ отбиранию скотины. Тогда теперь судившіеся мужики, 18 человекъ, въ числѣ которыхъ былъ сѣдой старикъ, всѣ подошли къ двору и оттерли плечами полицейскихъ, сказавъ, что они не дадутъ скотины. Подсудимые сидѣли въ этомъ дѣлѣ не на скамьѣ подсудимыхъ за рѣшеткой, такъ тамъ они бы не помѣстились, а тамъ, гдѣ сидятъ адвокаты. Подсудимыхъ всѣхъ было 18 человекъ домохозяевъ. Всѣ они вошли въ своихъ мужицкихъ одеждахъ, всѣ входя перекрестились на образъ, встряхнули волосами и скромно, но безъ всякой робости заняли свои мѣста, наполнивъ залу запахомъ кафтановъ и дегтя. Всѣ люди эти судились за то, что они, кормя своими трудами съ земли всѣхъ этихъ чиновниковъ, приведшихъ ихъ сюда и судившихъ ихъ, хотѣли пользоваться этой землей, тѣмъ болѣе что имъ сказали, что земля эта по бумагамъ ихняя.

Попытка механическимъ путемъ достигнуть подобія справедливости была особенно возмутительна по отношенію къ этимъ людямъ.

Товарищъ прокурора съ поднятыми плечами, очевидно, смотрѣлъ на это дѣло какъ на рѣшительное въ его карьерѣ, и бѣдняга и краснѣлъ и блѣднѣлъ, дѣлая вопросы обвиняемымъ и свидѣтелямъ, желая во что бы то ни стало утопить этихъ мужиковъ. Въ обвинительной рѣчи своей, которую онъ началъ говорить весь блѣдный и дрожащій, такъ онъ былъ взволнованъ присутствіемъ знаменитаго адвоката, защищавшаго крестьянъ, онъ прямо выдумывалъ, клеветалъ и лгалъ, такъ что если бы въ этомъ судѣ дѣло шло дѣйствительно о справедливости, то перваго судить надо было этого несчастнаго заблудшаго мальчика, который былъ вполне увѣренъ, что, стараясь повредить сколь возможно тѣмъ людямъ, которые кормятъ его, онъ дѣлаетъ хорошее, заслуживающее всеобщаго одобренія дѣло. Дѣло это уже два раза слушалось

и два раза откладывалось: одинъ разъ потому, что обвиненіе, т. е. товарищъ прокурора съ поднятыми плечами, счелъ составъ присяжныхъ для себя невыгоднымъ и подъ предлогомъ не явки какихъ то неважныхъ и ненужныхъ свидѣтелей настоялъ на томъ, чтобы дѣло было отложено; другой разъ потому, что адвокатъ, защищавшій мужиковъ по сдѣланному съ ними условію цѣною за 1500 рублей, не получилъ еще всѣхъ денегъ, а только половину, другую же половину крестьяне обѣщали отдать по окончаніи дѣла. Не довѣряя крестьянамъ, адвокатъ, тоже придравшись къ отсутствію какихъ то свидѣтелей, тоже отложилъ дѣло. Такъ что теперь мужиковъ таскали въ судъ за 120 верстъ, а теперь, въ самый овсяный просѣвъ, уже въ 3-ій разъ. Дѣло все было съ самага начала совершенно ясно. Кругомъ виноваты были помѣщикъ, отнявшій лугъ, принадлежавшій крестьянамъ, судебное учрежденіе, признавшее этотъ лугъ помѣщичьимъ и присудившее взысканіе издержекъ съ крестьянъ, виноваты полицейскіе чины, виноваты теперь эти судьи съ танцоромъ во главѣ и съ своимъ товарищемъ прокурора и Судебнымъ приставомъ за то, что они позволяли себѣ издѣваться не только надъ людьми, но надъ правдой. Но тутъ на судѣ выходило, что виноваты мужики, и на вопросы, поставленные присяжнымъ, несмотря на все стараніе ловкаго защитника, защищавшаго не по существу дѣла, а по формальной сторонѣ, нельзя было иначе, какъ обвинить крестьянъ.

Странно и совѣстно было смотрѣть на этихъ крестьянъ, нѣкоторыхъ изъ нихъ старцевъ, которые, не шевелясь и не измѣняя положенія, спокойно сидѣли, ожидая, когда это кончатъ господа тѣ глупости, которыя почему то они считаютъ нужнымъ продѣлывать надъ ними. Въ томъ, что они не виноваты въ томъ, что скосили принадлежащій имъ и признанный за ними лугъ для того, чтобы имѣть сѣно и кормить имъ своихъ коровъ, овецъ и лошадей, для нихъ, очевидно, не могло быть никакого сомнѣнія, совершенно независимо отъ того, что скажутъ эти люди, разсѣвшіеся на разныхъ мѣстахъ въ шитыхъ воротникахъ и съ бумагами, въ которыхъ они что то читаютъ.

Дѣло продолжалось еще дольше вчерашняго, и только въ 7-мъ часу вечера кончились рѣчи, и предсѣдатель передалъ вопросы присяжнымъ.

Несмотря на усилія Нехлюдова совершенно оправдать мужиковъ и отвѣчать прямо – не виновны, несмотря на очевидность невиновности, старшина настоялъ на томъ, чтобы отвѣчать на вопросы точно, хотя и сколько возможно облегчая мужиковъ и давая имъ снисхожденіе.

Въ 8 часовъ все кончилось, мужиковъ приговорили къ наказанію, къ слабому, но всетаки наказанію, нѣкоторыхъ къ тюремному заключенію, и опять возложили на нихъ издержки.

*** № 40 (рук. № 8).**

Вѣдь если мы хотимъ оградить себя отъ такихъ людей, какова теперь Катюша, то надо, чтобы она оставалась Катюшей, а не дѣлалась Любкой. И это можно. Можно было и Симона съ Евфимьей сдѣлать людьми, если бы ихъ учили добру, закону Христа, а не постановкѣ свѣчекъ, и дали бы имъ возможность жить на землѣ (какъ говорилъ извозчикъ, вспомнилъ Нехлюдовъ), а не приставили ихъ на всю жизнь выносить наши нечистоты, какъ Евфимію и Симона. А Смѣл[ь]ковъ? Отчего жъ бы ему не быть человѣкомъ, если бы его учили чему нибудь кромѣ того, что питье и развратъ – это молодечество, а богатство – это добродѣтель. И неправда, чтобы это было невозможно. Не только не невозможно, но это въ сто разъ легче чѣмъ то, что дѣлается теперь, съ этими слѣдователями, частными секретарями, судьями, Сенатами и Синодами.

*** № 41 (рук. № 8).**

«Ну, у насъ нѣтъ ничего подобнаго. Есть церкви; въ нихъ звонятъ, служатъ въ ризахъ, продаютъ свѣчи, говѣютъ даже. Но развѣ кто нибудь говоритъ, что не хорошо пить водку, курить, пріобрѣтать деньги, ходить въ распутные дома? Никто не говоритъ. А если кто и гово-

рить, то Ванька не вѣрить и не можетъ повѣрить, потому что пьютъ вино господа, попы, царь, а водку отъ царя продаютъ, приобрѣтаютъ деньги всѣ и не брезгаютъ ничѣмъ, а въ дома тоже ходятъ всѣ и смѣются, рассказываютъ, и за порядкомъ въ домахъ само начальство смотреть, стало быть – хорошо. И воспитали такъ не одного, а миллионы людей, и потомъ поймаемъ одного и измываемся надъ нимъ.

* № 42 (рук. № 8).

<Развѣ ктонибудь говоритъ когданибудь этому мальчику, что не хорошо пить водку, курить табакъ, не трудясь, а обманомъ и насиліемъ приобрѣтать деньги, ходить въ распутные дома?> Ему говорили, что надо утромъ и вечеромъ и проходя мимо церкви креститься и кланяться, говорили, что надо разъ въ годъ ходить къ попу и, если онъ хочетъ особенно отличиться, дать свои гроши или пятаки на свѣчи. Но про то, что не надо курить, пить, обманомъ приобрѣтать деньги, распутничать – ему не говорили никогда. А если кто и говорилъ, то Ванька не вѣрилъ и не могъ вѣрить. А не могъ онъ вѣрить потому, что видѣлъ, что тѣ самые, которые говорили ему про это, дѣлали то самое, что они ему запрещали: курили и пили водку <всѣ, водку даже отъ казны продавали, значить, пить хорошо> и деньги добывали всякимъ обманомъ и насиліемъ, и всѣ распутничали и даже распутство считали молодечествомъ. А когда онъ, 18-лѣтній мальчикъ, выпилъ того яда, который продается на всѣхъ перекресткахъ не только съ разрѣшенія правительства, но продажей котораго оплачивается большая часть начальства, когда онъ напился этого яда и сталъ привыкать къ этому, тогда всѣ его бросили, предоставивъ ему выбирать изъ своего положенія, какъ онъ знаетъ. <Вѣдь развѣ кто когданибудь чтонибудь сказалъ поучительнаго этому мальчику, кромѣ того, что надо кланяться и креститься передъ всякой иконой и читать какія то непонятныя слова утромъ и вечеромъ? Съ 11 лѣтъ онъ въ Москвѣ въ ученіи. Что онъ видѣлъ, что слышалъ, какой примѣръ видѣлъ? Неестественную, убивающую 14-часовую работу и потомъ по праздникамъ пьянство и развратъ и маханіе руками передъ иконами.> И вѣдь такихъ мальчиковъ сотни, тысячи, десятки тысячъ, уже готовыхъ и постоянно подбывающихъ изъ деревни и готовящихся въ такое состояніе, въ которомъ теперь этотъ несчастный. Десятковъ тысячъ мальчиковъ теперь въ Москвѣ точно столь же опасныхъ, какъ этотъ мальчикъ. Почему же этаго судятъ? Но положимъ, что судятъ его потому, что онъ попался. Ну, хорошо. Ну, попался. Къ какой дѣятельности можетъ побудить общество поимка такого мальчика? По здравому смыслу только къ одному, къ тому, чтобы употребить всѣ наши силы на то, чтобы уничтожить тѣ условія, при которыхъ воспитываются такіе мальчики: уничтожить учрежденія, гдѣ ихъ дѣлаютъ. Заведенія же, гдѣ ихъ дѣлаютъ, всѣ извѣстны: это всѣ фабрики, всѣ мастерскія, въ которыхъ кишмя кишатъ эти несчастныя дѣти, это трактиры, кабаки, табачныя лавочки, распутные дома.

Что же, уничтожаютъ такіа заведенія или, по крайней мѣрѣ, ставятъ преграды ихъ увеличенію и распространенію? Напротивъ: поощряютъ, и все больше и больше людей гонитъ нужда въ города, все больше и больше распложается фабрикъ и всякихъ заведеній, гдѣ дѣлаютъ такихъ несчастныхъ.

«Воспитали такъ не одного, а миллионы людей, и потомъ поймали одного мальчика и измываются надъ нимъ», думалъ Нехлюдовъ, сидя на своемъ высокомъ стулѣ рядомъ съ полковникомъ, глядя на мальчика въ сѣромъ халатѣ и слушая различныя интонаціи голосовъ защитника, прокурора и предсѣдателя и глядя на ихъ кривлянья. Да и зачѣмъ онъ здѣсь, этотъ мальчикъ, т. е. здѣсь въ Москвѣ? Затѣмъ, что ему дома кормиться нечѣмъ, и отецъ отъ нужды бросилъ его въ этотъ вертепъ. А отчего ему кормиться нечѣмъ? Оттого, что земля эта у меня, у Колосова, у Кармалиныхъ, у француза, парикмахера и всѣхъ тѣхъ, которые набрали деньги и купили изъ подъ ногъ мужиковъ земли. Если бы вмѣсто всей этой ужасной комедіи были бы учителя добра, были бы люди, заботящіеся о томъ, чтобы люди могли жить честнымъ трудомъ.

Но если бы хоть не было бы, только бы не было этой лжи, которая ничего не сдѣлаетъ, а только возвращаетъ.

*** № 43 (рук. № 11).**

Глава XIII.

Съ слѣдующаго же дня Нехлюдовъ принялся за переустройство своей жизни. Онъ рѣшилъ, что ему прежде всего нужно освободиться отъ квартиры и лишнихъ вещей и людей, потомъ сѣздить по деревнямъ для устройства дѣла о землѣ и потомъ же, поселившись гдѣ нибудь въ маленькой квартирѣ поближе къ тюрьмѣ, устроить дѣло женитьбы и дожидаться отправки партіи въ Сибирь.

Объявивъ Аграфенѣ Петровнѣ о своемъ рѣшеніи сдать квартиру и ѣхать въ деревню, онъ попросилъ ее съ помощью Корнея распорядиться съ вещами и мебелью, сдать ихъ пока въ Кокоревскій складъ, и рассчитаться съ хозяиномъ и, поблагодаривъ Аграфену Петровну и Корнея за ихъ услуги, распрощался съ ними. Потомъ онъ поѣхалъ опять къ заведывающему тюрьмами, чтобы узнать объ условіяхъ вступленія въ бракъ съ осужденной и выхлопотать себѣ право на свиданіе внѣ обычныхъ дней.

Объ этихъ условіяхъ онъ узналъ только слѣдующее:

Въ сводѣ законовъ было сказано такъ:

На практикѣ же обыкновенно дѣлалось такъ:

Разрѣшеніе же на свиданья внѣ обычныхъ дней и за рѣшеткой онъ получилъ довольно скоро. Очевидно, его высказанное намѣреніе жениться на осужденной заинтересовало начальство, и для него сдѣлали исключеніе: ему дали билетъ, по которому онъ во всякое время могъ видѣться съ ней въ конторѣ, такъ что на третій день послѣ перваго посѣщенія онъ пріѣхалъ въ 10 часовъ въ тюрьму съ своимъ билетомъ.

Теперь уже никто не задерживалъ посѣтителей, и онъ подошелъ беспрепятственно къ самой двери. Сторожъ спросилъ, что ему нужно, и, узнавъ, что у него есть билетъ для посѣщенія, постучалъ въ оконце. Оконце отворилось. Другой сторожъ, съ той стороны, переговорилъ съ этимъ, зазвенѣлъ замокъ, и отворилась дверь, въ которую впустили Нехлюдова. Его попросили подождать, посидѣть здѣсь въ сѣняхъ, пока доложатъ смотрителю. На стѣнѣ висѣла доска, на которой было выставлено число заключенныхъ на сегодняшній день, – ихъ было 3635: 2742 мужчинъ и 893 женщинъ.

Пока ходили къ смотрителю, Нехлюдовъ ходилъ взадъ и впередъ по сѣнямъ и наблюдалъ тѣ страшные признаки острожной жизни, которая проявлялась здѣсь. Въ сѣняхъ стоялъ одинъ солдатъ у двери, другой, вѣроятно фельдфебель, красавецъ, жирный, чисто одѣтый, выходилъ два раза изъ своей боковой двери и что то строго командовалъ, не глядя на Нехлюдова. Прошли подъ конвоемъ солдатъ, въ халатахъ и котахъ, человѣкъ шесть арестантовъ заключенныхъ съ носилками и лопатами, одинъ старикъ, кривой, рыжій и страшно худой, съ поразительно злымъ выраженіемъ лица. Они что то чистили на дворѣ. Потомъ вышли развращеннаго вида женщины съ засученными рукавами, – нѣкоторыя были не дурны собой, въ цвѣтныхъ платьяхъ, – и смѣясь прошли на право и вышли оттуда съ тѣмъ же смѣхомъ, неся булки. Сторожа жадно смотрѣли на нѣкоторыхъ изъ этихъ женщинъ. Это были взятыя въ городѣ за безпаспортность женщины, которыя мыли полы. И имъ за это давали булки. Черезъ $\frac{1}{4}$ часа ожиданія пришелъ смотритель, солдаты вытянулись, и Нехлюдова попросили въ контору.

Контора была небольшая комната во второмъ этажѣ. Въ комнатѣ были только: письменный столъ, на которомъ лежали бумаги и стояла чернильница, кресло, стулъ и диванчикъ и всегдашняя принадлежность всѣхъ мѣстъ мучительства людей – большой образъ Христа.

– Сейчасъ приведутъ, – сказалъ смотритель, другой – не тотъ, который впустилъ его въ женское отдѣленіе, но тоже дружелюбный, даже непріятно фамиллярный. Онъ имѣлъ видъ, и

тонъ его разговора былъ такой, какъ будто онъ давалъ чувствовать собесѣднику то, что они съ нимъ понимаютъ другъ друга. Онъ закурилъ папироску и предложилъ тоже Нехлюдову. Но Нехлюдовъ отказался.

– Не скоро еще. Далеко коридорами.

Дѣйствительно, времени прошло много. И молчать все время было тяжело, и Нехлюдовъ вступилъ въ разговоръ о томъ, много ли заключенныхъ и часто ли ихъ отправляютъ. Смотритель все тѣмъ же тономъ, что мы понимаемъ другъ друга, сообщилъ, что переполняетъ тюрьмы полиція, присылая безпаспортныхъ, а что отправляются они два раза въ недѣлю и все не по многу, такъ что никакъ нельзя опростать тюрьму. Вся переполнена.

Среди этаго разговора слышались шаги по каменной лѣстницѣ, и подъ конвоемъ солдата показалась въ двери фигура Катюши. Она болѣе, чѣмъ въ первый разъ, имѣла видъ робкій и испуганный. Она подошла и покорно остановилась.

– Здравствуйте, Катюша, – сказалъ Нехлюдовъ, подавая ей руку. – Вотъ я выхлопоталъ свиданье съ вами кромѣ воскресенья и четверга.

– Вотъ какъ, – сказала она, подавая ему мягкую, вялую руку и не сжимая его руку и жалостно глядя на него своими раскосыми, добрыми глазами.

Смотритель отошелъ къ окну и сѣлъ тамъ. Нехлюдовъ сѣлъ у стола. Она не садилась, такъ что онъ долженъ былъ просить ее сѣсть. Она вздохнула и сѣла съ другой стороны стола.

– Вѣдь намъ надо переговорить много, – сказалъ Нехлюдовъ. – Вѣдь вы помните, что я сказалъ третьяго дня?

– Что вы сказали? – спросила она, точно вспоминая.

– Что я хочу жениться на тебѣ, – сказалъ Нехлюдовъ краснѣя.

– Помню, да, – сказала она. – Вы говорили. Только я не вѣрю. Зачѣмъ вамъ жениться на мнѣ?

Нехлюдовъ облокотился рукой на локоть, который выдвинулъ на столъ, чтобы быть ближе къ ней, и сталъ говорить тихимъ голосомъ, такъ чтобы слышала она одна, а не могъ слышать смотритель.

– Я обманывалъ прежде, прежде я былъ мерзавецъ. А теперь я не хочу обманывать, а хочу загладить свою вину передъ тобой. И только этимъ я могу загладить. Я уже говорилъ тебѣ. Не оскорбляй меня. Я уже довольно наказанъ. Вѣрь мнѣ и помоги мнѣ. Мы женимся, будемъ жить вмѣстѣ въ Сибири и, можетъ быть, ты будешь счастлива. Я по крайней мѣрѣ сдѣлаю для этого что могу.

Она слушала его, прямо глядя ему въ лицо, мигая своими длинными рѣсницами.

– Вѣришь ли ты мнѣ?

– Отчего же не вѣрить.

– Ну, такъ скажи мнѣ что нибудь.

– Что жъ сказать? – Она помолчала. – Попросите, чтобъ меня въ дворянскую перевели, – сказала она вдругъ, – а тутъ гадость. Еще спасибо – вы деньги дали, такъ я купила всего. Они лучше стали. И мѣсто мнѣ дали.

– Развѣ можно здѣсь купить что нужно?

– Все можно. И чаю купила, и сахару, и табаку, и вина купить можно.

– Катюша, – сказалъ онъ робко, – не пей вино. Мнѣ совѣстно говорить это, но я знаю, что это ужасно дурно тебѣ.

– Немножечко ничего; вотъ если напиться, ну такъ.

– Нѣтъ, ты, пожалуйста, не пей, общай мнѣ.

Она помолчала.

– А курить ничего?

– И курить нехорошо. Я самъ хочу бросить, но это еще ничего, но вотъ пить.... Пожалуйста, общай мнѣ, что не будешь.

– Вѣдь скучно очень, – сказала она, – а тутъ развеселишься.

– Нѣтъ, ты общай твердо.

– Что же, поклясться вамъ?

– Нѣтъ, просто общай.

– Ну хорошо, ну обещаю. А вотъ что еще я васъ просить хотѣла. Ужъ вы, пожалуйста, не откажите; большое дѣло, – сказала она, улыбаясь.

– Да, непременно сдѣлаю, если могу, – сказалъ онъ, радуясь и ожидая чего нибудь важнаго.

– У меня еще въ Нижнемъ подлець одинъ выбилъ зубъ. Видѣли? – Она подняла губу. – И такъ нехорошо теперь. У Якова Семеныча (Нехлюдовъ зналъ, что Яковъ Семенычъ былъ содержатель дома терпимости Розановъ) я вставила себѣ, а тамъ, въ Таганской тюрьмѣ, крючокъ отломился. Онъ золотой, и потеряла я его. А зубъ вотъ. Отдайте починить, голубчикъ, – сказала она опять и своимъ нечистымъ взглядомъ изподлюбія взглядывая на него и доставая изъ за пазухи завернутый въ бумажкѣ зубъ съ однимъ крючкомъ.

– Хорошо, я отдамъ, починю. Но зачѣмъ это? – сказалъ Нехлюдовъ. – Проще такъ.

– Ну, нѣтъ, вы сами не полюбите.

– Хорошо, хорошо. Но вотъ что, Катюша. Я спрашивалъ здѣсь, нельзя ли книги передавать вамъ; мнѣ сказали, что нельзя, а что можно одно евангеліе. Вотъ я привезъ. Почитай это, пожалуйста, почитай.

– Я читала, я знаю все.

– Нельзя все знать. Эту книгу читать – всегда все новое.

Опять у нея сдѣлалось испуганное лицо, и она, какъ улитка, ушла въ себя. Онъ хотѣлъ еще многое сказать, но, увидавъ это выраженіе, замолчалъ.

Они помолчали.

– Только вотъ что еще: у насъ у всѣхъ почти, кромѣ какъ у самыхъ послѣднихъ, свое платье. Это вотъ казенное, жесткое, гадкое, бывало Богъ знаетъ на комъ. Такъ здѣсь можно свое имѣть. Только чтобы бѣлое было. Все таки каленкорное или хоть бумазейное. Такъ вы купите мнѣ, голубчикъ. А тутъ мнѣ сошьютъ.

– А ты сама развѣ не сошьешь?

– Ну, охота шить. Тутъ есть такія – шьютъ не дорого.

Нехлюдовъ общалъ купить все что нужно, записавъ въ записную книжку подъ ея диктовку, – столько то бумазеи, столько то коленкору, нитки, пуговицы, шелкъ, потомъ чулки и башмаки.¹⁸⁹ Его огорчило, что она не хотѣла работать.

– Отчего же самой не работать? – сказалъ онъ, – вѣдь скучно безъ работы?

– А съ работой еще скучнѣе, – сказала она. – У насъ одна дворянка, я ее за обѣдомъ видѣла, такъ она себѣ на подкладкѣ сдѣлала. Ей не велятъ, а она все носить

И она продолжала рассказывать о томъ, какъ эта дворянка переписывается съ каторжными, и одинъ ей свой портретъ прислалъ.¹⁹⁰

– Катюша, я теперь уѣзжаю въ деревню и потому не увижу тебя въ эту недѣлю. Пожалуйста, сдѣлай то, что ты общала мнѣ: не покупай вина и почитай, если можно, эту книгу, – шопотомъ сказалъ онъ, – я отмѣтилъ въ ней карандашомъ.

Опять лицо ея окаменѣло въ испуганномъ выраженіи.

Нехлюдовъ чувствовалъ, что въ ней есть кто то прямо враждебный ему, защищающій ее такою, какою она теперь, и мѣшающій ему проникнуть до ея сердца. А кромѣ того, что больше всего смущало его, это было то, что всѣ тѣ хорошія слова, которыя онъ говорилъ, выходили

---

¹⁸⁹ *Зачеркнуто:* Все время съ нею Нехлюдовъ былъ въ напряженномъ состояніи и не забывалъ своей главной цѣли – оживленія ея – и всякій разъ разговоръ свой сводилъ къ тому, что вело къ этому.

¹⁹⁰ *Зач.*: Очевидно, Катюша дорожила той атмосферой, въ которой она жила, и бессознательно старалась удержать вокругъ себя эту атмосферу и не дать Нехлюдову разорвать ее.

какъ то холодны и глупы и что такія холодныя и глупыя слова не могли тронуть ее. Но такъ какъ другихъ словъ онъ не умѣлъ, не могъ говорить, онъ говорилъ эти.

Смотритель всталъ и посмотрѣлъ на часы.

– Что же, пора?

– Да, уже время, – сказалъ смотритель, повелительно кивнувъ головой солдату и Катюшѣ.

Она встала. Нехлюдовъ пожалъ ей опять руку и сказалъ:

– Такъ, пожалуйста, сдѣлай о чемъ я прошу.

Она молчала.

– А я все куплю и привезу завтра.

– Такъ, пожалуйста, – сказала она оживившись.

– Завтра нельзя будетъ, – сказалъ смотритель, слышавшій послѣднія слова Нехлюдова, – завтра контора занята будетъ. Ужъ до четверга.

– Въ четвергъ меня не будетъ. А передать можно?

– То, что разрѣшается, можете передать мнѣ. Ну, маршъ! – и онъ махнулъ головой на солдата и арестантку.

Свиданіе нынѣшнее показало Нехлюдову, какое страшно трудное дѣло онъ хотѣлъ дѣлать, но это не разочаровало его; напротивъ, онъ чувствовалъ, какъ все увеличивались въ его душѣ жалость и любовь къ ней. Онъ зналъ, что въ ней есть искра Божья и что она можетъ разгорѣться, и зналъ то, что онъ, именно онъ можетъ разжечь ее и что для того, чтобы разжечь ее, ему надо было разжечь ее въ себѣ. И онъ¹⁹¹ невольно дѣлалъ это и чувствовалъ, что къ нему возвратилось теперь то настроеніе, въ которомъ онъ былъ 14 лѣтъ тому назадъ у тетюшекъ, но только гораздо сильнѣе и серьезнѣе.

На другой день Нехлюдовъ починилъ зубъ и купилъ все, что она поручила ему, и опять пріѣхалъ для свиданія въ конторѣ.¹⁹² Но, какъ ему и сказали, его не пустили, и онъ передалъ все смотрителю для передачи ей. Свидѣлся онъ съ нею уже на другой день, въ четвергъ, въ день свиданій.

Такъ видался онъ съ ней въ продолженіи 2-хъ недѣль почти черезъ день: одинъ разъ въ общей, черезъ рѣшотку, другой разъ въ конторѣ.

Всякій разъ онъ ѣхалъ въ тюрьму съ мыслью о томъ, что онъ будетъ и какъ будетъ говорить съ ней. Главное, о чемъ онъ хотѣлъ говорить съ нею, было то, что его намѣреніе связать съ нею жизнь неизмѣнно и что онъ просить ее не отчаиваться, а дѣлать усилія надъ собой оставить дурныя привычки табаку, вина, праздности, а читать, учиться даже и работать. Но всякій разъ онъ уѣзжалъ недовольный собой тѣмъ, что онъ не сказалъ того, что хотѣлъ, или сказалъ не такъ, какъ хотѣлъ.

Мѣшало ему то, что ему совѣстно было передъ ней быть учителемъ,¹⁹³ и то, что она тотчасъ же замирала, какъ только замѣчала, что дѣло идетъ объ ея душевной жизни. Точно также замирала она, когда рѣчь заходила о прошедшемъ. Говорила она охотно только объ интересахъ обитателей тюрьмы.

Пересыльная Московская тюрьма – цѣлый міръ. Въ ней бываетъ до 3000 человѣкъ, и въ эту весну было больше этого. Это цѣлый городокъ, связанный единствомъ страданія. И все, что происходитъ въ этомъ міркѣ, дѣлается извѣстнымъ всѣмъ живущимъ въ немъ и составляетъ

---

¹⁹¹ *Зачеркнуто:* вспоминалъ теперь, чтò она сказала ему и хорошо ли, такъ ли, какъ должно, онъ говорилъ ей. «Нѣтъ, не хорошо, не то, не такъ надо было говорить, – думалъ онъ. – Но если не теперь, то послѣ. Не можетъ же быть, чтобы она не поняла меня. Вѣдь она живой человѣкъ. И ничего не хочу себѣ, ничего, кромѣ того, чтобы дѣлать что должно.

¹⁹² *Зач.*: Она была очень рада и очень оживилась и стала тотчасъ же рассказывать про вновь приведенныхъ въ ихъ камеру двухъ женщинъ, изъ которыхъ одна было захотѣла важничать, но ее тотчасъ же осадили. Чуть было не побили ее, да, спасибо, она угостила. – А ты обѣщала мнѣ не пить, – сказалъ Нехлюдовъ. – Да чтожъ, я немножко, – сказала она.

¹⁹³ *Зач.*: но онъ дѣлалъ надъ собой усилія и дѣлалъ это. Для того же чтобы имѣть право говорить ей о томъ, чтобы она бросила свои дурныя привычки, онъ бросалъ свои и очень скоро самъ пересталъ пить и курить. Но ему рѣдко удавалось говорить ей то, что онъ хотѣлъ.

интересъ жизни. То приходила новая партия, и рассказывали о новыхъ лицахъ, то отправлялась, то почти каждый день приводили взятыхъ въ Москвѣ, то назначался новый начальникъ, то неповиновеніе, то наказаніе, то заболѣваніе, то смерть, то браки, роды, то посѣщеніе важнаго лица.

Почти всякій день, когда приходилъ Нехлюдовъ, Катюша рассказывала ему про различныя событія острога. И она спѣшила рассказывать про это, очевидно не желая и не умѣя говорить о внутренней жизни. Изъ товаровъ ея по заключенію у нея была одна пріятельница,¹⁹⁴ крестьянка, ссылаемая за¹⁹⁵ грабежъ, и¹⁹⁶ прислуживающая ей дѣвушка, дочь дьячка, за задупленіе ребенка.

Нехлюдовъ зналъ про всѣхъ и возилъ имъ то, что допускалось въ тюрьму. Онъ пріѣзжалъ, садился¹⁹⁷ въ конторѣ съ Катюшей, которую приводили туда, пожималъ ей руку и начиналъ разговаривать, стараясь при всякомъ случаѣ показать свое уваженіе къ ней и непоколебимость рѣшенія жениться.

Почти всякій разъ онъ напоминалъ это. Вѣнчаніе онъ назначилъ послѣ Петровскаго поста, такъ какъ ему нужно было еще съѣздить по деревнямъ, чтобы распорядиться землей.

Она слушала его¹⁹⁸ равнодушно, какъ будто не понимая значенія всего того, что онъ дѣлалъ. И когда онъ говорилъ ей про это, она слушала невнимательно и, видимо, рада была, когда онъ кончалъ, и просила его или исходатайствовать ей, а чаще всего товаркамъ, какую нибудь льготу, или привезти что нибудь съѣстное. Оживлялась же она только тогда, когда рассказывала ему о различныхъ событіяхъ, происшедшихъ среди заключенныхъ и занимавшихъ ихъ.

Всякій разъ, какъ онъ заговаривалъ о прошедшемъ, она поспѣшно начинала разговоръ о дѣлахъ тюрьмы. Но равнодушіе и мертвенность ея не только не нарушали рѣшенія Нехлюдова жениться на Катюшѣ, но только еще больше утверждали его въ немъ. Онъ не только не рассказывался въ этомъ рѣшеніи, но испытывалъ новое, все большее и большее чувство напряженной жалости и любви къ этой¹⁹⁹ несчастной женщинѣ.²⁰⁰ Мертвенность Катюши и какая то лежавшая на ней печать нечистой жизни, которыя должны бы были отталкивать его, увеличивали въ немъ его чистую любовь къ ней, не ждущую ни отъ нея, ни отъ кого бы то ни было какой нибудь за то награды.

Сначала у него было чувство тщеславія: желанія похвастаться передъ людьми своимъ поступкомъ, – это было первое время, когда онъ объяснялся съ Предсѣдателемъ и Губернаторомъ, – но очень скоро чувство это почти прошло и замѣнилось чувствомъ истинной и дѣтельной любви къ ней, имѣющей опредѣленную цѣль ея возрожденія. Съ каждымъ днемъ онъ чувствовалъ, какъ разгорается все большее и большее тепло въ его душѣ, и это увеличеніе тепла, т. е. любви, не то чтобы радовало его, – радости тутъ не было, напротивъ, онъ испытывалъ постоянно тяжелое напряженное чувство; – но давало ему сознаніе полноты жизни, того, что онъ дѣлаетъ въ жизни то, что должно дѣлать и лучше чего онъ ничего не можетъ дѣлать. Удастся ли ему пробудить въ ней жизнь, вызвать въ ней²⁰¹ не любовь къ себѣ, – объ этомъ онъ

¹⁹⁴ *Зачеркнуто:* купчиха,

¹⁹⁵ *Зач.*: отравленіе мужа,

¹⁹⁶ *Зач.*: покорная раба

¹⁹⁷ *Зач.*: на нары рядомъ

¹⁹⁸ *Зач.*: съ улыбкой, но довольно

¹⁹⁹ *Зач.*: заснувшей

²⁰⁰ *Зач.*: Катюша была все также мертва и не то что непривлекательна: напротив, она могла быть привлекательна еще для мужчины и знала это, но именно эта то привлекательность и была особенно отвратительна Нехлюдову. Сознаніе ею этой своей привлекательности по отношенію къ нему было для него ужасно. Онъ не могъ иначе смотрѣть на нее, какъ на сестру.

²⁰¹ *Зачеркнуто:* ту Катюшу, которая была тогда въ домѣ тетушекъ, прежде чѣмъ онъ не погубилъ ее, удастся ли ему вызвать въ ней

и не думалъ, и она ему не нужна была, — но любовь къ тому, что онъ любилъ и что свойственно любить всякому человѣку — любовь къ добру, — это будетъ огромное, сверхдолжное счастье; не удастся, и она останется такою, какою она теперь, и его женой, у него до самой смерти его или ея будетъ радостное дѣло звать ее къ любви и, разжигая ее въ себѣ, вызывать ее въ ней²⁰² и надѣяться, хотя предъ своей или ея смертью, на достиженіе своей цѣли.²⁰³

Такъ прожилъ онъ недѣлю, и, не подвинувшись ни на шагъ въ своемъ воздѣйствіи на нее, но все таки ни на минуту не отчаявшись въ возможности такого воздѣйствія, онъ выѣхалъ изъ Москвы, чтобы въ своихъ имѣніяхъ устроить свое дѣло съ крестьянами.

*** № 44 (рук. № 8).**

Съ тѣхъ поръ для Нехлюдова началась новая жизнь. Онъ почти каждый день ѣздилъ въ острогъ и никого не видалъ, кромѣ тюремныхъ жителей и своего дворника.

Изъ Москвы всѣ знакомые его уѣхали. Уѣхали и Кармалины, очень недовольные Нехлюдовымъ. Аграфену Петровну Нехлюдовъ, передавъ ей то, что было завѣщено его матерью, отправилъ на ея родину; Корнею онъ нашелъ мѣсто у двоюродной сестры. Жилъ Нехлюдовъ въ комнаткѣ Аграфены Петровны, ходилъ къ себѣ съ задняго крыльца. Питался онъ въ молочныхъ и трактирахъ низкого разбора, въ которыхъ онъ не надѣялся встрѣтить прежнихъ знакомыхъ, и иногда дома за самоваромъ, который ему ставила жена дворника.

*** № 45 (рук. № 8).**

Черезъ губернатора онъ выхлопоталъ себѣ разрѣшеніе посещать Маслову и въ обыкновенные дни и каждый день отъ 12 часовъ до 2-хъ проводилъ съ нею. Два часа эти, проводимые съ нею, были очень тяжелы для него, но потомъ они остались однимъ изъ самыхъ яркихъ воспоминаній его жизни.

*** № 46 (рук. № 11).**

Когда Нехлюдовъ пріѣхалъ въ деревню, яровой посѣвъ былъ въ самой серединѣ, и народъ весь былъ въ работѣ, такъ что собрать народъ для того, чтобы поговорить о землѣ, Нехлюдовъ отложилъ до Воскресенья. Два дня, оставшіеся до воскресенья, Нехлюдовъ употребилъ на разсмотрѣніе книгъ прикащика и на обходъ знакомыхъ дворовъ. Изъ книгъ прикащика онъ увидалъ, что большинство крестьянъ было въ полной кабалѣ у конторы: они работали за луга, за листъ, за ботву отъ картофеля, и всѣ почти были въ долгу у конторы.

Обойдя же нѣсколько дворовъ изъ бѣдныхъ, Нехлюдовъ ужаснулся на тѣ условія, въ которыхъ жили крестьяне и къ которымъ привыкли крестьяне, какъ будто уже не желая ничего лучшаго: пища состояла изъ одного картофеля и хлѣба, одежда была жалкое тряпье, жилища были грязны, тѣсны и ветхи.

Держались только тѣ, которые могли отпускать своихъ работниковъ въ города въ ремесленники, дворники, плотники, и еще богачи, закабалявшіе себѣ бѣдняковъ и захватившіе ихъ земли. Большинство же было въ такомъ положеніи, что при малѣйшемъ ослабленіи энергіи или несчастномъ случаѣ переходило на ступень нищаго, могущаго питаться только милостыней.

Большая часть крестьянъ, казалось, была занята только тѣмъ, чтобы не переставая только отписываться отъ затопившей ихъ нужды. Стоило немного ослабѣть, и нужда заливала. Веселы

---

²⁰² *Зач.*: И онъ ничего не видѣлъ больше и лучше этого дѣла. Какое бы онъ ни дѣлалъ внѣшнее, матерьяльное дѣло, какъ бы велико оно ни было, всегда можно бы было найти его ничтожнымъ и представить себѣ другое важнѣе и больше его.

²⁰³ *Зач.*: Передъ отъѣздомъ своимъ въ деревню ему хотѣлось еще разъ побывать у нея и въ болѣе удобныхъ условіяхъ, и для этого онъ опять поѣхалъ къ завѣдывающему тюрьмами. Кромѣ того, ему нужно было узнать еще и объ условіяхъ вступленія въ бракъ съ осужденными.

были только ребята и дѣвки, люди же постарше были въ постоянномъ уныніи, очевидно проходившемъ только тогда, когда они забывались виномъ. Все это теперь, когда ему не нужно было, какъ участнику этого положенія, скрывать отъ себя все это, онъ увидалъ теперь въ первый разъ.

Стоило только безъ предвзятой мысли, безъ желанія оправдать себя, какъ путешественнику, изслѣдовать условія жизни этихъ людей, узнать, на кого они работаютъ, при какихъ условіяхъ пользуются землею и произведеніями съ нея своего труда, чтобы было совершенно ясно, что люди эти содержатся въ самомъ жестокомъ, доводимомъ до послѣдней степени тяжести рабствѣ землевладѣльцами.

Онъ удивлялся теперь, какъ могъ онъ прежде не только не видать этого, но еще предъ-являть какія то требованія къ крестьянамъ и осуждать ихъ.

Въ воскресенье собрались у амбара повѣщенные объ этомъ выбранные крестьяне трехъ деревень, среди которыхъ находилась земля Нехлюдова. Весь вечеръ наканунѣ Нехлюдовъ писалъ, измѣнялъ, поправлялъ свой проэктъ и условія и придумывалъ то, что онъ скажетъ имъ.

Утромъ онъ вновь перечелъ и переписалъ проэктъ условія и сталъ дожидаться мужиковъ. Съ 10 часовъ они стали собираться. Нѣсколько разъ Нехлюдовъ выглядывалъ изъ окна и видѣлъ, какъ все прибавлялось и прибавлялось мужиковъ, какъ они медлительно и важно подходили въ своихъ кафтанахъ и шапкахъ, большей частью съ палками, къ прежде собравшимся и, раскланявшись, садились на приступки амбара или становились кружкомъ и бесѣдовали. Онъ выглядывалъ изъ окна, не выходя къ нимъ, потому что зналъ, что разстроить ихъ, и дожидался, пока соберутся всѣ.

Наконецъ прикащикъ пришелъ сказать, что собрались всѣ. Нехлюдовъ заглянулъ въ окно. Толпа была большая и громко гудѣла. Нехлюдову стало жутко. Онъ шелъ дѣлать благодареніе — такъ онъ рассуждалъ — и хвалилъ себя за это, а въ глубинѣ души онъ чувствовалъ себя виноватымъ воромъ, который, прежде чѣмъ быть пойманнымъ, хочетъ сознаться въ кражѣ и возвратить ее.

Когда Нехлюдовъ подошелъ къ собранію и обнажились русые, курчавые, плѣшивые, сѣдые головы, у Нехлюдова сжалось сердце, и стало жутко. Всѣ поклонились и съ непроницаемымъ и важнымъ видомъ уставились на барина.

— Я пригласилъ васъ вотъ зачѣмъ, — началъ онъ. — Я считаю, что земля Божья и что владѣть землею можно только тому, кто работаетъ на ней, и потому считаю, что мнѣ, такъ какъ я не работаю на ней, владѣть землею нельзя, и потому я желаю передать ее вамъ.²⁰⁴

Всѣ молчали съ тѣмъ же значительнымъ видомъ. Одинъ только съ большой рыжей бородой и глубокомысленнымъ лицомъ, выдававшимся изъ всѣхъ, значительно повелъ бровями и одобрительно сказалъ:

— Это такъ точно.

— Вотъ такъ я и хочу отдать вамъ землю. Отдаю я ее всю вамъ, тремъ обществамъ, но не даромъ, а съ тѣмъ условіемъ, чтобы тѣ, кто будетъ владѣть землею, платили за нее по 6 рублей за десятину, не мнѣ, а обществу, т. е. на общія дѣла всего общества: на школу, на машины, если какія нужны для всѣхъ.²⁰⁵ Вотъ вамъ бумага, въ ней все это написано, — сказалъ онъ, передавая имъ заготовленный проэктъ условія съ ними, — все это почитайте, обсудите и потомъ скажите мне ваше мнѣніе, и потомъ обсудимъ еще. Вы поняли меня?

— Какъ не понять. Очень понятно, — значительно проговорилъ рыжебородый и тотчасъ же сталъ молотъ такой вздоръ, что очевидно было, что онъ не только не понялъ того, что говорилъ Нехлюдовъ, но не понимаетъ и того, что говоритъ самъ. — Значитъ, чтобы общество отвѣчало, — говорилъ онъ, — кто, примѣрно, не уплатилъ, можетъ, значить, земли рѣшиться. Только бы денежки по срокамъ. Одно, что дороговько полагаете.

---

²⁰⁴ *Зачеркнуто:* Все это было принято какъ естественное и ожидаемое.

²⁰⁵ *Зачеркнуто:* даже на подати, на общественнаго быка или жеребца.

Онъ бы еще долго говорилъ, наслаждаясь звуками своего голоса, но его остановили, и совсѣмъ незамѣтный, остроносый мужичокъ, лѣтъ 50-ти, началъ не столько говорить, сколько спрашивать.

– Кому же платить деньги? – спросилъ онъ.

– Платить сами себѣ, – отвѣчалъ Нехлюдовъ.

– Это мы понимаемъ. Только кто же взыскивать будетъ?

– Изберите старосту.

– Ну, а въ какіе же сроки платежъ будетъ?

– А это вы сами назначьте, но только чтобы платежъ былъ впередъ, также, какъ вы платили, когда нанимали землю.

Молодой малый въ синей поддевкѣ тоже, видно, понялъ и вступилъ въ разговоръ.

– Ну, а если не уплатимъ мы, не осилимъ, тогда что?

– Тогда надо землю другимъ отдать. За эту цѣну возьмутъ.

– Цѣна высока.

– А я слышалъ, что вы брали эту землю дороже.

– Да вѣдь это для себя.

– А это развѣ не для себя?

Рыжебородый опять вступился и началъ говорить что то непонятное. Видно было, что большинство не довѣряло, отыскивало скрытый смыслъ въ словахъ Нехлюдова и потому не понимали.

– Такъ вы поговорите между собой, обсудите, а что пожелаете узнать еще, приходите, – сказалъ Нехлюдовъ. – Я нарочно проживу здѣсь нѣсколько дней, чтобы окончить это дѣло.

Мужики разошлись. На другой день пришли выбранные отъ одной изъ деревень, самой большой и богатой, съ предложеніемъ отдать имъ землю просто по старому въ наймы и дороже, чѣмъ онъ назначалъ, – онъ назначалъ по 6 рублей въ кругъ, а они давали 8, но только безъ всякихъ новостей, а по старому.

Въ числѣ выбранныхъ былъ и тотъ востроносый крестьянинъ, который вчера, казалось, понялъ предложеніе Нехлюдова. Онъ теперь не смотрѣлъ въ глаза Нехлюдову, когда онъ повторялъ ему, что онъ землю считаетъ не своею и отдаетъ ее крестьянамъ.

– Вамъ выгоднѣе будетъ, и съ нами одними дѣло имѣть, а то Телятинскіе возьмутся и не выдержать.

Нехлюдовъ опять повторилъ то, что говорилъ вчера и, отказавъ имъ, отпустилъ крестьянъ.

Въ тотъ же день вечеромъ пріѣхалъ купецъ-мельникъ, съ своей стороны предлагая по прежнему 9 рублей. Нехлюдовъ видѣлъ, что его не понимаютъ, потому что не вѣрятъ ему, и рѣшилъ вновь собрать крестьянъ выбранныхъ, болѣе толковыхъ, и вновь разъяснить имъ свое намѣреніе.

Онъ жилъ въ маленькомъ флигелькѣ, конторѣ, но для этого случая открылъ домъ и устроилъ собраніе въ тетушкиной залѣ. Собралось около 20 человѣкъ. Нехлюдовъ настоялъ на томъ, чтобы они сѣли.

Онъ заказалъ прикащику два самовара и попросилъ прикащика разливать чай, чтобы угостить имъ мужиковъ.

Сначала, когда пришли мужики, было очень неловко. Они не хотѣли даже садиться. Но потомъ, когда наконецъ разсѣлись и занялись чаемъ, разговоръ оживился. Сначала Нехлюдовъ только спрашивалъ про цѣны на землю, гдѣ они нанимаютъ и каковы были урожаи.

Когда отпили по два стакана чая и нѣкоторые уже стали отказываться, Нехлюдовъ началъ свою рѣчь. Прежде всего онъ сказалъ имъ свой взглядъ на грѣхъ и незаконность собственности земли. Онъ высказалъ имъ тотъ взглядъ Спенсера на земельную собственность, отъ котораго онъ отрекается теперь и состоящей въ томъ, что земля не можетъ быть собственностью отдѣль-

ныхъ лицъ уже по одному тому, что если частныя лица могутъ приобрѣтать въ собственность землю, то всегда возможно то, что нѣсколько лицъ, хотя бы ихъ было и очень много, получать право собственности на землю всей планеты (что отчасти уже совершается), и тогда всѣ остальные люди неизбѣжно будутъ находиться въ полномъ рабствѣ у земельныхъ собственниковъ не только за право вырабатывать себѣ изъ земли питаніе, но за право стоять на землѣ: «уходи съ моей земли», скажетъ одинъ землевладѣлецъ. Онъ перейдетъ на другую, а тамъ тоже хозяинъ земли скажетъ тоже: «плати или работай, а то уходи».

– Не иначе, какъ надо крылья поддѣлать, какъ птицы летать, – сказалъ одинъ еще не старый мужикъ съ блестящими глазами и бѣлыми, какъ ленъ, волосами. Всѣ засмѣялись.

– А сталь на землю – работай, – сказалъ вчерашній остроносый мужичекъ.

– Да оно такъ и есть. Куда ни кинь, все одно, – подтвердилъ съ смѣлымъ, изрытымъ морщинами лицомъ нахмуренный мужикъ. – Бабенки за грибами пойдутъ – и то плати.

И ледъ былъ сломанъ.

*** № 47 (рук. № 11).**

Окончивъ это дѣло въ Рязанскомъ имѣніи, Нехлюдовъ поѣхалъ за тѣмъ же дѣломъ въ Малороссію, въ главное имѣніе матери. Здѣсь дѣло оказалось труднѣе. Хохлы ни за что не хотѣли вѣрить, что земля будетъ ихняя, и воображали всякаго рода подвохи со стороны Нехлюдова. Тогда Нехлюдовъ придумалъ другой выходъ. Онъ рѣшилъ заложить землю въ банкъ за высшую оцѣнку и передать эту землю крестьянамъ, 8 обществамъ, вблизи которыхъ находилась земля, съ переводомъ на нихъ долга банка, такъ что имъ приходилось платить за землю по расчету около 2,3 рублей за 1 десятину, что составляло ту самую ренту, которую они опредѣлили за землю. Деньги же 480 тысячъ онъ положилъ на имя этихъ 8 обществъ, предоставляя этимъ обществамъ распоряжаться процентами съ этихъ денегъ, какъ они хотятъ, на общественныя нужды. Дѣла эти долго задерживали его въ губернскомъ городѣ. Въ свободныхъ же промежуткахъ, когда ему не нужно было никуда являться и ничего подписывать, онъ ѣздилъ въ Москву, чтобы повидать Катюшу.

3-я РЕДАКЦИЯ

*** № 48 (рук. № 14).**

Опять она свидѣлась съ писателемъ, и теперь онъ показался ей менѣе противнымъ, въ особенности тѣмъ, что онъ очень хвалилъ ее и, очевидно, по своему полюбилъ. Онъ далъ ей денегъ 25 рублей и предложилъ ей переѣхать въ отдѣльную квартиру. Она долго колебалась; въ особенности ей жалко было 5-лѣтняго золотушнаго Митьку, теткина сына, который особенно привязался къ ней и съ которымъ она спала, но соблазнъ былъ слишкомъ великъ: то подвалъ, сырость, вонь, грязь, кричащія дѣти, пьяный дядя и сосѣди, драки, или чистыя три комнаты съ прислугой, спокойствіе, сытость, угощенія, увеселенія. Все это было хорошо, но писатель ей сталъ противенъ, и она не согласилась и пошла опять къ Аннѣ Кузьминичнѣ, желая сойтись съ кѣмънибудь другимъ, молодымъ человѣкомъ. Ее мучало любопытство, какъ это еще бываетъ. Анна Кузьминична свела ее съ новымъ хорошимъ, какъ она говорила, господиномъ. Потомъ она сама сошлась съ студентомъ, у котораго ничего не было. Она ушла отъ тетки, поселилась сама на квартирѣ. Студентъ уѣхалъ лѣтомъ. На квартирѣ, гдѣ она жила, она сошлась съ другой дѣвушкой, которая свела ее съ содержательницей дома терпимости. Въ это время, въ особенности во время связи съ студентомъ, она приучилась пить и въ нетрезвомъ видѣ согласилась поступить въ домъ.

* № 49 (рук. № 14).

Онъ прочелъ тогда въ первый разъ Confessions Руссо, знаменитую первую его рѣчь, Эмиля и Profession de foi d'un vicaire Savoyard. И въ первый разъ онъ понялъ христіанство и рѣшилъ, что онъ будетъ жить такъ, какъ проповѣдывалъ Pierre и какъ говорило ему его сердце. Онъ тогда составилъ себѣ правила жизни, которыя должны были совершенствовать его тѣло и душу, и старался слѣдовать имъ. Надо было быть внимательнымъ и добрымъ ко всѣмъ людямъ, быть воздержнымъ и дѣятельнымъ. Въ числѣ этихъ правилъ для совершенствованія было раннее вставанье, и это раннее вставанье въ деревнѣ, въ новыхъ мѣстахъ, доставляло ему особенное наслажденіе. Онъ вставалъ иногда въ 3 часа, шелъ купаться, когда еще роса лежала матовая, а солнце еще не выходило изъ за аллеи. Потомъ садился за умственную работу: онъ читалъ;²⁰⁶ потомъ дѣлалъ гимнастику, потомъ²⁰⁷ обѣдалъ, спалъ, потомъ ѣздилъ верхомъ и писалъ свой дневникъ. Онъ былъ юноша способный къ умственному труду, но только тогда, когда онъ самъ избиралъ его, но учиться по заданной программѣ, какъ надо было для экзамена, онъ могъ только съ большимъ трудомъ. Онъ учился и зимой и теперь только потому, что зналъ, что прохожденіе имъ университета есть задуманное желаніе его матери.²⁰⁸

* № 50 (рук. № 19).

Катюша влюбилась въ него и хотя знала, что ей нельзя и мечтать о томъ, чтобы выдти замужъ за богатаго, знатнаго князя, все таки любила его и готова была всячески отдаться ему, чувствовала, что и онъ любитъ ее, хотя и не смѣла признаться себѣ въ этомъ; но Нехлюдовъ былъ невинный мальчикъ, и въ это лѣто онъ только одинъ разъ, и то нечаянно, поцѣловалъ ее.

* № 51 (рук. № 19).

Но онъ былъ не одинъ. У него была мать, больная, слабая, любившая его. Нехлюдовъ зналъ, что женитьба его на горничной была бы несчастьемъ, величайшимъ несчастьемъ для его матери, а можетъ быть, и смертнымъ ударомъ, и потому²⁰⁹ онъ и не позволялъ себѣ ни думать, ни говорить объ этомъ.²¹⁰ Узнавъ о томъ, что случилось съ сыномъ, Софья Ивановна написала ей. Княгиня Елена Ивановна выписала своего сына за границу и ничего прямо не сказала ему, но онъ видѣлъ, что она взволнована и боится его. Узнавъ объ его намѣреніи отдать отцовскую землю крестьянамъ, она дала на это свое согласіе, несмотря на то, что считала это безуміемъ. Она все была готова сдѣлать для него, только бы онъ не исполнилъ своего намѣренія жениться на Катюшѣ.

** № 52 (рук. № 14).

За эти два года Нехлюдовъ очень много пережилъ и сдѣлалъ два coup de tête,²¹¹ какъ называла Елена Ивановна его рѣшительные, измѣнявшіе всю его жизнь поступки. И съ нимъ происходила теперь уже третья метаморфоза, какъ, грустно шутя, говорила про него его мать.

---

²⁰⁶ Зачеркнуто: философъ,

²⁰⁷ Зач.: занимался съ учителемъ,

²⁰⁸ Зач.: Учитель былъ тупой добродушный педагогъ, и Нехлюдовъ съ большимъ усиліемъ каждый день три часа занимался съ нимъ.

²⁰⁹ Зач.: мечтая жениться на Катюшѣ,

²¹⁰ Зач.: Катюшѣ до тѣхъ поръ, пока этого не разрѣшитъ ему его мать.

²¹¹ [безрассудныхъ поступка,]

Первый его *coup de tête* и метаморфоза состояли въ томъ, что²¹² онъ, вступивъ въ университетъ, изъ аристократа²¹³ сдѣлался²¹⁴ послѣдователемъ Генри Джорджа и, получивъ небольшое наслѣдство своего отца,²¹⁵ отдалъ его крестьянамъ, а дядя, его попечитель, не утвердилъ эту его передачу земли до совершеннолѣтія.

Второй *coup de tête* состоялъ въ томъ, что, окончивъ курсъ кандидатомъ математическихъ наукъ, онъ, вмѣсто того чтобы поступить, какъ хотѣла его мать, въ дипломатическій корпусъ, гдѣ ему обѣщали блестящее положеніе, поступилъ во 2-е отдѣленіе собственной канцеляріи Государя, т. е. въ отдѣленіе законовъ. Поступилъ онъ въ это учрежденіе такимъ образомъ. Въ то время какъ онъ кончилъ курсъ, онъ находился въ томъ положеніи внутренняго душевнаго пересмотра, душевной стирки, *la grande lessive*,²¹⁶ какъ онъ называлъ это, которое онъ испытывалъ тогда у тетушекъ и теперь испытывалъ второй разъ. Окончивъ курсъ, онъ подвелъ счеты самъ съ собой, увидалъ, что онъ очень опустился за эти 2 года – мало работалъ надъ собой, былъ не добръ съ матерью, съ сестрами, увлекался тщеславіемъ, мало работалъ, проводилъ праздно время, забросилъ свои правила и пересталъ писать дневникъ. Теперь онъ рѣшилъ начать новую жизнь, такую, которая бы вся была направлена на нравственную и умственную пользу себѣ и на пользу людямъ. Намѣреніе свое отдать землю отцовскаго имѣнія крестьянамъ онъ исполнилъ, какъ скоро достигъ совершеннолѣтія, несмотря на недовольство дяди и матери. Исполняя желаніе матери, онъ поѣхалъ служить въ Петербургъ. Но службу онъ выбралъ не въ виду личнаго успѣха и выгоды, а въ виду той пользы, которую онъ могъ приносить. Когда рѣшено было, что онъ поѣдетъ служить въ Петербургъ онъ взялъ адресъ календарь и внимательно перечелъ всѣ гражданскія учрежденія. Изъ всѣхъ ихъ онъ счелъ самымъ важнымъ то, въ которомъ составлялись законы. Рѣшивъ, что онъ будетъ служить въ этомъ учрежденіи, онъ пошелъ на пріемъ къ Статсъ Секретарю и объявилъ ему о своемъ желаніи служить у него.

Статсъ Секретарь заинтересовался имъ и опредѣлилъ его въ свою канцелярію.

Въ Петербургѣ Нехлюдовъ естественно вступилъ въ высшее общество, гдѣ были связи его отца и матери и гдѣ онъ интересовалъ петербуржцевъ своей непохожей на нихъ оригинальностью и наивностью.

Какъ послѣ перваго духовнаго подъема, происшедшаго въ деревнѣ у тетушекъ, такъ и теперь, послѣ большой стирки при выходѣ изъ Университета, радостное и твердое душевное состояніе понемногу тускнѣло, ослабѣвало, и черезъ годъ Нехлюдовъ опять забылъ свои правила, пересталъ писать дневникъ и сталъ курить, пить, много расходовать денегъ.

Это была вторая метаморфоза, какъ говорила его мать. Не прошло и года послѣ его переѣзда въ Петербургъ, какъ съ нимъ произошла еще третья метаморфоза, и онъ сдѣлалъ 3-ій *coup de tête*. Метаморфоза состояла въ томъ, что онъ сдѣлался патріотомъ. *Coup de tête* же состоялъ въ томъ, что при объявленіи войны Турціи онъ, рѣшивъ, что его обязанность въ томъ, чтобы жертвовать собой для защиты угнетенныхъ, вышелъ изъ штатской службы и поступилъ въ военную. Онъ говорилъ, что онъ поступаетъ въ военную службу потому, что онъ не могъ бы оставаться спокойнымъ, внѣ опасности, зная, что люди, наши русскіе, идутъ на смерть за братьевъ; въ глубинѣ же души ему только хотѣлось узнать, что такое война, получить новыя

²¹² *Зачеркнуто*: прочтя Henry George еще на первомъ курсѣ университета, вступая въ социалистическій кружокъ, онъ рѣшилъ, что земельная собственность есть преступленіе, и отказался отъ небольшого имѣнія своего отца. Другой *coup de tête* – это было очень смѣлое сочиненіе по уголовному праву, въ которомъ онъ доказывалъ незаконность не только смертной казни, но и всякаго уголовного возмездія, и вслѣдствіи этого сочиненія – выходъ изъ университета и переѣздъ въ Петербургъ, гдѣ онъ увлекся блестящей свѣтской жизнью.

²¹³ *Зач.*: и патріота

²¹⁴ *Зач.*: социалистомъ,

²¹⁵ *Зач.*: продалъ его и отдалъ деньги на социалистическія изданія.

²¹⁶ [большая стирка,]

впечатлѣнія, не пропустить чего нибудь, что могло случиться съ нимъ, и, главное, выказаться передъ своими высокопоставленными знакомыми, которые одобряли такіе поступки.

И онъ поступилъ въ полкъ, одѣлся въ мундиръ.

Вступая въ военную службу въ Петербургѣ, онъ, естественно, по своимъ связямъ былъ вовлеченъ поступить въ одинъ изъ самыхъ модныхъ, дорогихъ и развратныхъ гвардейскихъ полковъ.

Подъ предлогомъ того, что поступленіе его во время войны въ военную службу есть самоотверженный поступокъ, онъ прощалъ себѣ и другимъ многое изъ того, что онъ не простилъ бы себѣ прежде, – и потому паденіе его или удаленіе отъ тѣхъ цѣлей жизни, которыя онъ ставилъ себѣ, особенно въ военной богатой средѣ, въ которую онъ вступилъ, шло очень быстро.

Въ это время съ нимъ случилось то, что случается со всѣми молодыми людьми этого круга: частью для здоровья, частью изъ любопытства, частью изъ за желанія удовольствія онъ позналъ нерожавшую женщину самымъ пошлымъ, грубымъ образомъ.

Онъ потерялъ въ это время совершенно сознаніе того, что хорошо и что дурно. Все дурное дѣлалось такъ роскошно, красиво, дѣлалось такъ всѣми, что дурное переставало представляться дурнымъ. Чувствовалось какое [то] радостное, веселое освобожденіе отъ всѣхъ прежде чувствуемыхъ нравственныхъ препятствій. Всѣ дѣлали все дурное съ такой увѣренностью, съ такимъ блескомъ, дѣлали это такіе уважаемые всѣми люди, что, очевидно, нравственные требованія, прежде стѣснявшія его, были одно недоразумѣніе. Какъ разрѣшалось это недоразумѣніе, онъ не зналъ, но твердо вѣрилъ, что оно разрѣшается какъ то. Если бы оно не разрѣшалось, не могли же бы всѣ эти уважаемые всѣми люди жить такъ.

Вотъ въ этомъ то душевномъ состояніи онъ по дорогѣ заѣхалъ къ тетушкамъ. И тутъ то съ нимъ случилось то ужасное дѣло, про которое онъ старался забыть всѣ эти девять лѣтъ и которое теперь вдругъ въ такомъ ужасномъ видѣ напомнило ему себя.

*** № 53 (рук. № 19).**

Нехлюдовъ не только считался людьми, знавшими его, порядочнымъ и благороднымъ человѣкомъ, но онъ въ дѣйствительности, несмотря на многія и многія совершенныя имъ дурныя дѣла, былъ точно хорошій и нравственный человѣкъ, стоявшій именно въ нравственномъ отношеніи неизмѣримо выше людей своего круга. Правда, что въ это время, именно вскорѣ послѣ смерти своей матери, онъ находился въ такомъ состояніи нравственнаго упадка, до котораго онъ рѣдко доходилъ, но въ глубинѣ души его не переставая жить тотъ не только порядочный человѣкъ, которымъ его считали люди, но высоконравственный человѣкъ, ставящій выше всего служеніе Богу или нравственное совершенство. Человѣкъ этотъ въ этотъ періодъ его жизни былъ заглушенъ больше, чѣмъ когда нибудь, всѣми маленькими неправдами и ошибками, которыми онъ незамѣтно унижалъ себя. Но нравственный, требовательный къ себѣ человѣкъ былъ живъ.

*** № 54 (рук. № 14).**

Съ этого времени въ немъ началось то недовольство людьми, высокомерное презрѣніе къ нимъ, въ которомъ онъ жилъ теперь. Ему нужно было имѣть высоту, съ которой бы онъ могъ презирать людей и считать себя выше ихъ. И такую высоту давала ему сначала война, военные подвиги – онъ, какъ говорили, отличился на войнѣ и получилъ солдатскаго Георгія и былъ произведенъ скоро въ Офицеры. Потомъ, послѣ войны, такую высоту давало ему петербургское высшее общество, въ которомъ онъ имѣлъ успѣхъ. Потомъ, когда въ этомъ свѣтѣ онъ пересталъ играть роль, когда все, что льстило ему, стало привычнымъ, онъ сдѣлалъ свой послѣдній *coup de tête*, какъ говорила мать, вышелъ въ отставку и поѣхалъ въ Италію заниматься живописью, которой занимался какъ дилетантъ и къ которой ему говорили, что онъ имѣетъ способности.

Но послѣ 2-хъ лѣтъ занятій живописью²¹⁷ онъ почувствовалъ, что живопись не можетъ заполнить его жизнь, онъ вернулся въ Россію и жилъ съ матерью, ничѣмъ не занимаясь, участвуя въ земствѣ и дворянскихъ выборахъ. Нѣсколько разъ онъ примѣревался жениться, но всякій разъ чувствовалъ недостатокъ того неудержимаго влеченія, которое преодолагаетъ всѣ препятствія, и оставался всѣмъ недовольнымъ, почти все и всѣхъ осуждающимъ, умнымъ, образованнымъ 32-лѣтнимъ холостякомъ. Онъ и самъ думалъ, что онъ презираетъ людей. Въ сущности же, въ глубинѣ души, онъ презиралъ себя. И недовольство людьми, которое онъ высказывалъ, было затаенное недовольство собой, котораго онъ не умѣлъ и не хотѣлъ себѣ высказать.

*** № 55 (рук. № 20).**

Глава 29.

Неожиданно строгій приговоръ не особенно поразилъ Маслову – во-первыхъ, потому, что послѣ семи мѣсяцевъ острога и общенія съ подслѣдственными и каторжными сама каторга уже не представлялась столь ужасной, какъ прежде; во-вторыхъ, потому, что Маслова давно уже жила только ближайшимъ будущимъ, не вспоминая того, что было прежде и не думая о томъ, что будетъ впереди, въ третьихъ же, и главное, приговоръ мало поразилъ ее потому, что она въ то время, какъ онъ былъ ей объявленъ, была очень голодна.

Теперь, какъ говорятъ, устроено въ нѣкоторыхъ судахъ такъ, что подсудимыхъ и конвойныхъ кормятъ въ судѣ, но въ то время и въ томъ судѣ этого не было, и Маслова, напившись чаю въ острогѣ въ 6 часовъ утра, почувствовала голодъ уже вскорѣ послѣ привода въ судъ; когда же во время перерыва засѣданія конвойные, сидя около нея, закусывали хлѣбомъ и крутыми яйцами, у нея ротъ наполнился слюной, такъ ей захотѣлось ѣсть, но попросить у нихъ было совѣстно. Когда же къ ней пришелъ ея защитникъ, спрашивая ее, гдѣ именно купецъ подарилъ ей перстень, ей такъ хотѣлось ѣсть, что она, не отвѣчая на вопросъ, робко попросила дать ей 20 копѣекъ, чтобы купить булку. Защитникъ поискалъ въ карманѣ, но у него не было меньше трехъ рублей, а это было много. Онъ обѣщалъ размѣнять и принести ей и, распросивъ о томъ, что считалъ нужнымъ, и занявшись дѣломъ, забылъ о ней. Тогда она обратилась съ просьбой къ прохаживавшему мимо нея съ гусиной шеей и головой на бочекъ раболѣпному въ судѣ судебному приставу; но приставъ вдругъ почему-то разсвирѣпѣлъ и, не глядя на нее, съ налившимися кровью глазами закричалъ:

– Какъ же, сейчасъ все брошу, буду тебѣ служить!

Судебный приставъ такъ измучался униженіями, что ему захотѣлось поважничать, и онъ набросился на Маслову. Но, взглянувъ на нее, ему стало жалко.

– Смотритель то вашъ что думаетъ.

– Виновата, я думала что.. – робко сказала Маслова.

– Смотритель вашъ долженъ васъ накормить, – проговорилъ судебный приставъ и ушелъ.

– Ышъ, когда голоденъ, – сказалъ тогда чувашинъ рябой, подавая ей полломтя хлѣба съ половинкой яйца.

Она поблагодарила чувашина и только что откусила два раза, какъ ихъ позвали опять въ судъ, и она должна была оставить хлѣбъ на подоконникѣ. И такъ она просидѣла не ѣвши до конца засѣданія. И послѣ засѣданія не могла бы поѣсть (защитникъ, обѣщавшій ей 20 копеекъ, забылъ про нее), если бы не прислала ей денегъ, совершенно неожиданно для нея, Каролина Альбертовна Розанова, ея бывшая хозяйка.

**** № 56 (рук. № 15).**

12.

²¹⁷ *Зачеркнуто:* и выставленной и не имѣвшей успѣха картины

По тѣмъ же переулкамъ, по которымъ вели Маслову въ судъ утромъ, провели ее и вечеромъ.

Вечеръ былъ прекрасный. Мостовыя уже были всѣ сухи и кое гдѣ пылили. Конвойныхъ съ арестанткой беспрестанно обгоняли коляски и пролетки ѣдущихъ за городъ. Извозикъ лихачъ, бритый, съ черными усами на сѣромъ жеребцѣ и въ низкой пролеткѣ на шинахъ, на которой сидѣлъ молодой человѣкъ, обнявъ рукой нарядную женщину, совсѣмъ было налетѣлъ на конвойныхъ.

– Легче! Аль не видишь! – крикнулъ на извозчика городской. Но извозикъ не отвѣчалъ, только оглянулся улыбаясь на сѣдоковъ, и сѣдоки что то крикнули и громко засмѣялись.²¹⁸

Видъ этаго лихача, такого, на которомъ она ѣзжала когда то, и этой женщины, на мѣстѣ которой она могла бы быть, не вызвалъ въ Масловой никакого чувства, ни воспоминаній, ни зависти: она только испугалась, какъ бы не задавили ее.

Ея 6-мѣсячное пребываніе въ тюрьмѣ, послѣ 4-лѣтняго пребыванія въ домѣ терпимости, гдѣ была такая же тюрьма съ вставаньемъ въ 1-мъ часу и сидѣньемъ съ гостями до 3-го, 4-го часа, вывели ее совершенно изъ жизни вольнаго міра. Прежде всѣ интересы ея ограничивались отношеніями съ товарками, съ гостями, съ хозяиномъ, пріобрѣтеніемъ новыхъ нарядовъ и заботами о своей наружности. Теперь, эти послѣдніе 6 мѣсяцовъ въ острогѣ, всѣ интересы сводились къ интересамъ ѣды, питья, куренья, любопытства, сплетенъ о дѣлахъ острога же: начальства, товарокъ и мушинъ, подслѣдственныхъ и каторжанъ, которые ухаживали за содержимыми женщинами, передавая имъ изъ окна записки по ниткамъ и устраивая свиданья во время развѣшиванія бѣлья.²¹⁹

Теперь, шагая по камнямъ мостовой непривычными къ ходьбѣ ногами, Маслова думала только объ одномъ: какъ бы поскорѣе придти, раздѣться и напиться чая, поѣсть и, главное, закурить.

То, что она приговорена къ каторгѣ за преступленіе, котораго она не хотѣла совершить, мало занимало ее теперь и вовсе не возмущало ее. Она ужъ такъ привыкла къ тому, что все дѣлается не по справедливости, а по какой то случайной прихоти, привыкла ужъ къ тому, что она не властна въ своей жизни, и что ею играетъ какая то невидимая сила. Она знала, что со времени еще родовъ ея, ее захватила какая то неумолимая машина, втянула и продолжаетъ неумолимо мять и терзать ее. То, что ее приговорили къ каторгѣ, чего не ожидала она и ея защитникъ и тѣ ея товарки, которыя знали ея дѣло, что ее теперешній приговоръ ужъ совсѣмъ не занималъ.²²⁰ Занимало ее одно: желаніе поскорѣе добратъся до острога, въ которомъ она поѣсть, покурить и отдохнуть и вздохнуть свободно, безъ этихъ прокуроровъ, сторожей, солдатъ, которые съ утра швыряли ея, какъ вещь, ни разу никто не позаботившись узнать, что она испытываетъ.

Если бы нужно было доказывать незаконность лишенія свободы, то ничто лучше не доказывало бы это, какъ то, что, для того чтобы не подвергать лишенныхъ свободы людей самымъ ужаснымъ, намъ незамѣтнымъ, но очень существеннымъ страданіямъ, люди, взявшіе на себя устройство жизни лишенныхъ свободы людей, должны бы были всю жизнь свою употребить на удовлетвореніе потребностей заключенныхъ.

²¹⁸ *Зачеркнуто:* Маслова взглянула на пролетку. «Въ каторгу» – и вздохнула. Теперь это кончено было для Масловой. «Каторга! Снимутъ свое платье, одѣнуть въ халатъ и косынку. Сахалинъ. Теперь Костиненко еще пуше пристанетъ», подумала она объ ухаживаніи въ острогѣ каторжанина изъ дворянъ Костиненко, который пересылалъ ей на ниткѣ изъ окна записки и съ которымъ сводила ее Матрена.

²¹⁹ *Зачеркнуто:* какъ ухаживалъ за Масловой одинъ подслѣдственный дворянинъ Костиненко, судившійся за большое мошенничество и пользовавшійся большимъ почетомъ въ острогѣ.

²²⁰ *Эта явно неправильная по конструкции фраза получилась в результате вставки и исправлений, сделанных в предыдущих фразах и не согласованных с последующим текстом.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.